

X
Анциферовские
краеведческие чтения

Санкт-Петербург,
Аничков дворец
2017

Правление Санкт-Петербургского союза краеведов

- В.И. Аксельрод* (зам. председателя), методист Санкт-Петербургского городского дворца творчества юных, председатель координационного совета молодежного общественного движения «Юные за возрождение Петербурга».
- С.Е. Глезеров*, обозреватель Отдела культуры, ведущий разделов «Наследие» и «История» газеты «Санкт-Петербургские ведомости».
- Л.К. Ермолаева*, автор городской образовательной программы по истории и культуре Санкт-Петербурга.
- А.Д. Ерофеев*, журналист, член Санкт-Петербургской городской топонимической комиссии.
- А.В. Князькина*, директор общественной организации «Институт Петербурга».
- А.В. Кобак* (председатель), исполнительный директор Фонда имени Д.С. Лихачева, заместитель председателя Союза краеведов России.
- А.Д. Марголис*, председатель президиума Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).
- З.А. Рудая*, заведующая отделом петербурговедения Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского.
- Т.М. Смирнова*, руководитель научного центра «Петрополь» Санкт-Петербургского дома национальных культур.
- Т.Г. Федоренко*, директор мемориального музея «Разночинный Петербург», руководитель городского центра по истории и практике музейного дела.
- Н.Г. Шейко*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологического образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.
- Д.Ю. Шерих*, шеф-редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

Санкт-Петербургский союз краеведов
Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных
Фонд имени Д.С. Лихачева

Х

Анциферовские краеведческие чтения

Санкт-Петербург
Аничков дворец
2017

Материалы конференции

Европейский Дом
Санкт-Петербург
2018

X Анциферовские краеведческие чтения: 2017 года, Санкт-Петербург / С.-Петербургский союз краеведов, С.-Петербургский городской Дворец творчества юных, Фонд им. Д.С. Лихачева — Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом», 2018 — 223 с., илл.

© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2018

© Издательство «Европейский Дом», 2018

Содержание

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГА

- С. И. Дымищи, Н. А. Шаталова.* Вдохновение книгой:
библиотекари ИОПХ и Рисовальной школы
Владимир Георгиевич Бок и Василий Семенович Степанов 8
- Л. Ю. Сапрыкина.* Форостовский в Петербурге 14
- П. И. Талеров.* Народник Николай Михайловский:
в последний путь 21
- Е. А. Тимофеева-Козлова.* Василий Уважный —
забытый художник XVIII века 29
- В. А. Черненко.* Прообразы монумента
императору Александру I в Санкт-Петербурге 35
- В. И. Аксельрод.* Петербург в романе Е. Водолазкина «Авиатор» 44

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

- Е. В. Бакалдина.* Борьба Е. М. Боткиной за сохранение
родительского дома (Васильевский остров, 18-я линия, д. 1) 55
- С. Г. Замешайлова.* Новая жизнь храма Андрея Критского 64
- М. В. Шкаровский.* Подворье Валаамского монастыря
на Васильевском острове Санкт-Петербурга 74
- Е. И. Щиканова.* История строительства
Дома культуры текстильщиков
(ныне Книжная ярмарка ДК им. Крупской) 81

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ПЕТЕРБУРГА—ЛЕНИНГРАДА

<i>Т. М. Гусенцова, И. Н. Добрынина, И. Б. Фурманова.</i> Выборгская сторона в литературных произведениях XIX века	87
<i>Т. В. Данилова.</i> Озеро Долгое: прошлое и настоящее «спального» района	96
<i>В. А. Коренцвит.</i> Какого времени фасад Летнего дворца Петра I пытаются воссоздать реставраторы?	101
<i>Н. А. Малышева.</i> Сербский Петербург	113
<i>Е. В. Нестерук.</i> Затяга гофмедика Крюкова. (К истории Крестовского острова)	117
<i>В. В. Журавлёв, В. Н. Наумов.</i> Морские традиции Сидоровского канала в Ораниенбауме	122

ИЗ ИСТОРИИ ПРИГОРОДОВ ПЕТЕРБУРГА

<i>Е. Ю. Михеева.</i> Виталий Андреевич Гущин: путь в историю Петергофа	137
<i>В. В. Пузатых.</i> Из истории Дворцового сада в Красном селе	146
<i>Д. В. Сакулина.</i> Почти забытые имена... ..	155
<i>Г. А. Халемский.</i> Краеведческий аспект динамики развития православия: к 100-летию Великой Октябрьской революции	158
<i>Я. О. Александрова.</i> Кондитерская упаковка в коллекциях СПб ГБУК «Музей “Разночинный Петербург”»	167

В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК И АРХИВОВ. ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>Н. Ф. Золотухина.</i> Новое в исследовании истории создания картины Рембрандта «Возвращение блудного сына» (Государственный Эрмитаж)	172
<i>Е. А. Мозгалева.</i> Скульптурные и архитектурные памятники на территории Санкт-Петербургского Политехнического государственного университета и их значение для воспитания студенчества	182

<i>Н. А. Пугачева.</i> Частный музей-квартира Л. Н. Бенуа: новая концепция мемориального музея и его экскурсионной презентации	187
<i>Ю. В. Виноградова.</i> «Дома рассказывают»: загадки дома Мятлевых	194

**ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ.
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

<i>Т. С. Саркисова.</i> Из истории Детскосельской экскурсионной станции	203
<i>Г. И. Тимофеев-Козлов.</i> Подвиг бойцов 196-й Гатчинской Краснознамённой стрелковой дивизии в феврале 1944 года	209
<i>Т. В. Шестухина.</i> Формирование познавательной мотивации школьников средствами интерактивной командной игры-квеста (на примере квеста «Литературные места Лесного»)	218
Краткие сведения об авторах	222

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГА

*С. И. Дымишиц,
Н. А. Шаталова*

Вдохновение книгой: библиотекари ИОПХ¹ и Рисовальной школы Владимир Георгиевич Бок и Василий Семенович Степанов

Летом 2017 года в Государственном Эрмитаже состоялась выставка «Эрмитажная энциклопедия текстиля. История и реставрация». Среди экспонатов были представлены ткани из собрания коптской коллекции, относящиеся к разряду археологических памятников.

Основу эрмитажной коптской коллекции заложил хранитель Отделения средних веков и эпохи Возрождения Владимир Георгиевич Бок (1850–1899). В марте 1889 года он привез из Египта, более двух тысяч

¹ Императорское общество поощрения художеств (ИОПХ) — возникшее в 1821 году объединение меценатов и общественных деятелей, содействовавшее распространению интереса к изобразительному искусству среди жителей Российской империи, а также финансово поддерживавшее молодых и перспективных художников. До 1882 года было известно под названием Общества поощрения художников (ОПХ). Ликвидировано в 1929 году.

экземпляров узорчатых тканей, а после его второй поездки в долину Нила в октябре 1897—мае 1898 года музей обогатился уже более чем полутора тысячами разнообразных произведений из металла, керамики, ткани, стекла, перламутра, памятников письменности. Всего в собрании оказалось около 4 тысяч предметов, что сразу выдвинуло Эрмитаж в число крупнейших в мире обладателей коптских сокровищ.

В 1898 году в Эрмитаже, в Лоджиях Рафаэля, Бок открывает первую масштабную экспозицию коптского искусства. Ей предшествовала сложная работа по организации хранения, фотографированию, классификации и реставрации памятников древности.

Деятельность В. Г. Бока была связана с библиотекой ИОПХ и Рисовальной школой. В 1870 году он становится сочленом ИОПХ и активно работает с секретарем Общества, организатором первого в России художественно-промышленного музея, писателем и общественным деятелем Дмитрием Васильевичем Григоровичем (1822—1899). В 1880 году, по заданию Комитета ОПХ в качестве библиотекаря школы, Бок совершает поездки в Европу с целью изучения состояния рисовальных школ в Вене, Мюнхене, Париже, Штутгарте, Дрездене, Берлине и исследует методы профессионального обучения художников². Привезенные им из заграничной поездки книги, учебные и художественные пособия, гравюры, фотографии, картины значительно дополнили фонд библиотеки ИОПХ.

В центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга сохранилась обширная переписка Бока с рисовальными школами Российской империи, французскими и немецкими издательствами, которую Бок вел с целью пополнения фонда и книгообмена³. Например, он сотрудничает с выдающимися французскими типографами, новаторами печатного дела и издателями Жюлем Клеем и Альбертом Квантино. Итогом этой переписки стало поступление в 1880 году в библиотеку журнала «Revue des Artes Decoratifs»⁴. Несомненный интерес представляет тот факт, что многие произведения Виктора Гюго были опубликованы в издательстве Альберта Квантино.

В должности библиотекаря Общества Бок проработал с 1880 по 1883 годы, но смог за короткое время пополнить библиотеку ценнейшими изданиями по западноевропейскому искусству, большая часть которых представляет учебные пособия и периодические издания по рисунку,

² Макаренко Н. Е. Школа Императорского Общества Поощрения художеств. 1839—1914. — Пг., 1914. — 115 с.

³ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 264. Л. 49

⁴ Там же. Л.14.

скульптуре, орнаменту, графическому и декоративно-прикладному искусству. Среди них ежегодное издание, выходившее в Мюнхене под редакцией Георга Хирта «Форма сокровища — источник обучения и вдохновения для художников и ремесленников», поступавшее в библиотеку с 1879—1896 годы, с шедеврами графического искусства из собраний крупнейших музеев Германии, является поистине источником вдохновения для художников и ремесленников.

Любовь Бока к Египту объясняет получение роскошного немецкого двухтомного издания ученого-египтолога, писателя и папиролога Георга Морица Эберса «Древний Египет в истории и Писании», напечатанного в Штутгарте и Лейпциге в 1879—1880 годах.

Именно в этот период времени Бок сформировался как коллекционер и музейный работник. В его холостяцкой квартире в доме 46 на Большой Морской улице хранились не только коптские ткани, изделия из резной кости и металла, но и более 300 памятников русского прикладного искусства XVI—XIX веков, которые в последствии он пожертвовал музею ИОПХ, где для их хранения были установлены специальные именные витрины. Книги из своего собрания, многие из которых были с дарственными надписями графа И. И. Толстого, историка византийского и древнерусского искусства Н. П. Кондакова, искусствоведа, исследователя живописи Палатинской капеллы в Палермо А. А. Павловского и ряда других ученых, Бок подарил библиотеке ИОПХ и Рисовальной школы.

Итогом научной деятельности Владимира Георгиевича стала обширная и многоплановая работа «Материалы по археологии христианского Египта»⁵, изданная уже после смерти автора. Эта книга увидела свет благодаря участию его друзей Я. И. Смирнова и В. С. Голенищева, которые отбирали материалы, редактировали черновики и осуществили публикацию при финансовой поддержке Марии Дмитриевны Игнатъевой, родственницы Бока. Исследования ученого по истории памятников коптского искусства и сегодня представляют научный интерес.

В 1999 году в Эрмитаже прошла научная конференция, посвященная памяти В. Г. Бока (1850—1899) «Копты: Религия. Культура. Искусство», а в 2004 году состоялось заседание, посвященное 100-летию юбилею выхода в свет его посмертного труда «Материалы по археологии христианского Египта».

⁵ Бок В. Г. Материалы по археологии христианского Египта. Текст и атлас. — СПб., 1901. — 94 стр., 33 табл. (Текст на русск. и франц. яз.).

На уже упоминавшейся выставке «Эрмитажная энциклопедия текстиля. История и реставрация» были представлены уникальные археологические коптские ткани приобретенные В. Г. Бокон в Египте. В их реставрации приняли участие выпускники Санкт-Петербургского художественного училища имени Н. К. Рериха молодые художники-реставраторы А. А. Рядова, И. С. Кость, А. А. Шапран, сохраняющие лучшие традиции ИОПХ и Рисовальной школы.

Вместе с Бокон в качестве помощника библиотекаря начал свою карьеру выпускник Рисовальной школы Василий Семенович Степанов (1860 — ?). Этот скромный труженик проработал в библиотеке 35 лет, собрав уникальную коллекцию книг и журналов по искусству и мировой художественной культуре⁶.

Степанов учится у директора школы, архитектора Евгения Александровича Сабанеева (1847–1919), который преподавал в Рисовальной школе сочинение рисунков, акварели с натуры, историю стилей. Сабанеев интересовался судьбой выпускников школы, в течение ряда лет собирал сведения об их деятельности и в списках бывших воспитанников, Степанов числился как рисовальщик для местных заводов. С 1883 года Василий Семенович поступил на должность библиотекаря ИОПХ и преподавал в классе композиции Рисовальной школы. Его помощником в библиотеке стал также выпускник Рисовальной Школы замечательный рисовальщик Филоненко.

Степанов часто становился победителем разнообразных конкурсов рисунков и проектов. В 1906 году Степанов вместе с женой Ольгой Степановой, бывшей ученицей Рисовальной школы, участвовал в ежегодном конкурсе фарфоровых и стеклянных изделий. И он, и она получили утвержденные императрицей Александрой Федоровной премии в размере 100 рублей каждый: Ольга за хрустальный сервиз под девизом «Acanthus Spinus», Владимир — за проект вазы под девизом «Елки».

В 1907 году из 12 конкурсных проектов декоративного убранства вокзала Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги жюри выбирает работу Владимира Семеновича.

Степанов был активным членом художественного общества «Мюссаровские понедельники» (1881–1917), которое размещалось в здании на Английской набережной, дом 6. В 1914 году Общество организовало персональную выставку своего старейшего художника Степанова, доступ на нее был открыт публике по понедельникам.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1633. Л. 2.

В системе преподавания Рисовальной школы огромную роль играло копирование орнаментов и предметов декоративно-прикладного искусства. Специальные занятия по композиции и технологии проводились в музее ИОПХ. Сохранились примеры сопоставления работ педагогов и учащихся, выполненных как с музейных экспонатов, так и фолиантов. Представляет интерес копия креста, исполненная неизвестным автором с рисунка, помещенного в многотомном труде академика живописи Федора Солнцева «Древности государства Российского», которая демонстрирует глубину изучения особенностей русского стиля.

На следующем этапе учащиеся переходили к копированию музейных предметов, например, сохранился рисунок резных деревянных раскрашенных врат XVI–XVII веков, которые украшали коллекцию русского отдела художественно-промышленного музея, работы ученицы Е. С. Поповой. Рисунки учащихся, сделанные с экспонатов музея, дают возможность увидеть и оценить историческую, культурную и художественную картину утраченных памятников искусства. Рисунки сохранились благодаря бережному наклеиванию на картонное основание. Листы дополнялись фотографическим материалом, вырезками из дублетной литературы, сброшюровывались по тематическому принципу и переплетались. Таким же способом в формате *in folio* оформлялись фотолитографированные листы с изображением шедевров музейных коллекций. Например, отски с авторским знаком фотографа Шарля Марвиля, запечатлевшего рисунки гениев эпохи Возрождения из музейного собрания Лувра и рисунки выдающегося мастера в истории русского геральдического искусства Александра Александровича Фадеева, художника Геральдического отделения Департамента Герольдии Правительствующего Сената. Фадеев был автором Малого герба России, который был утвержден еще в 1856 году. Связана ли была педагогическая деятельность А. А. Фадеева с работой в Рисовальной школе еще предстоит выяснить, но В. С. Степанов трогательно расположил его рисунки в одном фолианте вместе с рисунками своей жены.

Изучение архивных документов (личное дело Степанова⁷, журнал прихода и расхода в библиотеке ИОПХ за 1900–1917 годы), отчеты ИОПХ за первое десятилетие XX века, дают возможность проследить систему поступления изданий как покупных, так и подаренных крупными меценатами. В 1909 году в библиотеку поступило пожертвование княгини М. К. Тенишевой увраж М. Verneuil «Etude de la Plante», труд Н. П. Лиха-

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 2. Л. 3492.

чева «История Русского Иконописания»; в 1910 году альбом собрания оружия от Императорского Эрмитажа; в 1913 году издание А. Л. Волынского «Леонардо да Винчи», 60 офортов И. И. Шишкина, «История русской одежды» П. К. Степанова. Отрадно заметить, что спустя столетие мы можем говорить не только об утратах но и о сохранных книжных шедеврах.

В конце XIX — начале XX века в сохранении книжного фонда принимали участие такие видные деятели культуры, как историк искусства Николай Петрович Собко и сестра Михаила Врубеля Анна Александровна Врубель, которая была несколько лет помощницей Василия Семеновича Степанова.

Вдохновение книгой... В этом несколько пафосном названии отражается суть вопроса, судьбы людей, которые немало сил, энергии, ума и любви отдали развитию и становлению книжной культуры, на основе которой было воспитано не одно поколение художников, историков искусства и просто любителей прекрасного.

Форостовский в Петербурге

Архитектурным акцентом 4-й линии Васильевского острова можно смело считать особняк Павла Павловича Форостовского (дом № 9). Это одна из интереснейших построек архитектора К. К. Шмидта в стиле модерн. Участок с деревянным и двумя каменными домами Форостовский приобрёл в 1900 году и в этом же году заказал проект будущего дома Шмидту. Постройка сочетала в себе функции жилого и административного здания. В жилую зону включалась квартира домовладельца, с парадными и жилыми покоем, зимним садом и совершенно отдельным флигелем для детей, в служебную — помещения для экспедиторской конторы с отдельным парадным и черным ходами, сухой подвал для складирования товаров. Товары должны были спускаться в подвал по покатой поверхности на тележках.

Здание ассиметричное в плане, двухэтажное, имеет П-образную форму. Дворы соединены с улицей и между собой проездами. Дом состоит из главного лицевого флигеля с конторой и квартирой и двух примыкающих к нему дворовых (хозяйственного и детского) флигелей. Восточную часть территории занимал внутренний двор с садом. В хозяйстве имелись конюшни и каретные сараи с сеновалом, коровник. Главный фасад был облицован желтым кирпичом, в цоколе — блоками красный гангутский гранит.

Орнаментированные украшения окон выполнены из камня и майоликовых плиток. Вся декоративная отделка в стиле романтического модерна и, в общем, неплохо сохранилась. Фасад прорезан разнообразными по форме оконными проемами (тройными, Т-образными, одинарными). Главный вход в особняк в левой части здания утоплен относительно плос-

кости стены. Выступающий граненый эркер переходит в точно такую же башенку со шпилем. Правый ризалит венчает четырехскатная фигурная башенка с высоким шпилем, а со стороны южного внутреннего двора доминирует в качестве вертикального акцента кирпичная дымовая труба. Перед домом палисадник с невысокой металлической оградой. Не менее интересными оказались и дворовые фасады. Все стены оштукатурены, но имеют орнаментальное украшение из красного кирпича. Окна расположены ассиметрично и разнообразны по форме: от бойниц до тройных арочных. Деревянный карниз выделен пестрыми плитками.

В интерьерах частично сохранилась первоначальная отделка вестибюля, парадной лестницы, кабинета. Одно из самых интересных и хорошо сохранившихся помещений — зимний сад. Он расположен на втором этаже над воротным проездом. металлоконструкции украшают его как с внешней, так и с внутренней стороны. Помещение сада имеет двойное остекление. Одна из стен изнутри отделана туфом и чем-то напоминает грот. В центре сада фонтан и подставка для цветов в виде скалы¹. Две изумительной красоты глазурованные печи в стиле модерн так же сохранились от прежних владельцев. Очень необычно оформлен кабинет — в виде ротонды.

Интересна история владельца особняка и его родственников. Павел Павлович Форостовский-младший, потомственный дворянин, родился 16 августа 1858 года. Сохранилось немало сведений об его отце, Павле Павловиче Форостовском-старшем (10 января 1821—17 мая 1894). В ЦГИА СПб есть формулярный список Форостовского-старшего за 1863 год. Православный, из дворян, родовых имений не имел. Выпускник Царскосельского лицея 1842 года. В этом же году причислен к Министерству внутренних дел, определен в Департамент общих дел младшим помощником столоначальника. С марта 1844 года исполнял обязанности столоначальника, а с 1 января 1846 года утвержден в этой должности, к ноябрю уже старший столоначальник и получил чин надворного советника. В декабре 1849 года командирован в Черниговскую губернию по особо секретному делу, откуда вернулся только через три месяца (возможно, принимал участие в расследование дела крестьянина-вольнодумца С. Н. Олейничука, написавшего книгу, в которой откровенно выступал против самодержавия и крепостничества). В октябре 1851 года получил чин коллежского советника, в 1854 — статского советника. Имел бронзовую медаль в па-

¹ Рейман А. Л. Зимние сады Петербурга эпохи модерна // Модерн в России. Накануне перемен: материалы XXIII Царскосельской научной конференции.— СПб.: Серебряный век, 2017.

мья Крымской войны. За усердную службу в 1856 году пожалован годовым окладом в размере 857 рублей. В июне 1857 года причислен к Кабинету Его Величества. Тогда же поручено исправление должности Директора Императорского фарфорового завода. В 1862 уволен от должности и причислен к Министерству финансов. В апреле 1863 года назначен членом от Правительства в Ковенское по крестьянским делам присутствие. Отмечали как способного и достойного в служебных вопросах.

Дважды овдовел. От первого брака имел дочь Татьяну (род. 23 января 1852). Вторая супруга Евгения Романовна (урожд. Хендерсон), англиканского вероисповедания, скончалась в июне 1863 года, оставив мужу малолетних детей: дочь Евгению (род. 4 апреля 1856); Ольгу (род. 19 ноября 1859); Веру (род. 21 ноября 1861) и сыновей Георгия (род. 05 марта 1857) и Павла (род. 05 августа 1858). В собственность детям от матери достался деревянный дом с садом и огородом в 11-й роте Измайловского полка под № 74/8. За детьми первое время присматривала родная сестра покойной, девица Робина Романовна Хендерсон, великобританская подданная. Но в виду своего частого отсутствия по служебным делам отец был вынужден просить об учреждении опеки над детьми. В качестве опекуна желал видеть Михаила Илларионовича Цитовича, служащего военного министерства. П. П. Форостовский-старший скончался 17 мая 1894 года в Перми в чине действительного статского советника и в должности управляющего Пермской казенной палатой².

П. П. Форостовский-младший обучался в училище при Реформатской церкви. Поступил на государственную службу в двадцатилетнем возрасте в 1878 году, зачислившись одновременно в Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов и в Правление Общества Константиновской железной дороги. В вечерние часы работал у своего двоюродного брата Александра Александровича Форостовского, имевшего экспедиторское дело при Петроградских таможах. В ноябре 1887 года коллежский секретарь П. П. Форостовский вступил в брак с семнадцатилетней Целестиной Федоровной (Фридриховной) фан-дер Флит, дочерью умершего СПб 2-й гильдии купца Ф. И. фан-дер Флита и вдовы его Марии, урожденной Ревильон. Целестина с матерью в этот момент проживала на 11-й линии Васильевского острова. Как показало время, жизнь Форостовских и в дальнейшем будет связана с Васильевским островом.

Фамилию Ревильон в Петербурге многие знали не понаслышке. Жорж Ревильон (1802–1859) родом из Франции, приехал в Петербург по приглашению императора Николая I. Крупнейший российский словолитчик

² ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 12580.

XIX века. Первоначально работал у Александра Плюшара. В 1830-х годах основал в столице собственную словолитню «Ревильон и Ко», впервые в России независимую от типографии. Ввел в России типометрическую систему Фирмена Дидо, поставлял шрифты в большинство российских типографий — Глазунова, Греча, Смирдина, Фишера, в том числе провинциальных. Выпустил пять каталогов своих шрифтов (1837, 1839, 1841, 1842, 1855 гг.) и свыше 2000 политипажей. Шрифты Ревильона развивали форму антиквы нового стиля Дидо применительно к кириллице, отразили романтические веяния в искусстве. В 1878 году словолитня Ревильона перешла к Маврикию Осиповичу Вольфу. Жорж Ревильон был похоронен на Волковском лютеранском кладбище³.

В 1889 году П. П. Форостовский решает окончательно уйти в экспедиторское дело. В следующем году открывает собственную контору при самых скромных началах и приступает к самостоятельной деятельности. Контора Форостовского занималась таможенными операциями с прибывшими в порт грузами, перевозкой грузов из Финляндии в Россию. В 1890 году по достижении совершеннолетия Целестина Федоровна смогла получить вклады в банке, завещанные ей отцом, которые в дальнейшем помогли ее мужу в развитии и расширении деловых операций. 11 июля 1901 года была основана транспортно-экспедиторская фирма в форме торгового дома (полное товарищество) с капиталом в 300 тысяч рублей. Компаньонами Павла Павловича были его кузен А. А. Форостовский и германский подданный Альфред Августович Гервиг. Постепенно торговый дом «Павел Форостовский» занял одно из первых мест среди существующих экспедиторских фирм.

Его клиентами в разные годы были Карл Фаберже, фирма «Штоль и Шмит», Российско-американская фирма «Треугольник» и Путиловский завод. Из Швеции и Англии торговый дом для «Треугольника» получал цинковые белила, чугунные колодки, цинкографический бумагу. Держа высокую планку в работе, Форостовский не терпел, когда по халатности служащих или посредников происходили задержки с товаром, недостача и прочие неприятности. Ассортимент товаров, проходивший через торговый дом был необычайно широк: от карандашей и сельдей в бочках до автомобилей. В ноябре 1912 года П. П. Форостовский был избран в гласные Городской думы, исполнял должность биржевого старшины. Но так как дела торгового дома постоянно расширялись и были открыты отделе-

³ Адарюков В. Я. Библиография русских типографских шрифтов.— М., [1924]; Шицгал А. Г. Русский типографский шрифт. — М., 1974.

ния в Москве и Риге, которые требовали его частого присутствия, Форостовский вынужден был отказаться от этой должности.

Торговый дом «Павел Форостовский» был тесно связан с Балтийским заводом, особенно в 1914–1916 годы. Через Архангельск грузы с металлом шли дальше (алюминий в слитках, олово). Через Владивосток Балтийский завод получал свинец для шрапнельных пуль, цинк в слитках. Из Ливерпуля в Архангельск на пароходе «Виннфильд» летом 1917 года пришло почти 1700 медных листов. В сентябре 1917 года торговые отношения с Балтийским заводом были прерваны ввиду отсутствия свободных денежных знаков. Наступали другие времена!⁴

В ЦГИА СПб сохранилось немало документов, касающихся предпринимательской деятельности ТД «Павел Форостовский». В частности — переписка с правлением Владимирской Биржевой артели, многолетним партнером торгового дома. Работники артели обслуживали склады Форостовского на Тучковом буяне, развозили приходившие товары по заказчикам, служили в его конторе, в порту⁵.

У П. П. Форостовского было восемь детей: Георгий (род. 12 декабря 1889), Вера (род. 1890), Борис (род. 1891), Татьяна (род. 1893), Мария (род. 1895), Павел (род. 1897), Евгения (род. 1899), Маргарита (род. 1901). Неслучайно, что в строящемся доме планировался отдельный детский флигель.

Восприемниками старшего сына Георгия были статский советник Павел Павлович Форостовский-старший и жена дворянина, временного СПб 2-й гильдии купца Наталья Егоровна Форостовская.

Наталья Егоровна (урожд. Ревильон, по первому браку фан-дер Флит) в 1857 году вышла замуж за уже упоминавшегося Александра Александровича Форостовского, временного 2-й гильдии купца, выпускника Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии. Так что Наталья Егоровна приходилась родственницей Форостовским с обеих сторон⁶.

Георгий с 1900 года учился в Императорском училище правоведения, но в декабре 1905 года выбыл из шестого класса Училища согласно прошению отца, по домашним обстоятельствам (как написано в документе), с весьма скромными оценками по всем предметам⁷. Поступил в шестой класс гимназии К. Мая в августе 1906 года. Обучался по май 1910 года,

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1304. Оп. 3. Д. 645.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 112.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 93.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 335. Оп. 1. Д. 3283.

окончил полный восьмиклассный курс⁸. Там же с 1902 по 1910 год учился его младший брат Борис. После окончания гимназии Георгий поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Его место жительства: В. О., 4-я линия, дом № 9.

Павел Павлович Форостовский овдовел в июле 1910 года. В семейных архивах сохранилась общая семейная фотография за 1904 год, где все запечатлены во дворе дома. Женщины в трауре по недавнему печальному событию, кончине М. Ф. ван дер Флит. Семья еще не знает, что впереди — новые несчастья. 14 января 1914 года в возрасте 22 лет в Египте от туберкулеза скончается сын Борис, прах перевезут в Петербург. А 6 июня того же года, в результате несчастного случая, не станет сына Георгия. По официальной версии, сбит железнодорожным поездом на станции Стрельна. Оба брата будут похоронены на Смоленском лютеранском кладбище, рядом с матерью.

Павел Павлович Форостовский с семьей после 1917 года оказался в Финляндии, где еще в 1911–1912 годах построил усадьбу в селе Китула (Kitula)⁹, на берегу озера Кирккоярви. На противоположном берегу в селе Поляны жила семья Веры Павловны Прониной (Форостовской). В 1920–1930-е П. П. Форостовский жил в Финляндии, потом в Стокгольме, куда в 1948 году дочери приехали к нему на его девяностолетие. Форостовский прожил долгую жизнь и ушел в мир иной в 1954 году в возрасте 96 лет. Похоронен в Стокгольме.

Род Форостовских жив. Представители этой семьи проживают в Париже и Хельсинки, неплохо знают свою родословную. В Париже живут правнуки Жоржа Ревильона — Жорж Делорма с братом. Они посетили Петербург в 2015 году, побывали на Смоленском лютеранском кладбище и нашли могилы Целестины Федоровны Форостовской и ее сыновей Георгия и Бориса. Ирина Линдеберг (1941 г. р.), внучка старшей дочери Павла Павловича Форостовского — Веры Павловны Прониной, ныне проживает в Хельсинки. Именно она предоставила информацию, касающуюся дальнейшей судьбы Павла Павловича Форостовского и его детей.

Вера Павловна Пронина (урожд. Форостовская) жила в Финляндии, имела двух сыновей и двух дочерей. Туда же переехала и Татьяна Павловна Каменская (урожд. Форостовская), имевшая дочь и двух сыновей.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 55729.

⁹ Ныне упразднённый посёлок Подгорное в Полянском сельском поселении Выборгского района Ленинградской области. URL: <http://archive.li/PcQu> (дата последнего обращения 22.06.2018).

Мария Павловна Форостовская жила в Берлине, скончалась в 1937 году. Евгения Павловна Каплан (урожд. Форостовская) осела в Париже, имела двух сыновей. Маргарита Павловна Игнатова (урожд. Форостовская) жила сначала в Берлине, потом в Стокгольме. Павел Павлович Форостовский, младший сын, после 1917 года жил в основном в Париже, был женат. Умер в 1944.

Проходят годы, десятилетия, столетия. Течением реки унесло многих. Не все смогли удержать руль лодки и оказались выброшенными на чужие берега. Но восстановить картину жизни ушедшей эпохи все-таки возможно. Существуют верные хранители памяти: дома, семейные альбомы и, конечно, потомки. И пусть они живут далеко от родины своего предка, но именно они делают все возможное, чтобы историческая нить памяти не прервалась.

Народник Николай Михайловский: в последний путь

В ночь на 28 января¹ 1904 года Николай Константинович Михайловский, один из «властителей дум России» того времени, известный публицист-социолог, покинул этот бренный мир. Эта печальная новость всколыхнула не только либерально настроенных обывателей столицы, но и всю страну, несмотря на быстро развивающиеся трагические события надвигающейся русско-японской войны. Газеты тогда были буквально наводнены хроникой событий на Дальнем Востоке, сообщениями о мобилизациях и об отправке войск для ведения военных действий. Информация о внутренней жизни традиционно отодвигалась с первого места в многочисленной прессе.

Последние годы своей жизни Николай Константинович жил в доме № 5 на Спасской улице (ныне это улица Рылеева) в центре Петербурга, напротив Спасо-Преображеского собора, рядом с редакцией журнала «Русское богатство», в 1880–1918 годах занимавшего помещения в трехэтажном здании под № 1/9 на углу той же Спасской улицы и улицы Баскова (ныне — ул. Короленко). По сути этот участок Спасской улицы, находящийся справа от собора, является частью обширной Преображенской площади, образуемой грандиозным пятикупольным культовым сооружением, построенным в 1754 году первоначально по проекту архитектора Пьетро Трезини в память о той роли, которую сыграли гренадеры

¹ Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

Преображенского полка в воцарении на трон императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра I. В 1827–1829 годах храм был восстановлен после пожара 1825 года в несколько больших объемах по проекту архитектора В. П. Стасова.

В 1893 году Н. К. Михайловский стал редактором, а впоследствии вместе с В. Г. Короленко — и издателем «Русского богатства». В этом либерально-демократическом журнале печатались в разное время многие известные русские писатели и публицисты: В. Гаршин, К. Станюкович, И. Бунин, А. Куприн, Л. Андреев, М. Горький, В. Вересаев и др. В конце 1890-х годов Николай Константинович перебрался поближе к редакции, хотя и до этого он жил не так далеко — в доме № 24 по той же Спасской улице². Напряженная публицистическая и редакторская работа заставляла экономить время даже до такой мелочи, как путь от дома до работы и обратно. Четырехэтажный дом, квартиру в котором снимал Михайловский, относился к категории доходных (а таких было великое множество в столице) и с февраля 1898 года принадлежал вдове коммерции советника Александре Петровне Мироносицкой³.

Известный русский писатель Владимир Галактионович Короленко (1854–1921), с которым впервые в феврале 1879 года судьба свела Михайловского, с особым уважением и благоговением относился к своему другу и соратнику. Особенно писателя удивляли в этом изящном, как будто холодно-деловом, среднего роста человеке глаза, отражавшие « всю глубину мысли, которая так заманчива в его сочинениях, и угадывается еще что-то — теплее и привлекательнее одной мысли <...> Этот человек не легко допустит в свое святая святых, даже только в его преддверие». Вместе с тем за внешней неприступностью те, перед которыми он «приподнимал завесу, скрывавшую глубину его интимной личности, знали, сколько за этой суровой внешностью скрывалось теплоты и мягкости и какое в этой суровой душе пылало яркое пламя...». Михайловский не признавал никаких классовых кумиров, преклоняясь лишь «перед живой мыслью, искавшей правды, то есть познания истины и осуществления справедливости человеческих отношений»⁴.

² Н. К. Михайловский несколько раз менял свое местожительство в столице. Известно, что в 1876 году он жил на Екатерининском канале (ныне — канал Грибоедова) недалеко от Аларчина моста.

³ Дубин А. С. Улица Рылеева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — С. 47.

⁴ Короленко В. Г. Собр. соч. в 5 т. Т. 3. — Л.: Худ. лит. Лен. Отд-е, 1990. — С. 677, 683–684.

Российская пресса тех скорбных дней конца января 1904 года с горечью описывала последние часы жизни знаменитого публициста. Накануне своей кончины всегда активный и деятельный Михайловский приехал к восьми часам вечера на совместное заседание комитета и ревизионной комиссии Литературного фонда⁵ (Н. К. Михайловский был членом комитета, а ранее несколько раз занимал пост его председателя.) И на этот раз, как и всегда, Николай Константинович проявлял свой интерес к проблемам литераторов, принимая «самое деятельное участие в обсуждении текущих дел и повседневных нужд пишущей братии»⁶ до самого окончания затянувшегося далеко за полночь заседания. «Всё время, по отзывам участвующих в этом заседании, он чувствовал себя вполне хорошо, не жаловался ни на упадок сил, ни даже на сердце...»⁷, говорили, что «весь день его не покидало его обычное остроумие, веселость, умение сбросить с себя на время думы и заботы и отдаться настроению»⁸. Однако по дороге домой около часу ночи Михайловский почувствовал себя плохо. Швейцар, открывавший ему парадную дверь, обратил внимание на его чрезвычайную бледность. Поднимался к себе в квартиру Николай Константинович очень медленно, а в передней ему стало настолько плохо, что он принял «порошок codeina⁹ и 1/2 стакана воды...». Вернувшись домой через час после этого его сын¹⁰ и племянник застали Михайловского уже мертвым. По всей видимости произошел обширный сердечный приступ (инфаркт или «паралич сердца», как сообщала пресса) по причине физической, умственной и эмоциональной перегрузки¹¹. Об этом свидетельствует и история заболевания ученого-публициста: «Тревожные призна-

⁵ Общество пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) располагалось на наб. реки Фонтанки, 25. Годовые собрания проводились 2 февраля, комитет собирался каждые две недели по понедельникам.

⁶ *Короленко В. Г.* Николай Константинович Михайловский // Русское богатство. — 1904. — № 2, февраль. — С. 1.

⁷ У гроба Н. К. Михайловского // Новости и Биржевая газета. 2 изд. — 1904. — № 28, 29 января. — С. 3.

⁸ *Карышев Н. А.* Памяти Н. К. Михайловского // Русское богатство. — 1904. — № 3, март. отд. II. — С. 15.

⁹ Кодеин — алкалоид, содержащийся в опийном маке, производное морфина. Применяют как болеутоляющее, успокаивающее средство и против кашля.

¹⁰ По-видимому Марк Николаевич (1877–1904), проживавший вместе с отцом.

¹¹ В отсутствие официального медицинского заключения о смерти остается только удивляться беспечности коллег, близких и прислуги, не позвавших за врачом при явных признаках расстройств здоровья Н. К. Михайловского.

ки обнаружались впервые в 1896 году, когда у Николая Константиновича появились припадки внезапной дурноты, головокружения и даже временной потери сознания»¹². Врачи советовали сменить режим работы и образ жизни, но это было невозможно, прежде всего, из-за характера самого Михайловского. В последние годы его физические силы стали заметно падать. Он снял с себя некоторую часть редакторской работы, стал избегать шумного общества, чаще отдыхал на тихом сестрорецком курорте, «с его видом на взморье, с сосновым лесом и пеленой ровных снегов по зимам <...> Все чаще и чаще он искал там уединения и отдыха, и каждый раз опять возвращался окрепшим...». В последний месяц Николай Константинович чувствовал себя лучше и менее всего его друзья и близкие «ждали катастрофы именно теперь»¹³... «Нелепая смерть, тяжелая утрата для всего образованного русского общества»¹⁴.

В многочисленных некрологах и памятных заметках, опубликованных в ведущих российских газетах в связи с печальным событием, отмечался тот неоценимый вклад, который внес Н. К. Михайловский в русскую общественную мысль и культуру на своем сорокалетнем славном посту: «Начав свою деятельность в раннюю весну русской жизни, в 1860 годы, когда громадная страна только что вышла из крепостнического уклада и ступила на широкий путь приобщения к культурному миру, покойный с ярким знаменем «правда и справедливость» в руках вступил на арену общественной деятельности, оставаясь всегда верным традициям шестидесятых годов»¹⁵. Вспоминается его длительное сотрудничество с «Отечественными записками» (с конца 1868 года и до закрытия журнала, в котором после смерти Н. А. Некрасова Михайловский был соредактором М. Е. Салтыкова-Щедрина с 1878 по 1884 год). В те годы «Отечественные записки» играли важнейшую роль в формировании либерального мировоззрения в среде русской интеллигенции, служили своеобразной «школой жизни». А Михайловский, «этот сильный, молодой, бойкий, смелый талант, этот борец *par excellence*»¹⁶ — был властителем дум. Его боялись <...> У него не было никаких других интересов,

¹² Короленко В. Г. Николай Константинович Михайловский. Указ. изд. — С. II.

¹³ Там же. С. VII, VIII.

¹⁴ Винский Б. И. Памяти Н. К. Михайловского // Санкт-Петербургские ведомости. — 1904. — № 28, 29 января. — С. 5.

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ По преимуществу, преимущественно (*фр.*).

кроме идейных. Жизнь своею пошлою стороною его не касалась»¹⁷. Сотрудничал Николай Константинович и с другими изданиями: «Северный вестник», «Русская мысль», «Русские ведомости».

Последняя статья Михайловского в рубрике «Литература и жизнь» в январском номере «Русского богатства» стала своеобразным завещанием мыслителя. Выразив сомнение в правильности утверждения об общем падении духа студенчества, «он сохранил веру в чистоту идейных порывов молодежи, и эта молодая вера <...> в творческие силы жизни служит и лучшей характеристикой всей литературной деятельности Михайловского, который до 62 лет бодро стоял «на страже» лучших заветов нашей литературы»¹⁸. «Эта светлая вера в «будущее народа» так красиво звучит в качестве последнего слова дорогого учителя!»¹⁹

Молодежь любила своего кумира, что «особенно было заметно каждый год, в дни 15-го ноября и 6-го декабря (дни рождения и именин Николая Константиновича), когда сотни и сотни учащейся молодежи с утра до вечера, сменяясь одни другими, наполняли скромную квартиру Н. К., наслаждаясь всегда остроумной, веселой и живой беседой...»²⁰

Прощание с покойным и похороны состоялись в пятницу 30 января 1904 года по традиционной тогда схеме: посещение близких покойного дома; вынос тела; отпевание в церкви; траурная процессия в месту захоронения; предание тела земле; траурный митинг у могилы. Начались траурные мероприятия около девяти часов утра, когда «скромная квартира Н. К. Михайловского и вся лестница к ней переполнились в ожидании выноса массой публики, состоявшей из представителей интеллигенции и учащейся молодежи». Были здесь угнетенные скорбью утраты ученые, литераторы, адвокаты, врачи и очень много женщин. Большое количество венков вокруг гроба: «серебряных, металлических, цветочных с трогательными надписями» (тексты скорбных надписей приведены во 2-м номере «Русского богатства» за 1904 год — С. 165–168). Ожидался приезд в Петербург В. Г. Короленко²¹. Из дневника Владимира Галактионовича: «Приехал утром в П[етер]бург и, едва переодевшись, отправился в квар-

¹⁷ *Карышев Н. А.* Над свежей могилой // Русские ведомости. — М., 1904. — № 40, 10 февраля. — С. 3.

¹⁸ *Наша печать* // Санкт-Петербургские ведомости. — 1904. — № 29, 30 января. — С. 3.

¹⁹ *Карышев Н.* Над свежей могилой. Указ. изд. С. 3.

²⁰ *Сильчевский Д. П.* Некролог † Николай Константинович Михайловский // Новости и Биржевая газета. 2 еженд. изд. — 1904. — № 28, 29 января. — С. 3.

²¹ Короленко был в Полтаве, когда получил телеграмму от А. И. Иванчина-Писарева о смерти Н. К. Михайловского.

тиру Михайловского (Спасская, 6). У подъезда стояла уже густая толпа. В комнате, тесно уставленной цветами, стоял стол, на котором лежал Н[иколай] Константинович], бледный и спокойный. Шла панихида, молодой священник кадил кругом, и синий дым наполнял комнату, в которой никогда не было образа. Стены заставлены полками с рядами книг. С одной стороны смотрит скорбное лицо Гл[еба] Ивановича] Успенского. У другой наверху книжного шкафа — бюст Шелгунова, у третьей — Елисева...»²²

Вынос последовал в 10 часов, гроб несли до церкви, которая сразу же переполнилась, многим пришлось стоять в ограде. Прогремело «Святый Боже» и «Вечная память». «Во время отпевания в Спасской церкви подошел целый отряд полиции. Ник[олай] Федорович] Анненский уговорил пристава увести полицию. Тот послушался, и это устранило поводы к волнению, которое уже было заметно среди молодежи...»²³ Отпевание окончилось около часа дня, когда количество участников достигло, по свидетельствам прессы, нескольких тысяч, преимущественно молодежи. Гроб утопал в венках, которые также были уложены на катафалк и три открытые колесницы. Траурное шествие, растянувшееся на большое расстояние, двинулось по Надеждинской и Николаевской улицам (ныне, соответственно — улицы Маяковского и Марата). Всю дорогу студенты несли гроб на руках. Позади гроба шли родственники, члены редакции «Русское богатство» и представители Литературного фонда. Среди публики образовался тысячный хор, который на всем протяжении немалого маршрута не умолкая исполнял погребальные песнопения. «Говорят, со времени похорон Тургенева, Петербург не видел такой толпы за гробом писателя. День был чисто петербургский, пасмурный, холодный...»²⁴

К Волкову кладбищу подошли около 4-х часов. Могила Михайловского — «посредине «литературных»²⁵ мостков», между могилами С. Я. Надсона²⁶, Н. В. Шелгунова²⁷ и Д. А. Коропчевского²⁸. Перед опущением

²² *Короленко С. В.* Книга об отце. — Ижевск: Удмуртия, 1968. — С. 111.

²³ Там же.

²⁴ *Короленко В. Г.* Николай Константинович Михайловский. Указ. изд. С. X.

²⁵ Ныне — Литераторских.

²⁶ Надсон Семен Яковлевич (14 дек. 1861 † 19 янв. 1887) — известный русский поэт.

²⁷ Шелгунов Николай Васильевич (22 ноября 1824 † 12 апр. 1891) — публицист, литературный критик, революционный демократ.

²⁸ Коропчевский Дмитрий Андреевич (1842 † 18 окт. 1903) — приват-доцент Санкт-Петербургского университета.

гроба в могилу пошел густой снег, покрывший памятники и дорожки, и началась вьюга»²⁹. Природа вместе с людьми как бы скорбела о покойном, «было тесно и холодно. За оградой проходили маневрирующие паровозы, примешивая свои свистки к пению хора и заглушая речи...»³⁰ На траурном митинге выступающих было немного: священник, П. И. Вейнберг³¹, В. И. Семевский³²; прочитано несколько стихотворений³³. В частности в выступлении Петра Вейнберга прозвучали такие строки:

<...> А ты, боец под знаменем науки,
С пером-мечом ты продолжал идти,
На миг один не опуская руки,
На шаг один не совратясь с пути <...>

Нелепая игра существованья!
Жестокая насмешка естества!
Жить — в радостях и муках упования,
И умереть — в минуту торжества!..³⁴

В. Г. Короленко записал в дневнике: «Ник[олай] Федорович] Анненский и я (наших речей ждали) не говорили ничего»³⁵. Завершились похороны в начале пятого. «Над свежую дороною могилую, — писали несколько дней спустя «Русские ведомости», — не время давать оценку заслугам незабвенного покойника. Такие люди становятся тем крупнее, тем величественнее вырисовывается их образ, чем больше расстояние,

²⁹ Похороны Н. К. Михайловского (От наших корреспондентов) // Русские ведомости. — 1904. — №31, 30 января. — С. 2.

³⁰ Короленко С. В. Указ. соч. С. 111.

³¹ Вейнберг Петр Исаевич (1831–1908) — поэт, переводчик, историк литературы. В описываемое время занимал пост председателя комитета Литературного фонда.

³² Семевский Василий Иванович (1848/49–1916) — историк народнического направления, один из создателей партии народных социалистов и член ее ЦК.

³³ После похорон по ложному доносу был арестован Н. Ф. Анненский за то, что будто бы произнес на могиле Михайловского зажигательную речь «возмутительного содержания», которую завершил призывом «Да здравствует свобода!», хотя вообще не выступал. По этому делу были вызваны в охранное отделение на Мойку, 12 и допрошены участники похорон В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевский, В. И. Семевский, Ф. Д. Батюшков, П. И. Вейнберг.

³⁴ Вейнберг П. И. Памяти Н. К. Михайловского // Русское богатство. — 1904. — № 2, февраль. — С. XVI.

³⁵ Короленко С. В. Указ. соч. С. 111.

отделяющее от момента завершения их работы»³⁶. Однако буквально сразу же после безвременной кончины Н. К. Михайловского русскую прессу наводнили всевозможные публикации с воспоминаниями и разнообразными оценками роли и значения мыслителя и его трудов для русской общественно-политической мысли. Мало кто остался в стороне, включая как подцензурную российскую прессу от консервативной до либеральной, так и эмигрантские бесцензурные издания... По словам С. Я. Елпатьевского, «долго будет кипеть битва вокруг могильного холма, — долго, пока не сделается историей русской жизни то, среди чего он жил, за что и против чего бился он всю жизнь»³⁷...

Во вторую годовщину смерти Н. К. Михайловского на его могиле на средства, собранные почитателями публициста, был установлен на гранитном постаменте бронзовый памятник работы известного скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга (1859–1939). Советские искусствоведы были невысокого мнения о художественной ценности этого памятника, хотя имя скульптора хорошо известно как ваятеля скульптурных портретов знаменитых наших соотечественников — Г. В. Плеханова, Д. И. Менделеева, Н. В. Гоголя, И. К. Айвазовского. Военные лихолетья и сырой петербургский (ленинградский) климат — не лучшие условия жизни и для каменных изваяний. Частыми были и хищения. Вероятно та же участь постигла и памятник Михайловскому (еще до того, как был создан музей «Литераторские мостки» с надежной организацией охраны шедевров). В 1979 году скульптор Александр Алексеевич Мурзин (1914–2010) успешно выполнил приуроченную к семьдесят пятой годовщине со дня смерти ученого-публициста работу по восстановлению памятника по фотографиям, в чем могут наглядно убедиться сегодняшние посетители мемориального кладбища.

³⁶ *Карышев Н. А.* Над свежей могилой. Указ. изд. С. 3.

³⁷ *Елпатьевский С. Я.* Воспоминания о Н. К. Михайловском // Русское богатство. — 1904. — № 4, апрель. отд. II. — С. 176.

Е. А. Тимофеева-Козлова

Василий Уважный — забытый художник XVIII века

Коновницыны — русский графский и дворянский род, ведущий происхождение от боярина Андрея Ивановича Кобылы, родоначальника Романовых, Шереметевых, Колычевых, Ладыгиных, Боборыкиных и других. Потомок А. И. Кобылы в пятом колене, Иван Семёнович Лодыгин, по прозвищу Коновница, стал родоначальником Коновницыных. А одним из наиболее ярких представителей этого рода был герой Отечественной войны 1812 года Петр Петрович Коновницын (1764 —1822)¹.

С XVIII века Коновницыны обосновываются в имении Кярово под Гловом Санкт-Петербургской губернии (ныне — Псковская область). В 1789 году была построена Покровская церковь села Кярово. Но церковь на этом месте известна еще с конца XVII века. В церкви, служившей родовой усыпальницей, находились могилы общих предков Коновницыных и Дондуковых-Корсаковых. Кярово было их общим родовым гнездом². В конце XVIII века имение приходит в упадок. Корсаковы (владельцы усадьбы на тот момент) постоянно проживают в родовом имении

¹ *Коновницын А. И.* Подвиги славных предков в годину Отечественной войны: 1812-1912: посвящение потомкам. — СПб.: Издание А. И. Коновницына, 1912. — 447 с. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000010775/view#page=> (дата обращения 24.06.2018).

² Историко-статистические сведения по Санкт-Петербургской епархии. Вып. X. — СПб.: [б.и.], 1885.

Корсаковых Полонае (Полонное) под Порховым (Псковская губерния). Кярово пустует, храм ветшает и было решено совместными усилиями двух семейств построить храм заново. Строительством храма в Кярово по поручению брата занимается сестра Санкт-Петербургского генерал-губернатора Петра Петровича Коновницына-старшего (1743—1796), девица Елизавета Петровна Коновницына (1740—1791), которая потом одной из первых была захоронена в этой церкви. Храм был освящён на Покров 1789 года и с тех пор всегда действовал. В начале XIX века усадьба Кярово вместе с храмом переходит в собственность семьи Коновницыных в качестве приданого Анны Ивановны Корсаковой, на которой женился Пётр Петрович Коновницын, будущий герой Отечественной войны 1812 года.

Внутри храма, слева от солеи, находится двойное надгробие из черного мрамора, под которым покоятся тела Петра Петровича и его супруги Анны Ивановны. У супругов было пятеро детей: сыновья Пётр, Григорий, Иван и Алексей и дочь Елизавета (в замужестве Нарышкина), чьи судьбы оказались весьма трагичны. Род Коновницыных продолжился от третьего сына — Ивана Петровича, поселившегося в Кярово навсегда.

Интерьер храма почти полностью сохранился, могилы не были осквернены.

На стенах располагаются картины на религиозные сюжеты. Это «Пророк Моисей», «Коронование Божией Матери», «Вознесение», «Божия Матерь с предвечным младенцем» и др. По стилю письма и форме рам их можно отнести ко второй половине XVIII века. Некоторые из них были пожертвованы в кяровскую церковь Екатериной II: «Божья Матерь с Предвечным Младенцем» — 2 иконы, (одна в алтаре, другая на северной стене храма), 3-я «Коронование Божией Матери» и 4-я «Св. Пророк Моисей»³. Несмотря на исторические потрясения, эти картины находятся на тех же самых местах в храме, как упоминается в историко-статистических сведениях по Санкт-Петербургской епархии, за исключением одной из них — «Божией матери с Предвечным Младенцем». Она и является предметом нашего исследования.

В 1998 году в Гдовский краеведческий музей из Кяровской Покровской церкви на временное хранение поступила картина «Божья Матерь с Предвечным Младенцем» (размеры: 90 x 60 см). В церкви картина сначала находилась на северной стене (что соответствует документам), позже, как «фряжского письма», была снята настоятелем и хранилась в подсобке в ужасающих условиях рядом с хозяйственным инвентарём. Уступив уго-

³ Там же.

ворам музейщиков, настоятель (отец Аркадий) передал её в краеведческий музей города Гдова на временное хранение, для улучшения условий хранения, а музейщики, в свою очередь, выхлопотали для отца Аркадия разрешение у администрации района на санитарную вырубку деревьев, угрожающих храму. Другие картины имеют очень тёмный фон, практически нет возможности разглядеть сюжет, видимо, поэтому им «позволили» остаться в храме.

Картина имела удовлетворительную сохранность. Качество исполнения, лессировки, грунт выполнены профессионально, что и обеспечило картине такой долгий срок жизни. Рама отсутствовала, на обороте в левом верхнем углу с трудом читалась надпись: «Василий Уважный. 1789». 1789-й — год постройки церкви. Это совпадение показалось неслучайным, началась исследовательская работа. Качество работы и год написания картины давали основания предполагать, что перед нами одно из произведений, пожертвованных императрицей. В источнике не сообщалось об авторе/авторах картин. Сведений о художнике в известных справочниках найти не удалось. Но если данное произведение происходит их тех, которые были подарены императрицей, то заказ могли поручить выполнить только первоклассному художнику. Отсутствие каких-либо данных в научной литературе о художнике позволило предположить, что Уважный — это прозвище. В результате тщательного изучения каталога А. В. Морозова были обнаружены следующие сведения: «Александров (до 1795 — Уважный), Василий Павлович, живописец, р. 25.12.1770 (5.1.1771) в Петербурге, ум. (г.?)». Сын гайдука придворного ведомства Павла Васильевича Уважного, брат Михаила Павловича Александрова, академика скульптуры. В 1776–1791 — воспитанник АХ, под фамилией Уважного был выпущен с аттестатом художника 1-й степени»⁴. Этим сведения ограничивались. Почему молодой художник, так успешно начавший свою карьеру, неизвестен? Но, если имя художника история для нас сохранила, то сведений о его живописных произведениях нет никаких. Таким образом наша картина является единственным, дошедшим до нас (ну или единственным известным) произведением мастера.

С течением времени надпись на обороте окончательно исчезла. Ни в каких описях, документах она не зафиксирована. В связи с переездом музея в другое здание и сменой руководства акт приёма на временное хранение, где зафиксировано описание картины, в т.ч. и факт наличия подписи художника, утрачен. Он был подписан настоятелем покровской

⁴ *Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 4. Р.—О. — М., 1913. — С. 101.

церкви отцом Аркадием и мной (в 1998 году я была директором Гдовского краеведческого музея) в двух экземплярах в присутствии научного сотрудника музея Веры Дмитриевны Тимофеевой, начальника районного отдела культуры Валерия Павловича Миколикова и заместителя Главы Администрации Гдовского района Петра Степановича Горностаева, которые организовали доставку полотна в музей. Нынешние сотрудники музея не имеют представления о происхождении картины в фондах музея. Отец Аркадий умер. Необходимо ввести в научный оборот данную атрибуцию, т. к. не осталось никаких свидетельств, когда и кем написана эта картина, где она находилась и кому принадлежит. На данный момент принадлежит она храму Покрова пресвятой Богородицы села Кярово Псковской епархии, а хранится в Гдовском краеведческом музее. Наша задача — сохранить имя художника и историю этого произведения. Известно, что это произведение много значило для семьи Коновницыных и в начале XX века находилось на почётном месте в доме рядом с бюстом П. П. Коновницына, а до его смерти находилось в кабинете Петра Петровича, т. е. является мемориальной вещью⁵. Как сложилась судьба талантливого мастера Василия Уважного выяснить не удалось. Некоторое количество сведений мы можем найти о его старшем брате Михаиле Уважном: «Александров-Уважный Михаил Павлович. Академик скульптуры, род. в 1758 г., умер после 1807 г. Сын гайдуга Придворного ведомства, Александров-Уважный был принят в Академию художеств в 1764 г., а 13 сентября 1779 г. награжден при выпуске двумя серебряными медалями за лепление с натуры. Будучи послан в Париж и Рим в качестве пенсионера, он прислал оттуда две статуи своей работы: «Умиряющего бойца» — в сентябре 1782 г. и «Покоящегося Геркулеса» — в 1784 г., после чего был признан назначенным в академики; звание же академика получил 17 июля 1785 г. за исполнение программы «Давид, торжествующий над Голиафом». Не находя себе, однако, подходящих занятий, он просил академию об определении его на какую бы то ни было должность для выхода из бедственного положения, но это ходатайство не увенчалось успехом и он совершенно запутался в делах. Из работ Александрова известны еще модель мавзолея для князя Потемкина (1791 г.) и эскизы фигур для биржевого зала в Петербурге (1807 г.)»⁶

В Российском историческом архиве в фонде Императорской Академии художеств были обнаружены любопытные документы, в ходе изуче-

⁵ Коновницын А.И. Указ. соч.

⁶ Морозов А.В. Указ. соч.

ния которых были выявлены новые интересные факты: Михайло и Василь Уважные (Уважновы, Уважевы)⁷ рано осиротели. Их отцом был Павел Васильевич Александров, который происходил из дворянского рода и неизвестно когда и почему взял себе прозвище Уважный, под которым дети его и были приняты в Академию. Кроме них были в семье ещё братья, но не художественных профессий, поэтому в документах Академии художеств они не рассматриваются⁸.

Несколько лет братья находились в крайне бедственном положении, вынуждены были скрываться от своих кредиторов. Однако вскоре в их судьбе происходят изменения в лучшую сторону: у них появляется земля в Петербургской губернии и документы, свидетельствующие, что они принадлежат к древнему дворянскому роду. В 1795 году руководство Академии рассматривает вопрос о «переименовании академика Михайла и художника Василья Уважных по фамилии Александровы» и решает «...с определения Императорской Академии художеств совета 1795 года 26 мая по прошению академика Михайла и художника Василья Уважных, вследствие получения ими вотчин Петербургской губернии и грамот от дворянского депутатского собрания на фамилию Александров, именовать в академических стенах и в данных Александровыми, а не Уважными. О чём выдать свидетельство с печатью»⁹. Грамоты братьям были выданы, в результате чего изменения произошли не только в фамилии, но и в именах. Их стали называть Михаил (а не Михайло) и Василий (а не Василь) и по отчеству — Павловичи. Они были внесены в шестую часть дворянской родословной книги. Правда, фамилию Уважных они тоже хотели оставить и писать её через дефис, но им не было позволено. Эта фамилия была отменена. Именно это обстоятельство привело к недоразумениям и сложностям в установлении авторства картины. В фонде хранятся и другие документы. Из одного из них, например, следует, что ещё в 1776 году Михаил баллотировался на звание академика. Рядом с его фамилией в списке значатся фамилии таких известных художников как Галактионов, Ухтомский, Орловский и Скородумов¹⁰. То есть это были художники одного круга.

В собрании гравюр, принадлежавшем Екатерине II, есть оттиск гравюры одного из лучших русских гравёров XVIII века академика Г. И. Ско-

⁷ В документах встречается много различных вариантов написания их фамилии, но сами себя братья называли Уважные.

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. I. Д. 1185. Л. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же Ч. 1. Д. 719.

Василий Александров (Уважный).

Мадонна с младенцем.

Фото Е. А. Тимофеевой-Козловой (2008 год)

родумова, явно выполненной по картине «Божья Матерь с Предвечным Младенцем», причем в то же время, что и картина Уважного. Екатерина II высоко ценила творчество Г. И. Скородумова, собирала его произведения¹¹. В справочнике Д. Ровинского сообщается, что автором оригинала гравюры является Г. Бамбини, итальянский художник XVII века¹². Вполне возможно предположить, что для подарка Санкт-Петербургскому губернатору П. П. Коновницыну импе-

ратрица могла заказать Академии художеств исполнить несколько живописных произведений с хорошо известных ей оригиналов. На основании вышеизложенного, автор считает, что в конце XVIII века императрицей Екатериной II действительно были подарены в кировскую церковь несколько икон/картин и, что они сохранились до нашего времени. Эти картины являются неизученными и неизвестными произведениями русской живописи второй половины XVIII века академического уровня. С учетом условий, в которых находились и находятся произведения и пережитых ими исторических событий (Гражданская война, Великая Отечественная война, борьба с религией), можно сказать, что они являются уникальными свидетелями истории и нуждаются в изучении, реставрации и постановке на учёт. У нас в стране сохранилось очень мало произведений XVIII века.

¹¹ Мишина Е. А. Неизвестные гравюры Г. И. Скородумова // Памятники культуры. Новые открытия. 1998: Искусство. Письменность. Археология : ежегодник. — М.: Наука, 1999.

¹² Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравёров XVI-XIX вв. Т.2. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/538-t-2-k-1895#mode/inspect/page/223/zoom/4> (дата обращения 25.06.2018).

В. А. Черненко

Прообразы монумента императору Александру I в Санкт-Петербурге

Монумент императору Александру I — Александровская колонна — воздвигнут по воле его брата императора Николая I на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге по проекту архитектора Огюста Рикара де Монферрана в 1829—1834 годах.

Став доминантой и композиционным центром главной площади столицы, монумент является неотъемлемой, гармоничной частью этого величественного, имеющего мировое значение архитектурного ансамбля.

Точно определенное место установки монумента на площади, ближе к Зимнему дворцу, на пересечении оси между центрами арки Главного штаба и главного подъезда Зимнего дворца с осью проезда между зданием Главного штаба и так называемым «Адмиралтейским променадом», идущим от здания Конногвардейского манежа к Певческому мосту, определило его исключительную градостроительную роль в ансамбле центральных площадей Санкт-Петербурга.

Классическая композиция монумента, уравновешенность и пропорциональность всех его частей, придают ему, несмотря на огромные размеры и вес, легкость, стройность и величие.

Основанием монументу служит площадка высотой в одну ступень из серого сердобольского гранита и стилобат с тремя ступенями розового питтерлакского гранита, на котором покоится монументальный гранитный постамент, одетый до обреза цоколя бронзой, декорированной баре-

льефами. На постаменте стоит колоссальная колонна розового питтерлакского гранита римско-дорического ордера с бронзовыми базой и капителью с цилиндрическим бронзовым пьедесталом, завершенным полусферой, увенчанной бронзовой статуей ангела, попирающего крестом змею. Блестящая полированная поверхность розового гранита фуста колонны, постамента и стилобата, а также серого гранита площадки основания гармонично сочетаются с темно-зеленой бронзой.

Сооружение монумента явилось крупным техническим достижением того времени. Тысячи рабочих-умельцев: землекопы, плотники, каменщики, каменотесы, литейщики и чеканщики с помощью техники своего времени, преодолевая огромные трудности, проявляя самоотверженность, находчивость и смекалку, под руководством главного архитектора О. Р. де Монферрана, младшего архитектора А. Адамини и подрядчиков сумели создать уникальное произведение архитектуры и искусства.

Организация работ принадлежала Комиссии о построении Исаакиевского собора, которая руководила строительством монумента и, кроме проведения торгов для определения подрядчиков по различным видам работ, привлекала ведущих ученых Императорской Академии наук и художников Императорской Академии художеств для решения инженерно-художественных задач строительства. Член Комиссии — автор проекта главный архитектор Исаакиевского собора О. Р. Монферран — был назначен строителем монумента.

Работами по выломке гранитных монолитов для постамента и колонны монумента, их доставке к месту строительства и обработке руководил подрядчик «купецкий сын» В. А. Яковлев.

По рисункам О. Р. де Монферрана художник-декоратор Д. Б. Скотти и его ученики, создали картоны 4-х барельефов постамента в натуральную величину: каждый картон барельефа имел площадь 16 кв. м¹, а скульпторы П. Свинцов и И. Леппе выполнили по ним гипсовые модели барельефов. Скульптор-орнаменталист Е. Балин, выполнил модели для всех архитектурных деталей и украшений памятника. Завершение монумента ангелом с крестом, попирающим змею, выпало на долю скульптора Б. И. Орловского, сыгравшего важную роль в воплощении идейного замысла монумента и ставшего поистине полноправным соавтором памятника.

¹ Черненко В. А. Д. Б. Скотти и история создания картонов барельефов Александровской колонны // Россия—Италия: Общие ценности. XVII Царскосельская науч. конф. — СПб.: Серебряный век, 2011. — С. 604—605.

Все бронзовое скульптурное убранство монумента выполнено литейщиками и чеканщиками и смонтировано мастерами на местах под руководством заводчика, инженера-литейщика К. Н. Берда.

Бронзовые барельефы постамента с орнаментированными архитектурными профилями и орлами, поддерживающими лавровые гирлянды, база и капитель колонны, подножие с венчающей колонну скульптурной композицией ангела, ограда и фонари монумента — являются выдающимися произведениями бронзолитейного искусства.

Художественные достоинства монумента, а именно: изысканные пропорции, мастерски найденное утонение фуста колонны по всей ее высоте, гармоничное сочетание колонны с постаментом и подножием со статуей ангела, а также блестящий выбор материалов — розового гранита и темно-зеленой патинированной бронзы и их виртуозная отделка позволили монументу императора Александра I стать выдающимся памятником русской архитектуры и занять достойное место в ряду шедевров мировой архитектуры и монументально-декоративного искусства. В этом есть и определенная заслуга памятников прошлого, которые стали прообразами для создания самого высокого тогда в мире монумента.

В 1814 году, после завершения борьбы с Наполеоном, в России возник вопрос о создании монумента царю-победителю. Члены Сената, Синода и Государственного совета выступили с предложением установить Александру I памятник «от признательной России». Средства на его создание предполагалось собрать за счет частных пожертвований. Однако Александр I отклонил предложение, сказав: «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, <...> да благословляет меня в сердцах своих народ мой»².

Вновь к идее установки такого памятника обратились лишь после смерти императора. В 1829 году император Николай I повелел возвести монумент, притом не за счет частных пожертвований, а «от правительства под личным его попечением».

Проект памятника был заказан О. Р. де Монферрану, однако свой окончательный вид монумент принял не сразу. В первом проекте Монферран, обратившись к старейшему из зодчих — египетскому, задумал монумент в виде египетского обелиска. Его надлежало выполнить из цельного куска гранита — такого же, из которого изготовлены колонны Исаакиевского собора. Размер гранитного монолита должен был составить

² Мемуары Михала Клеофаса Огинского. Т. 2. URL: <https://profilib.net/chtenie/74113/mikhal-oginskiy-memuary-mikhala-kleofasa-oginskogo-tom-2-lib-57.php> (дата обращения 25.06.2018).

84 фута (25,56 м), что совпадает с высотой фуста Александровской колонны, а высота памятника вместе с пьедесталом — 111 футов (33,83 метра). Эти размеры архитектор указал в названии своего проекта, добавив, что созданный им памятник «превосходит многие существующие великие монолиты»³.

Монферран предложил украсить обелиск изображениями, воспроизводящими известные медальоны работы скульптора Ф. П. Толстого, посвященные событиям Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813 и 1814 годов. Проект памятника в виде обелиска хранится в Научно-технической библиотеке Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС) императора Александра I. Обелиск украшен рельефной композицией и надписью, посвященной императору Александру I и установлен на пьедестал, который придает ему торжественный официальный вид⁴.

Существует еще три проекта обелисков в честь Александра I, которые Монферран выполнил в то же время и назвал «Различные проекты обелиска вослед проекту, уже представленному». Размер самого обелиска (без учета пьедестала) остался неизменным — 25,56 метра⁵. Эти три варианта проекта расположенные на одном листе ватмана хранятся в Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств (НИМ РАХ)⁶.

Однако Николай I отклонил проект обелиска и повелел архитектору заменить его триумфальной колонной. Такое решение, несомненно, более соответствовало художественному облику площади, сформировавшемуся после постройки архитектором К. И. Росси здания Главного штаба и Министерств⁷.

Работая над новым проектом, Монферран обратился к искусству Древнего Рима. Прототипом памятника в Санкт-Петербурге стал один из

³ Любин Д. В. Александровская колонна — Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. — С. 14; Никитин Н. П. Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. — Л.: Изд. ЛО ССА, 1939. — С. 239; *Aug. de Montferrand. Plans en details du monument consacre a la memoire de l'Empereur Alexandre I.* Paris, 1836. 40 p. 48 pl.

⁴ Никитин Н. П. Указ. соч. С. 239.

⁵ Шуйский В. К. Огюст Монферран. История жизни и творчества. — М.-СПб.: Центрполиграф. МиМ-Дельта, 2005. — С. 228–229; Любин Д. В. Указ. соч. С. 17.

⁶ НИМ РАХ. А-5645. О. Р. де Монферран. Проект обелиска в память императора Александра I на Дворцовой площади.

⁷ Чеканова О. А., Ротач А. Л. Огюст Монферран. — Л.: Стройиздат, 1990. — С. 115; Любин Д. В. Указ. соч. С. 18.

известнейших монументов античного мира — колонна императора Траяна. Ее установил в Риме в 113 году архитектор Аполлодор Дамасский. Выполненная из блоков каррарского мрамора колонна посвящена победоносной войне императора с племенами даков. Высота римского памятника составила почти 40 метров, а диаметр колонны около 4-х метров. Колонна выполнена полой: внутри нее расположена винтовая лестница, которая ведет к смотровой площадке. Над нею на полусферическом основании вначале располагалось изображение римского орла, а затем статуя императора Траяна, которую позднее сменила статуя апостола Петра. Ствол памятника украшен рельефными изображениями, обвивающими его, подобно ленте.

Спустя несколько десятилетий в Риме был создан монумент императору Марку Аврелию. В конце XVI века архитектор Д. Фонтана провел реставрацию колонны и ошибочно назвал ее колонной императора Антонина Пия; вслед за ним и Монферран также называет колонну Марка Аврелия в своих трудах колонной Антонина, а затем и Никитин в своем фундаментальном труде⁸.

Выдающийся памятник искусства Древнего Рима послужил образцом и для соотечественников и современников Монферрана, архитекторов Ж. Б. Лепера и Ж. Гондуэна, установивших в 1806—1810 годах на Вандомской площади в Париже триумфальную колонну. Она посвящена победе Наполеона в битве при Аустерлице и увенчана статуей императора. Вандомская колонна, подобно Траяновой, украшена многочисленными рельефами, поднимающимися спирально по ее стволу. Лепер и Гондуэн, однако, использовали для создания монумента не мрамор: колонна сложена из блоков гранита. Ее облицовка, украшенная рельефными изображениями батальных сцен, изготовлена из бронзы пушек, захваченных наполеоновскими войсками у австрийцев и русских в битве при Аустерлице. Внутри Вандомской колонны, как и внутри Траяновой, находится лестница, которая ведет на смотровую площадку.

Монумент императору Александру I сравнивают, как правило, с колонной Траяна и с парижским монументом. Памятник в Санкт-Петербурге действительно имеет с ними немало общих черт. Он тоже выполнен в дорическом стиле, что определило его пропорции и вид отдельных частей. При создании своего монумента Монферран почти без изменений повторил размеры постамента и базы колонны Траяна, многое позаимствовал от их внешнего облика. Пьедестал фигуры ангела, венчающего

⁸ *Aug. de Montferrand*. Указ. соч. *Никитин Н. П.* Указ. соч. С. 242—243.

колонну монумента, напоминает аналогичный элемент парижской колонны, с тем отличием, что высота полусферы несколько уменьшена. Зато сама скульптура значительно превышает своим размером высоту статуи Наполеона, которая кажется непропорционально маленькой.

Существуют и серьезные различия между этими монументами. Первое — их высота. Санкт-Петербургский монумент, разумеется, должен был превзойти Вандомскую колонну (43,5 метра), прославлявшую Наполеона, поверженного противника Александра I. Соответственно, значительно ниже оказывались и памятники Древнего Рима⁹. Запроектированный Монферраном монумент императору Александру I своей высотой 47,5 метра (с постаментом и статуей ангела с крестом) превосходил все использованные автором образцы и являлся в то время самой высокой колонной в мире, что было, в частности, одной из задач, которые себе ставил себе Монферран, проектируя памятник Александру I.

Второе — в отличие от колонн Траяна и Вандомской, выполненных из нескольких полых внутри каменных блоков, ствол колонны монумента императору Александру I представляет собой гранитный монолит высотой 25,6 метров и весом 600 тонн.

Кроме того, Монферран иначе решил проблему формирования художественного облика памятника. Зодчий отказался от украшения фуста колонны рельефными изображениями. Он не стал повторять античный образец, возможно, не будучи уверенным в том, что современным мастерам удастся сравняться с древними камнерезами.

Отказавшись от скульптурного украшения ствола колонны, Монферран уделил особое внимание ее пропорциям. Нижний диаметр ствола составляет 3 м 66 см (12 футов), а верхний — 3 м 19 см (10 футов 6 дюймов). Верхний диаметр колонны укладывается в ее высоте 8 раз — такое соотношение соответствует пропорциям римского дорического ордера. Зодчий блестяще нашел кривую утонения колонны, а математический расчет монферрановской кривой выполнил известный французский математик и инженер Г. Ламе, преподававший в то время в Санкт-Петербургском Институте Корпуса инженеров путей сообщения¹⁰.

Проект монумента в виде колонны, который Монферран представил Николаю I, был утвержден 24 сентября 1829 года. Важным отличием этого варианта от окончательного было скульптурное завершение монумента.

⁹ *Никитин Н. П.* Указ. соч. С. 242–243; *Любин Д. В.* Указ. соч. С. 20.

¹⁰ *Никитин Н. П.* Указ. соч. С. 242–243. *Любин Д. В.* Указ. соч. С. 22. В галерее ученых-педагогов ПГУПС императора Александра I представлен портрет Г. Ламе.

мента, которое предполагалось выполнить в виде высокого православного креста без верхней перекладины, установленного на шаре¹¹.

В декабре 1829 года император Николай I утвердил план Дворцовой площади, на котором было указано место установки монумента¹². Монферран рассчитывал, что сооружение памятника можно будет завершить в 1831 году, и определил его стоимость в 1.200.000 рублей. Однако работы были чрезвычайно сложны и заняли не 2 года, а почти 5 лет. Существенно выше оказались и расходы. 2 марта 1832 года император Николай I утвердил новую смету расходов, представленную Монферраном. Сумма превысила первоначальную стоимость в 2 раза и составила 2.364.442 рубля. Всего же строительство обошлось казне почти в 3.000.000 рублей¹³.

Программа оформления нижней части монумента раскрывает его замысел как памятника в честь императора Александра I, а также в ознаменование побед русской армии в Отечественной войне 1812 года и в сражениях Заграничных походов 1813–1814 годов. Постамент украшают четыре барельефа, расположенные на каждой из его сторон, двуглавые орлы, гирлянды из листьев лавра. Подобная программа оформления постамента встречается и в триумфальных колоннах Траяна в Риме и Наполеона в Париже. Военные арматуры петербургского монумента напоминают композиции постамента римского памятника, некоторые образы восходят к рельефам, украшающим фусты колонн Траяна и Марка Аврелия¹⁴.

Самое важное с точки зрения замысла памятника — изображение, обращенное к фасаду Зимнего дворца. Композиционное решение этого барельефа сложилось не сразу. В самом первом проекте колонны, утвержденном 24 сентября 1829 года, Монферран в целом уже определил его вид. Барельеф с посвянительной надписью «Александрю Имю благодарная Россія» (без указания, с какой именно стороны пьедестала он должен располагаться) украшает изображение, в котором объединены мотивы античности и XIX века. В центре, по обе стороны от трофея, архитектор

¹¹ НИМ РАХ. А-5646. О. Р. де Монферран. Проект монумента императору Александру I в виде колонны с крестом. 1829 г.: *Шуйский В. К.* Указ. соч. С. 187–189.

¹² *Черненко В. А.* Дворцовая площадь. К истории создания ансамбля // Кафедра Исаакиевского собора. Вып. VIII. — СПб.: ГМП «Исаакиевский собор», 2011. — С. 202, 232–233. Место установки монумента, указанное на чертеже О.-Р. де Монферрана совпало с показанным ранее на чертеже К. И. Росси.

¹³ Там же. С. 237; *Любин Д. В.* Указ. соч. С. 24.

¹⁴ *Черненко В. А.* Д. Б. Скотти и история создания картонов барельефов Александровской колонны. Указ. изд. С. 610–612; *Любин Д. В.* Указ. соч. С. 51.

поместил обнаженные фигуры бога войны Марса в шлеме и с мечом и Геракла с палицей, возлежащего на львиной шкуре. Эти две фигуры должны были красноречиво выражать характер памятника. Их окружали предметы вооружения начала XIX столетия: кирасы, каски тяжелой кавалерии, ташка, а также знамена, стволы орудий, барабаны и т.д.¹⁵

Композиционно барельеф состоит из двух неравных частей: посвятельная надпись, поддерживаемая двумя крылатыми фигурами, четко отделена чертой от описанного выше изображения. Такой же принцип построения композиции демонстрирует главный барельеф колонны Траяна. Следует отметить, что в этом проектном рисунке Монферран повторяет вид пьедестала римского памятника. Однако архитектор предусмотрел иной, более лаконичный характер посвятельной надписи, составил оригинальное изображение в нижней части барельефа, дополнил декор постамента воспроизведением лицевой стороны медали «В память Отечественной войны 1812 года» и заменил одноглавых римских орлов двуглавыми российскими. Примечательно, что в этом раннем проекте у орлов присутствуют императорские короны над головами и гербовые щитки на груди, которых нет в окончательном варианте декора постамента колонны монумента¹⁶.

Одновременно с изготовлением барельефов¹⁷ и деталей бронзового украшения постамента шла работа по созданию верхней части монумента — абаки, пьедестала и фигуры ангела с крестом. На западной грани абаки архитектор оставил свой автограф, едва ли не самый большой в Европе, — длиной более двух метров: «Зодчимъ А. Монферандомъ»¹⁸.

Важную роль в создании силуэта монумента играет массивная бронзовая абака. Она завершает гранитную колонну и в то же время зрительно отделяет от нее скульптурное завершение памятника. Скульптура, венчающая колонну монумента, помещена на довольно высоком цилиндрическом пьедестале. Верхняя его часть выполнена в виде полусферы. Такую же форму имеет завершение Вандомской колонны.

¹⁵ Отметим, что изображения современного вооружения украшают, в частности, и главный барельеф колонны на Вандомской площади в Париже.

¹⁶ *Любин Д. В.* Указ. соч. С. 55–56.

¹⁷ *Черненко В. А. Д. Б. Скотти и история создания картонов барельефов Александровской колонны.* Указ. изд. С. 601–617.

¹⁸ *Черненко В. А.* Автограф зодчего на Александровской колонне // Кафедра Исаакиевского собора. Выпуск VII. — СПб.: ГМП «Исаакиевский собор», 2011. — С. 94–130.

Фигура ангела с крестом, попирающим змею и венчающая монумент, созданная скульптором Б. И. Орловским и отлитая на заводе К. Н. Берда¹⁹, имеет принципиальное отличие от скульптурного завершения аналогичных памятников — колонн Траяна и Марка Аврелия, а также Вандомской колонны. На римских монументах были первоначально установлены статуи императоров, впоследствии замененные скульптурами апостолов Петра и Павла соответственно, а на парижском памятнике можно видеть статую Наполеона.

Таким образом, можно с полной уверенностью констатировать, что зодчий Монферран, опираясь на европейские прототипы и заимствуя из них некоторые элементы, создал свое уникальное произведение искусства, по праву занявшее одно из ведущих мест в области синтеза архитектуры и скульптуры.

¹⁹ *Черненко В. А.* Чарльз Берд: Дело всей жизни // Петербург — центр промышленности и инженерного искусства: Материалы науч. Конференций. — СПб.: Норинт, 2003. — С. 96–102; *Черненко В. А.* 100 лет на благо России: Династия Бердов в Санкт-Петербурге // Россия—Великобритания: Пять веков культурных связей: Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года. — СПб.: Европейский Дом, 2015.— С. 484–501.

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

В. И. Аксельрод

Петербург в романе Е. Водолазкина «Авиатор»

Роман «Авиатор» прозаика и филолога Евгения Водолазкина вышел в свет в 2016 году в московском издательстве «АСТ» в серии «Новая русская классика». Его в самом деле можно рассматривать в русле традиций «петербургского текста» русской классической литературы и «фантастического реализма» Ф. М. Достоевского. Не случайно в романе упоминается имя выдающегося литературоведа М. М. Бахтина.

Фантастическое начало сюжета «Авиатора» заключается в том, что его герой, Иннокентий Петрович Платонов, бывший узник Соловецкого лагеря особого назначения, в 29 лет был заморожен для последующего воскрешения в экспериментальной «лаборатории по замораживанию и регенерации», работавшей там же в Соловецком лагере под руководством одного из пионеров крионики профессора Муромцева. Сам ученый вместе со всеми членами своей лаборатории был сослан на Соловки из-за отказа «заморозить» труп Ф. Э. Дзержинского, но с согласия Сталина получил возможность продолжить свои опыты уже не на крысах, а на заключённых.

«Воскрешенный» из небытия доктором Гейгером, «русским немцем», в 1999 году, через 70 лет после заморозки, герой, очнувшись на больнич-

ной койке, понимает, что не знает про себя ровным счётом ничего — ни своего имени, ни кто он такой, ни где находится. В надежде восстановить историю своей жизни он по совету Гейгера начинает ежедневно записывать посетившие его отрывочные разновременные воспоминания.

Парадоксальность ситуации в том, что герою после 70 лет, проведенных в замороженном состоянии, по-прежнему 29 лет, в то время как большинство его современников уже ушли из жизни, а двум дожившим до конца века, соответственно 93 года (его юношеской любви Анастасии) и 100 лет (его мучителю — вертухаю из Соловецкого лагеря). Если сюжет романа действительно фантастический, то воспоминания героя очень конкретны, наполнены бытовыми деталями, звуками и запахами (в первую очередь он отмечает именно их изменения) и, что для нас очень важно, — топонимическими подробностями.

Всего в романе вместе с дачными местностями мы насчитали 40 топонимов, что позволяет нам в ряде случаев установить конкретные адреса Петербурга—Петрограда, связанные с детством и юностью Иннокентия Платонова (с 1900 по 1922 годы) и коротким периодом его жизни после «разморозки».

Страшным картинам мучений в Соловецком лагере противостоят светлые радостные картины детства и юности героя: «Сиверский рай» и благодать семейного очага на Петроградской стороне в Петербурге. В пробуждающемся сознании героя возникают мельчайшие подробности дачной жизни в Сиверской, где отец Иннокентия много лет снимал дачу. Запомнились и двухчасовая поездка по «Варшавской железной дороге во втором классе, в клубах дыма и пара», с четырьмя остановками «в Александровской, в Гатчине, в Суйде и, конечно же, в нашей Сиверской», и «несравненный сиверский воздух», наполненный благоуханием цветов, выращиваемых дачниками, и двухэтажный дом над Оредежью (так, в женском роде писалось тогда название этой реки), и рев водопада на мельничной плотине, берег реки с огненной охрой обрыва с красной девонской глиной, и «тарелка малины на дачной веранде», и «костер на закате» с неспешной беседой со словами, простыми и умиротворяющими, и песни Анастасии Вяльцевой, сиверской дачницы, в усадьбе барона Фридерикса, и, конечно же, ожидание на перроне поезда из Петербурга, на котором приезжает по пятницам отец с подарками для всех членов семьи. Всё это счастье. Это слово рефреном проходит через все картины дачной жизни. Разве не счастье вместе с отрядом своих сверстников-скаутов маршировать по длинной Церковной улице (в советское время переименованной в «Красную»), шедшей от мельницы, мимо церкви Петра и Павла, до дальнего мостика через реку: знамя развивалось, горнист

трубил, а барабанщик (им и был Иннокентий Платонов) барабанил, а отставные генералы, подходя к заборам своих дач, отдавали им честь, проливая слезу, вспоминая собственную молодость¹.

Этот рай был разрушен июльским вечером 1917 года (последний дачный год семьи Платоновых), когда у Варшавского вокзала отца убили пьяные матросы². Детские и юношеские годы героя, которые он сам называет «благословленными», были связаны с Петроградской стороной. Ареал этот «малой родины» Иннокентия Платонова обозначен в романе следующими топонимами: Большой и Каменноостровский проспекты, Зверинская, Ординарная, Большая Пушкарская улицы, Ждановская набережная, Петровский остров. Семейное гнездо на Большом проспекте в сознании героя ассоциируется с новогодней елкой: «сверкание огней вечером и потухшая черная громада — ночью», «чуть слышный стеклянный перезвон на сквозняке»; с книгой «Робинзон Крузо», но «не в новом издании с упрощенной орфографией, а в дореволюционном: год 1906-й. <...> В моих ноздрях навеки остался аромат типографской краски, исходивший от глянцевого листа этой книги. Он был ароматом странствий»³. Воспоминания о ней проходят через всю жизнь героя, поддерживая его даже в Соловецком лагере.

В мозаике воспоминаний, пробивающихся через тьму забвения, есть и «коллекция блестящих сплюснутых кусочков металла» — пятак, подложенных им на рельсы под трамвай, который раньше ходил по Большому проспекту Петроградской стороны⁴.

В своих записках герой трижды упоминает гимназию на Петроградской стороне, в которой учился. Первый раз в момент болезни, когда он видит за окном «снежные вихри», «заметающие дорогу в гимназию». И представляет как староста класса на переключке говорит учителю: «А Платонова нет ... он остался дома в связи с инфлюэнцией ... Ему, поди, «Робинзона Крузо» читают...»⁵ Во второй раз герой вспоминает гимназическую постановку «Ревизора». На роли Марии Антоновны и Анны Андреевны были приглашены девочки из «соседней женской гимназии». Составляя виртуальный маршрут, можно предположить, что по-

¹ *Водолазкин Е. Г.* «Авиатор» : Роман — М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. — С. 42–45, 50–52, 58–59, 163–164.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 15–16.

⁴ Там же. С. 367–368.

⁵ Там же. С. 15–16.

становка могла состояться в 9-й мужской гимназии, располагавшейся на углу Большого проспекта и Шамшевой улицы (д. 32/3). В то время на красную линию Большого проспекта выходили трёхэтажные ризалиты, фланкирующие стоящий в глубине основной фасад гимназии, возведенной по проекту А. И. Аккермана. Выпускником этой гимназии был Александр Блок⁶. Самой же известной женской гимназией, располагавшейся по соседству с мужской, была Петровская, на Плуталовой улице, 24. Здание гимназии было возведено в 1905 году по проекту архитектора Г. Д. Гримма. В послереволюционные годы здесь работала Единая трудовая школа имени Лентовской, а сейчас 47-я средняя школа имени Д. С. Лихачева⁷. Еще одно событие, запечатлевшееся в памяти героя, о котором и по прошествии многих лет он вспоминает со стыдом, и в тоже время со смехом, произошло после окончания очередного гимназического класса: «Мы отмечали этот праздник у нас на Большом, и каждый от своих родителей получил в награду деньги». Кузен Иннокентия Сева предложил потратить их на поход к проституткам: «Их снимают рядом, на Большой Пушкарской». А «снятая» ими девушка Катя принимала клиентов в одном из деревянных домов вблизи Большого проспекта, позже снесенных⁸.

Возникающие из небытия всё новые и новые детские воспоминания героя воссоздают «благословенные» картины, происходившие и в других районах Петербурга. Одна из них — каток в Юсуповском саду, где Иннокентий увидел девочку на «новеньких коньках Галифакс», «руки в муфте», он сравнивает ее со Снежной Королевой. «Она быстро ездил, красиво — иногда одна, иногда в паре с другими гимназистками»⁹.

Другая картина — пожар, «не сам пожар, а как ехали его тушить — по Невскому, ранней осенью <...> в образовавшейся пустоте мчится колесница, несущая огнеборцев. Спиной друг к другу они сидят на длинной лавке, в медных касках, и над ними развивается знамя пожарной части. У знамени — брандмейстер, он звонит в колокол. В своём бесстрашии

⁶ *Никитина Г. Ю., Привалов В. Д.* Петроградская сторона. Большой проспект. — М.: Центрполиграф, 2009 — С. 159–162. Здание дошло до нас в реконструированном виде.

⁷ *Привалов В. Д.* Улицы Петроградской стороны. Дома и люди. — М.: ЗАО издательство Центрполиграф, 2013. — С. 159–162.

⁸ *Водолазкин Е. Г.* Авиатор. Указ. изд. С. 117–118.

⁹ Там же. С. 55.

пожарные трагичны, на их лицах играют отблески пламени, которое где-то их ждёт, которое где-то уже разгорелось, до поры невидимое»¹⁰.

Третья картина — гуляние в Полежаевском парке в Лигово: «Там речка Лиговка, небольшая совсем, но в парке широка, как озеро. У входа — экипажи, ландо в огромном количестве ... На траве — скатерть, самовары, патефоны ... и музыка — хрипая, заикающаяся, и всё же музыка», а ещё оркестр, не «парковый, не духовой, — симфонический, с дирижером на плоту в окружении лодок и уток ...»¹¹

Столь же зримы, наполнены конкретными деталями, другие воспоминания. «Трамвайные рельсы на замерзшей реке», по которым идет «электрический трамвайчик, пробивающийся от одного берега к другому», стремящийся к своей цели — огромному теряющемуся во мраке шпилью¹².

Не всегда картины, возникающие из небытия в памяти героя, топографически конкретны, так как относятся к самому нежному его возрасту, например, воспоминания о «каком-то доме», скорее особняке, с парадной лестницей, «с чучелом медведя на задних лапах», в передних лапах которого — поднос для визитных карточек, «ковровая дорожка на мраморе — схвачена золочеными креплениями, чуть загнута по бокам», с «ярко освещенной залой» и «хороводом вокруг елки», где присутствует «старец в старинном мундире, с орденами под двухвостой бородой» — Терентий Осипович Добросклонов, подбадривающий Иннокентия перед чтением стихотворения словами: «Иди бестрепетно»¹³.

Одно из самых ярких воспоминаний детства героя — Комендантский аэродром, куда отец, впервые, в возрасте 11–12 лет, взял его смотреть на полеты аэропланов на так называемых авиационных митингах. Само название романа связано с детской мечтой героя о воздушных полетах, а прозвище «авиатор» он получил ещё в детстве, в Куокколе, где у его кузена Севы была дача. Вместе они носились по берегу Финского залива, запускали воздушных змеев, воображая себя авиаторами: «Авиатор Платонов, — кричит мне сзади Сева. — Авиатор Платонов, по курсу населенный пункт Куоккала! <...> Мы с Севой делим комнату на башенке. У нее круговой обзор (сзади лес, впереди море), что для опытных авиаторов немаловажно. В любое время можно оценить погоду»¹⁴. Характерная де-

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Там же. С. 35–36.

¹² Там же. С. 30–31.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 25.

таль: многие дачи петербургской интеллигенции в русской Финляндии на Карельском перешейке имели подобные башенки.

На Комендантском аэродроме, рассматривая не столько аэропланы, сколько авиаторов, мальчик мечтает «вот так же стоять в окружении помощников и, глядя вдаль, медленно подносить к губам папиросу. Так же подкручивать торчащие кончики усов. Перед тем как двинуться к аэроплану, одной рукой застегивать на подбородке лямку шлема. Не спеша надевать очки-консервы. Но главная прелесть для меня заключалась даже не в этом. Меня завораживало само слово — авиатор. Его звучание соединяло в себе красоту полёта и рёв мотора, свободу и мощь»¹⁵.

Во время одного из авиационных митингов герой становится свидетелем трагической гибели авиатора Фролова, который, выполнив «невиданные фигуры высшего пилотажа», подобно подстреленной птице, с заломленным крылом врзается в землю¹⁶.

Одна из ярких картин, всплывающих в памяти Иннокентия Платонова — похороны авиатора: похоронная процессия на Невском проспекте, идущая в сторону Александрово-Невской лавры: «Первыми идут офицеры с крестом, хоругвями и венками. Крест в центре, хоругви по бокам, венки — сзади. За ними маршируют две колонны, несущие орден и медали погибшего. И вот, наконец, катафалк с высоким балдахином, возвышающийся над всей процессией. Под балдахином закрытый гроб. В гробу дорогой всем нам покойник. Икар, как написано на одном из венков»¹⁷.

Фролов — вымышленное имя, но в романе оно звучит в одном ряду с подлинными именами пионеров отечественной авиации. Похороны, описанные в романе, очень напоминают газетный репортаж о похоронах Л.М. Мацеевича, погибшего в 1910 году при крушении на самолете «Форман», а сам он также покоится на Никольском кладбище¹⁸.

Ещё одно воспоминание приводит нас на Университетскую набережную, в Академию художеств, студентом которой в послереволюционные годы был Иннокентий Платонов, в мастерскую профессора Александра Васильевича Посполитаки, своим обликом напоминающего герою Маркса. Сам профессор, как мы узнаем из романа, в тридцатые годы погиб на строительстве Беломорканала¹⁹.

¹⁵ Там же. С. 91–92.

¹⁶ Там же. С. 271–272.

¹⁷ Там же. С. 273.

¹⁸ Исторические кладбища Петербурга. — СПб.: Издательство Чернышева, 1993. — С. 95, 207.

¹⁹ *Водолазкин Е. Г.* Авиатор. Указ. изд. С. 295.

В воспоминаниях героя возникает образ Петрограда 1919 года, не в исторических событиях, а через картины блокадного быта времен Гражданской войны: «Не было новых вещей — все ходили в старом. <...> Газеты не продавались, а наклеивались на углах домов. <...> Тайная торговля провизией. Открыто торговать запрещалось. Продукты выдавались только по карточкам. <...> Вода не доходила до верхних этажей. Там воду запасали в ваннах. Набирали ванны до краев, а сами мылись в тазах»²⁰.

Герой вспоминает, как в поисках провизии с Петроградской стороны по Тучкову мосту идёт в «новый пункт выдачи на Васильевском острове, угол 8-й линии и Среднего проспекта», и что «в одной очереди с ним оказывается писатель Ремизов, живший на 14-й линии». Иннокентий Платонов позже, по фотографии, узнаёт его²¹. В этот год он видел и А. Блока на поэтическом вечере, но не разговаривал с ним, хотя «очень хотел поговорить с ним», и даже выучил стихотворение «Авиатор», узнал номер телефона поэта (6-12-00), «повторял про себя и днём и ночью» и запомнил его на всю жизнь, но так и не решился позвонить²².

Один из петербургских адресов, самый дорогой для героя, сыгравший решающую роль в его судьбе, обозначен в романе наиболее точно: дом на углу Большого проспекта и Зверинской улицы. Как вспоминает Иннокентий, в этот дом их с мамой в 1921 году «поселил Петросовет»: «Нам дали комнату в квартире, подвергшейся уплотнению. Уплотняли профессора духовной академии Сергея Никифоровича Воронина и его дочь Анастасию. <...> В квартире Ворониным оставили только залу. Двери и две смежные комнаты — слева и справа. были заколочены досками. Бурыми нестроганными досками поперёк изыщных дверей «модерн» <...> В комнату справа от залы поселили Николая Ивановича Зарецкого, сотрудника колбасной фабрики. Он был человеком тихим, но малоприветным. <...> В комнату слева поселили нас с мамой. Из наших окон была видна часть Большого проспекта и часть Зверинской...»²³

Возвращаясь в эту квартиру после своего «воскресения», Иннокентий вспоминает и такую подробность как книжный магазин «Жизнь», располагавшийся тогда в соседнем доме, а «сейчас что-то некнижное»²⁴. Эта и другие подробности позволяют нам определить точный адрес:

²⁰ Там же. С. 200–201.

²¹ Там же. С. 131–132.

²² Там же. С. 132.

²³ Там же. С. 59.

²⁴ Там же. С. 98.

дом № 5 по Большому проспекту и № 2 по Зверинской улице. Из адресной книги «Весь Петроград» известно, в предреволюционные годы этим домом владели Георгий и Лидия Михайловны Горвицы²⁵. Подробная информация о нём содержится в книге Г. Ю. Никитенко и В. Д. Привалова «Петроградская сторона. Большой проспект».

Шестиэтажный доходный дом в стиле модерн был возведен в 1910 году по проекту архитектора В. И. Ван-дер-Гюхта на месте ранее существовавшего деревянного. Характерной его особенностью является скругленный угол, формирующий облик квартала и начала Зверинской улицы. С этим домом связаны 20 лет жизни, с 1922 по 1942 годы, известного художника А. И. Савинова, к которому приходили такие выдающиеся мастера изобразительного искусства как К. С. Петров-Водкин, А. Г. Матвеев, А. А. Рылов, И. И. Бродский, Н. Э. Радлов, Д. Н. Кардовский и др. Более 20 лет жильцами этого дома был и поэт Николай Семёнович Тихонов и его жена Мария Константиновна. Все эти годы их квартира являлась центром литературной и культурной жизни Ленинграда²⁶.

Вот в такой знаменитый дом поселяет автор романа своих героев. С ним связаны как счастливые, так и трагические моменты их жизни, светлая юношеская целомудренная любовь Иннокентия Платонова к Анастасии, дочери профессора Воронина; любовь, которую он пронес через всю жизнь; арест по доносу Зарецкого профессора и походы на Гороховую д. 2, в ГПУ с попыткой узнать о нём что-нибудь, наконец, его расстрел, зверское убийство Зарецкого на берегу реки Ждановки, недалеко от колбасной фабрики, где он работал и откуда ежедневно выносил батон колбасы, пряча его в кальсонах; арест главного героя по сфабрикованному делу о контрреволюционном заговоре во главе с профессором Ворониным, прощание с городом и заключение в Соловецкий лагерь²⁷.

В эту квартиру, выкупленную для него государством по просьбе Гейгера для продолжения важного эксперимента, Иннокентий Петрович Платонов возвращается в 1999 году, чтобы продолжить прерванную 70 лет назад жизнь; отсюда он отправляется в городскую больницу № 87, что в Купчино, где в возрасте 93 лет заканчивает своей земной путь его возлюбленная Анастасия; здесь он встречает свою новую любовь Настю Воронину, внучку Анастасии, удивительно похожую на свою бабушку, и венчается с ней в Князь-Владимирском соборе²⁸.

²⁵ «Весь Петроград» на 1917 г. — С. 82.

²⁶ Никитина Г. Ю., Привалов В. Д. Указ. соч. С. 69–74.

²⁷ Водолазкин Е. Г. Авиатор. Указ. изд. С. 60–61, 72–73, 108, 112, 121–122.

²⁸ Там же. С. 168, 169, 205–209, 335.

Своеобразным символом прежней жизни в этой квартире является стоящая на шкафу бронзовая статуэтка римской богини «Фемиды», которую подарили ещё его отцу после окончания юридического факультета Петербургского университета. В детстве герой оторвал у этой статуэтки весы и в момент ареста она воспринимается им как символ поверженного правосудия. «Вид этой статуэтки не оставлял ни малейшей надежды»²⁹. Эта статуэтка долгие годы хранилась у матери героя вплоть до ее смерти в 1940 году, затем перешла к Анастасии, а от нее к внучке Насте, которая вместе с другими дорогими для неё вещами перевозит ее со своей квартиры в районе некогда стоявшей там Знаменской церкви в квартиру на углу Большого проспекта и Зверинской улицы. Но эта же статуэтка, как следует из позднего признания Иннокентия Платонова, становится оружием убийства Зарецкого, по доносу которого был арестован отец Анастасии³⁰. Вот вам мотив преступления и наказания.

По-своему символична встреча героя в «Кировском доме» на Каменноостровском проспекте с палачом Соловков Ворониным (однофамильцем отца Анастасии), дожившим до 100 лет, дослужившимся до звания генерала, но так и не раскaiвающимся, сказавшим при встрече: «Покаяний не жди»³¹. Он единственный из живых, кто связывает Иннокентия Платонова с его временем. Все остальные уже давно ушли из жизни. Пытаясь восстановить связь с ними, герой много раз посещает кладбища: Смоленское, Никольское, Серафимовское. Для него это возвращение в прошлое, прошедшее без него, когда он был заморожен. И если на Смоленском кладбище, где покоятся его родители, и рядом, между Малым проспектом и 17-й линией (маршрут по которому привычно идёт герой с Петроградской стороны), все узнаваемо, то на Никольском кладбище его поражает запустение и разграбленные могилы. «Здесь больше нет красивых мраморных надгробий, которые стояли в моем детстве. Я спрашивал себя, зачем эти надгробия могли понадобиться — для повторного использования? Для мощения улиц? Что происходит с народом, который разоряет свои кладбища? То, что произошло с нами»³².

В этом внутреннем монологе героя ясно слышен авторский голос самого Евгения Водолазкина, глазами Иннокентия Платонова он смотрит на Петербург конца XX века. «Я ведь любил Петербург бесконечно.

²⁹ Там же. С. 122.

³⁰ Там же. С. 406.

³¹ Там же, С. 362–364.

³² Там же. С. 85–86, 146, 147, 291–292, 301.

Возвращаясь из других мест, испытывал острое счастье. Его гармония противостояла в моих глазах хаосу, который пугал и расстраивал меня с детства. <...> когда меня захлестывали волны этого хаоса, спасала мысль о Петербурге — острове, о который они разбиваются... <...>.

Гармония, строгость. Вот мы с отцом и матерью — я в центре, они по бокам держат меня за руки, идём по Театральной улице от Фонтанки к Александринскому театру, прямо посередине улицы. Сами — воплощенные симметрии, если угодно — гармонии». И как диссонанс этой гармонии — «Да, вот что: улицу-то потом переименовали, как-то убого обозначили. Зачем?»³³

Резко негативно воспринимает герой современные районы города: «По старому городу ехать было хорошо, а как добрались до Купчино, душа затосковала. Непетербургская местность. Остановились у больницы — убогая, под стать району. Обшарпанная. Оконные трещины, склеенные полосками бумаги, кое-где вместо стекол фанера. Старые здания даже в таком состоянии не столь удручающие, есть в них, и в неухоженных, стать. А новые — непрочные, ненастоящие, сразу видно, что подделка»³⁴.

Однако следы запустения и одичания Иннокентий Платонов видит и в доме в стиле модерн на Каменноостровском проспекте, где в начале века была лестница с «витыми перилами» и «коваными лилиями». В одну из квартир этого дома герой приходил ещё в 1921 году, приносил книги от профессора Воронина. И когда он по просьбе тележурналистов, участвует в съемке сюжета «Встреча с прошлым», подходит к знакомому дому, он не узнаёт парадного: «На месте резной дубовой двери висело нечто обитое деревянными рейками», «а на месте ручки торчал длинный шуруп». Первое впечатление от парадного — «острый запах мочи». Света не было. Вместо прежней резной гладкости, которую помнила его рука, «он ощутил металлический остов», на нём «больше не было дерева». Прежде в квартире, которую он хорошо запомнил из-за обилия книг, проживала семья петербургских интеллигентов Мещеряковых, а теперь съёмочную группу недружелюбно встречает нетрезвый «человек в дырявой майке»³⁵.

Раздражают героя, ставшего благодаря массмедиа знаменитым, и корпоратив в Юсуповском дворце по случаю открытия газовой скважины в Арктике (вечная мерзлота!), куда Иннокентия Петровича пригласили в качестве почетного гостя. За большой гонорар он должен был произнести

³³ Там же. С. 31–32.

³⁴ Там же. С. 164.

³⁵ Там же. С. 142–143.

тост за генерального директора компании. В эпическое повествование входит сатирическая струя: «При входе и на лестнице (вау!) — негры в ливреях, повсюду живые цветы, в холле члены совета директоров, депутаты, киноартисты, бандиты, советского вида зомбаки, фотомодели, корреспонденты, профессиональные тусовщики — одним словом, все, кто любит газ»³⁶.

В сатирических тонах изображён и фейерверк на Елагином острове, который устроил нефтяник Тюрин в честь открытия очередной нефтяной скважины. Иннокентия Петровича Тюрин приглашает на праздник, так как находит его имя в списке самых известных людей по версии журнала Forbes. Ему был посвящен даже второй зал салюта, конечно же, после самого Тюрина. С купеческой щедростью он дарит Платонову «фантастической красоты перстень», который понравился Насте. Этот эффектный, рассчитанный на публику жест, был заснят фотокорреспондентами и снимок появился в нескольких газетах³⁷. Раздражает героя и назойливая реклама. За большие деньги ему предлагают рекламировать замороженные овощи.

И всё-таки издержки Петербурга разнузданных 1990-х, не в силах изменить общее восторженно-эмоциональное отношение героя к родному городу. Даже перед неизбежной авиакатастрофой герой, видя в иллюминаторе «линии Васильевского острова, купол Исаакия и Петропавловский шпиль», думает, что «редкий город может в последний момент одарить такой красотой»³⁸.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что Петербург в романе является не фоном или декорацией, а одним из героев. Совершенно очевидно, что Евгений Водолазкин в работе над романом опирался на многие исторические источники, в том числе и краеведческие, что при всей фантастичности сюжета придает книге особую достоверность.

³⁶ Там же. С. 288–289.

³⁷ Там же. С. 284.

³⁸ Там же. С. 401.

Е. В. Бакалдина

Борьба Е. М. Боткиной за сохранение родительского дома (Васильевский остров, 18-я линия, д. 1)

Елена Михайловна Боткина (1882–1964) была второй дочерью академика живописи, известного коллекционера, общественного деятеля Михаила Петровича Боткина (1839–1914). Семья М. П. Боткина с 1883 года проживала в старинном особняке на Васильевском острове, на 18-й линии, в доме № 1. Этот дом современники называли «музеем»¹, поскольку в интерьерах, созданных в конце XIX века под влиянием эпохи Возрождения, находились уникальные сокровища — собрание М. П. Боткина из античных, западноевропейских вещей эпохи средневековья и Возрождения, древнерусских предметов. Сам дом сравнивали с итальянским дворцом эпохи Возрождения².

В апреле 1917 года особняк покинули все представители семьи Боткиных: вдова Михаила Петровича Екатерина Никитична Боткина с дочерью Екатериной Михайловной фон Энден и внуками уехала в семейное имение в Харьковскую губернию, Сергей Михайлович Боткин с женой переехал из Петрограда в Симферополь, а Елизавета Михайловна Зеленская с мужем ещё с довоенных времён проживала в Крыму. Елена Михай-

¹ *Бенца А. Н.* Западноевропейские древности в собрании М.П. Боткина // Художественные сокровища России. — 1902. — № 2. — С. 47–57.

² *Алтаев Ал.* Памятные встречи. — М.: Советский писатель, 1959. — С. 229.

ловна и Любовь Михайловна служили сестрами милосердия на западном фронте. Ещё до отъезда Екатерина Никитична и Сергей Михайлович Боткины сдали на хранение в Русский музей Александра III наиболее ценную часть коллекции, опасаясь прорыва немецких войск к Петрограду, а другая часть оставалась в особняке. Получилось, что особняк оказался без хозяев во время революционных событий осени 1917 года; и в 1918 году, когда хозяева так и не вернулись, особняк и оставшаяся часть коллекции были взяты под охрану государства.

Согласно охранному удостоверению, подписанному народным комиссаром по заведованию дворцами и музеями Российской республики А. В. Луначарским³: «Дом № 1 по 18-й линии на Васильевском Острове граждан Боткиных, как представляющий выдающийся интерес в историческом и художественном отношении и заключающий в себе художественные ценности, находится под охраной Рабочего и Крестьянского Правительства. Никаким реквизициям и секвестрам без особого на то приказа Совета Народных Комиссаров он подлежать не может»⁴.

Та часть коллекции, которую в апреле 1917 года сдали на хранение в Русский музей, там и осталась, однако в особняке находились и другие предметы коллекции. В архиве Эрмитажа есть опись оставшихся в особняке вещей, датированная 10 декабря 1918 года и сделанная уполномоченным Василеостровского района для художественной комиссии по охране памятников искусства и старины В. П. Полянским, подписанная вдовой С. М. Боткина — Надеждой Степановной Боткиной-Враской⁵. Предметы в описи не пересчитаны, но исчисляются сотнями, и среди них находились настоящие шедевры, такие как триптих «Большой алтарный образ» в готической раме XV века, «Византийский триптих» XIII века, «Мадонна с младенцем» XV века (школа Боттичелли), бюст «Богоматерь с младенцем на руках» из терракоты флорентийской школы XV века, «Богоматерь» византийской работы и многое другое. Владельцы особняка были обязаны сохранять все эти вещи в целостности и сохранности и отвечать за них перед отделом по охране и регистрации памятников истории и старины. С определённой периодичностью сотрудники отдела при-

³ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — революционер, советский государственный деятель, писатель, переводчик, публицист.

⁴ Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов (далее СПбГМИСР). КП–8457. Охранное удостоверение на дом Боткиных с подписью народного комиссара по заведованию дворцами и музеями республики А. В. Луначарского. Петроград. 16 февраля 1918 года.

⁵ Архив Государственного Эрмитажа (далее АГЭ). Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 2–4 об.

ходили в особняк и проверяли наличие предметов, тогда же проводилась перерегистрация⁶. Последнее подтверждение о наличии предметов датировано 6 октября 1935 года⁷, но к этому времени список значительно поредел — Елена Михайловна Боткина и Елизавета Михайловна Зеленская, урождённая Боткина, продавали вещи и официально в Эрмитаж, в Антиквариат, и не официально антикварам.

Первыми из Боткиных вернулись в Петроград 13 августа 1920 года дочери М. П. Боткина Елена и Любовь Михайловны⁸, вторая умерла вскоре — 3 сентября, и Елене Михайловне выпала доля отстаивать право проживания в родительском доме, поскольку её мать Екатерина Никитична умерла 29 мая 1917 года, старшая сестра Екатерина фон Энден с мужем и детьми эмигрировала, младшие брат и сестра, Сергей и Любовь, скончались в 1918 и 1920 годах соответственно, а сестра Елизавета с мужем ещё некоторое время оставалась в Крыму.

В 1920-е годы многие здания освобождались от жильцов, и пустующие помещения стали приспособлять под нужды разного рода организаций. Распределением зданий занималось отделение административно-строительного надзора Петроградского губернского исполнительного комитета⁹. При этом органы надзора внимательно следили за возможностью занятия зданий, контролируя арендаторов. Так, «арендатор обязывался произвести в сданном ему имуществе необходимый капитальный ремонт... Кроме того, арендатор обязывался во всё время пользования имуществом содержать имущество в безупречном гигиеническом состоянии, соблюдать все противопожарные меры, выполнять все обязанности заботливого и добросовестного домоуправления»¹⁰.

Владения Боткиных на 18-й линии приходили в упадок, в частности Е. М. Боткина пишет 21 мая 1924 года в Управление Государственного музейного фонда, объясняя продажу вещей, «в виду разрушенного флигеля, пришлось отремонтировать прилегающую к дому каменную стену. К тому времени крыша дома пришла в ужасное состояние, во многих

⁶ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 11–12 об, 14, 18.

⁷ Там же. № 1491. Л. 24.

⁸ Там же. № 1490. Л. 26.

⁹ Ставшее впоследствии управлением Губернского инженера (1923–1928), затем управлением Городского инженера (1928), а с 1928 года Ленинградским областным управлением строительного контроля (ЛОУСК), находившимся в ведении Ленгубисполкома (1924–1927), Леноблисполкома (1927–1932).

¹⁰ Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее ЦГАНТД СПб). Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9358. Л. 43.

комнатах протекали потолки, и обвалилась штукатурка — необходим был немедленный и капитальный ремонт. Конечно, на все эти нужды уходило много денег, и я приступила к продаже моего имущества...»¹¹

Иного способа, кроме продажи имущества, получить деньги у Е. М. Боткиной не было. Сама она работала медицинской сестрой в больнице, имела невысокую зарплату, а все дореволюционные многочисленные акции и банковские счета пропали. В то время она ещё не подумала о возможной отдаче части помещений под какое-либо учреждение. Более того, двенадцать комнат, где находились зарегистрированные в Государственном музейном фонде предметы и картины М. П. Боткина, были опечатаны¹².

Тем временем стали появляться претенденты на помещения особняка; первыми были клуб рабочих Трубного завода и Детский дом. Эти претензии навели Елену Михайловну Боткину на мысль самой выбрать арендатора. В 1924 году Е. М. Боткина попыталась совместно с Г. Н. Гамон-Гаманом¹³ и Г. О. Линдером¹⁴ организовать в доме Музей частных коллекций, который мог бы снова воссоздать в особняке прежнюю атмосферу музея и сохранить интерьеры. Однако, сотрудники Общества изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга и его окрестностей, под эгидой которого предполагалось сделать музей, не оценили этой идеи. На голосовании 18 сентября 1924 года только один человек (С. Н. Жарновский¹⁵) был «за», шесть — «против» и один воздержался от приёма дома под охрану Общества¹⁶. Так сотрудник Общества, И. В. Михайловский¹⁷ доложил резолюцию Секции охраны памятников, указывая, что «художественного значения дом не имеет, так же как и

¹¹ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 26 об.

¹² Там же. Л. 35 (11 июля 1924 года).

¹³ Гамон-Гаман Георгий Нестерович (1880–1964) — художник, коллекционер. Первый раз был репрессирован в 1927 году, потом в 1936 году. В 1962 году получил должность преподавателя при кафедре рисунка в Московском архитектурном институте.

¹⁴ Линдер Густав Олафович — брат Августа Олафовича Линдера, уполномоченного акционерного общества.

¹⁵ Жарновский Сергей Николаевич (1895 — после 1973) — краевед, общественный деятель. В 1966 году стал членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

¹⁶ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

¹⁷ Михайловский Иосиф Болеславович (1866–1939) — архитектор, реставратор, историк и теоретик архитектуры.

исторического. Дом имеет очень большое и важное значение — отрицательное: образец, как можно испортить дом. Таким образом, из мотивов побуждающих взять дом в аренду: первый — художественное значение дома отпадает, второй — устроить в нём Музей не целесообразен, так как не следует подыскивать помещения для коллекции частных владельцев, и третий — с целью извлечения доходов так же отпадает, так как выгод дом никаких не обещает»¹⁸. Для Е. М. Боткиной отказ был ещё неприятен тем, что в случае образования Музея согласно договору с обществом, у неё было бы «право безвозмездного занятия под жилье или для иной надобности как жилой площади упомянутого имущества, так и нежилых (складочных) его помещений и дворовой площади дома»¹⁹.

После этой неудачи, чтобы сохранить крышу над головой, в ноябре 1924 года Е. М. Боткина вынуждена была взять особняк в аренду²⁰. Официально владельцем особняка числился Губернский отдел коммунального хозяйства Ленинграда²¹.

В особняке ещё частично оставалось его декоративное убранство. Однако уже были сняты резные панели в количестве девяти штук. Они хранились у одного знакомого, которого обстоительство вынуждали отказать в их хранении. Елена Боткина не хотела оставлять их учреждениям, которые могли бы въехать в особняк, и пыталась с помощью С. П. Яремича²² их пристроить: «Помогите нам, пожалуйста, может быть, их купит писатель Толстой, или какое-нибудь Вам известное учреждение, или поставит их в Антиквариат. Что делать, научите, пожалуйста, и помогите, выручите нас. Бросать их страшно жаль»²³. Постепенно Е. М. Боткина продала и прекрасную деревянную мебель: стулья Г. Н. Гамон-Гаману, шкафы эпохи Ренессанса и стол И. И. Изюмову²⁴ и т.д.²⁵ Чтобы освободить помещение бывшей мастерской М. П. Боткина в мансарде особня-

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-32 . Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

¹⁹ Там же. Д.43. Л. 8.

²⁰ Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (далее РО ИРЛИ РАН). Ф. 365. Оп. 1. № 147. Л. 5.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-32 32 . Оп. 1. Д. 43. Л. 2.

²² Яремич Степан Петрович (1869–1939) — художник, сценограф, театральный декоратор, реставратор, искусствовед.

²³ АГЭ. Ф. 7. Оп. 1. № 222. Л. 2–2 об.

²⁴ Изюмов Иван Иванович — директор фабрики «Красный ткач», бывшей фабрики товарищества шерстяных изделий «Торнтон». Коллекционер. В 1924 году был обвинен в мошенничестве и приговорен к 5 годам.

²⁵ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 26а.

ка, Елена Михайловна разослала находившиеся там картины кисти своего отца по музеям СССР²⁶, причем снова именно она проявляла инициативу. Как правило, текст первоначальных писем, написанных Е. М. Боткиной в музеи, выглядел так: «Распределяя в дар картины и этюды моего покойного отца, академика живописи Михаила Петровича Боткина по разным государственным музеям хотелось бы и Вашему музею прислать несколько картин. Если Вас интересует получить в дар Вашему музею картины кисти моего отца, то благоволите прислать мне 15 рублей, чтобы их истратить на упаковку и доставку на вокзал. Картины пойдут наложенным платежом, дубликат и оправдательный документ на расходы по упаковке Вы получите заказным письмом, а Вас прошу при получении картин прислать мне официальную бумагу о получении оных»²⁷. В ответ ей приходили благодарности: «... музей выражает Вам свою глубокую благодарность за принесенные ему в дар картины знаменитого академика живописца Михаила Петровича Боткина. Подаренные Вами картины займут почётное место в стенах Музея, а Ваше имя будет с благодарностью занесено на страницы истории Музея»²⁸. В настоящее время картины М. П. Боткина благодаря этим дарам его дочери находятся в десятках музеев России.

Содержание такого большого дома, которое должно было соответствовать договору аренды, оказалось непосильным бременем для Е. М. Боткиной. В акте осмотра дома в 1928 году отмечается, что часть помещений на первом этаже «на данный момент не отапливается, что при значительности периода отсутствия отопления может вредно отразиться на самом помещении и частях здания»²⁹. Срок аренды приближался к концу, когда появились новые претенденты на помещения особняка: мастерские Геофизической обсерватории, клуб Немецкого культурно-просветительского общества и Василеостровский народный суд. Самым приемлемым для Е. М. Боткиной был вариант с размещением библиотеки имени Г. В. Плеханова³⁰, но он не состоялся. Поэтому Еле-

²⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. №140, 143, 146, 147. Картины были отосланы в музеи Архангельска, Вологды, Воронежа, Еревана, Казани, Киева, Краснодара, Москвы, Новгорода, Одессы, Омска, Переславля, Петрозаводска, Полтавы, Пскова, Ростова-на-Дону, Рязани, Самары, Саратова, Свердловска, Смоленска, Старой Руссы, Тамбова, Твери, Тифлиса, Харькова, Ярославля.

²⁷ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 140. Л. 16 об–17.

²⁸ Там же. № 147. Л. 19. об.

²⁹ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9342. Л. 7об.

³⁰ Там же.

на Михайловна Боткина и её сестра Елизавета Михайловна Зеленская решили отстоять хотя бы небольшую квартиру в отцовском особняке, для чего они задействовали обширные связи своего отца М. П. Боткина, дяди С. П. Боткина и свои собственные. В частности, хранитель Русского музея П. И. Нерадовский³¹, работавший ещё с М. П. Боткиным, описал ценность коллекции М. П. Боткина и добавил в конце своей справки: «Признавая огромную важность коллекции М. П. Боткина для Русского Музея и большое художественное и культурно-историческое значение в связи с задачами Музея, всемерно поддерживаю ходатайство дочерей М. П. Боткина»³². Академик востоковед С. Ф. Ольденбург³³ также содействовал сестрам: «Вспоминая многостороннюю деятельность М. П. Боткина, оценивая результаты её в виде многочисленных коллекций наших Музеев, представляющих большую ценность, и сопоставляя всё это с тем трудным положением, в котором находятся сейчас его дочери, не могу не поддержать их скромного ходатайства, удовлетворение которого явится посильной оценкой работы этого замечательного художественного деятеля и собирателя»³⁴. Также Еленой Михайловной Боткиной были собраны благодарности от музеев, в которые она разослала в 1925–1926 годах работы отца³⁵.

Как сказано в заявлении сестёр Боткиных в Василеостровский райсовет, подписанном 14 октября 1929 года: «в 1924 году, желая сохранить дом, выстроенный нашим отцом и представляющий сам по себе художественную ценность, одна из нас /Елена Михайловна Боткина/ взяла его в аренду. Сейчас срок аренды истекает /1 ноября с. г./. Возобновлять аренду мы не можем и не добиваемся этого, так как ввиду его бездоходности, вследствие нахождения на отдалённой линии Васильевского Острова на содержание его нужны средства, которых нет. Обе мы существуем на свой заработок: одна служа медицинской сестрой в Инфекционной детской больнице, а другая педагогом-воспитателем в Детской Санатории, одна из нас имеет иждивенца мужа-инвалида, не получающего никаких посо-

³¹ Нерадовский Петр Иванович (1875–1962) — график, историк искусства, музейный работник.

³² РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 147. Л. 2 об.

³³ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — востоковед, академик Российской академии наук (1903) и Академии наук СССР. Один из лидеров партии кадетов, член Государственного совета (1912–1917), министр народного просвещения Временного правительства.

³⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 147. Л. 10.

³⁵ Там же. № 140, 143, 146, 147.

бий. Благодаря аренде мы имели кров, небольшая квартира над пустующими подвальными помещениями, в 53 квадратных метров, в которой мы втроем живём. Она расположена в стороне и совершенно не мешает жизни остального дома. Мы опасаемся, что с прекращением аренды, мы лишимся этого крова и просим оставить нас в этой квартире, которую мы готовы оплачивать по существующим ставкам, а если найдёте возможным, ввиду общественных заслуг нашего отца и дяди, просим отдать нам в пожизненное пользование это небольшое помещение, которое мы занимаем»³⁶.

Ответ от Василеостровского райсовета пришёл в декабре 1929 года — «о закреплении за дочерьми академика художника М. П. Боткина — Боткиной Е. М. и Зеленской Е. М. — занимаемых ими ныне квартиру № 3 в доме № 1 по 18 линии В.О. и сарая в пожизненное пользование с оплатой, согласно действующего постановления о квартплате и с правом самоуплотнения». Причём в документе ссылались на ходатайство Уполномоченного народного комиссара просвещения товарища Б. П. Позерна³⁷ и ряда музейных учреждений, которое райсовет удовлетворял, «принимая во внимание заслуги семьи Боткиных перед общественностью и, в частности, передачу ими различных художественных ценностей музейным учреждениям СССР»³⁸.

В результате сёстры Боткины остались проживать на первом этаже особняка, в квартире № 3, в которой были три комнаты, кухня, ванная и прихожая. Комнату в 22,47 квадратных метров занимала Елена Михайловна Боткина, комнату в 12,99 квадратных метров — Елизавета Зеленская. Между этими помещениями располагалась общая комната (21,26 квадратных метров). Кухня с огромной плитой занимала площадь 8,81 квадратных метров. Совмещённый узел ванной и туалета — 6,49 квадратных метров. Достаточно большой была прихожая — 11,97 квадратных метров. Итого, согласно планам, хранимым в проектно-инвентаризационном бюро, общая площадь составляла 91,37 квадратных метров (56,72 жилая и 34,65 служебная). Там же указано, что отопление было печное³⁹. Вход

³⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 147. Л. 6–7 (Черновик заявления).

³⁷ Позерн Борис Павлович (1882–1939) — советский партийный и государственный деятель. В 1922–1929 годах секретарь Ленинградского Областного комитета ВКП(б), затем заведующий отделом культуры и пропаганды областного комитета.

³⁸ СПбГМИСР. КП–8338. Выписка из протокола №33 от 17.12.1929 Президиума Леноблисполкома и Ленсовета Боткиной Е. М. и Зеленской Е. М.

³⁹ Проектно-инвентаризационное бюро (ПИБ). Васильевский остров, 18–я линия, д. 1. Л. 14.

в квартиру был с чёрной лестницы, что впоследствии дало возможность сосуществовать в одном здании гражданской организации и частной квартире. В конце 1929 года большая часть помещений особняка была отдана Василеостровскому народному суду. Таким образом, сестры Боткины соседствовали с судом.

Сестры Боткины платили за коммунальные услуги заведующему хозяйством Василеостровского народного суда. По воспоминаниям родственников, последний пытался брать плату за всю площадь, но Елена Михайловна Боткина настаивала на том, что будет платить только за жилую площадь.

В сентябре 1942 года, в блокаду, умерла Елизавета Михайловна Зеленская, и Елена Михайловна Боткина, опасаясь подселения, воспользовалась правом самоуплотнения и пригласила на постой правнучку С. П. Боткина, дочку крестника М. П. Боткина⁴⁰, Анастасию Михайловну Бородулину, в замужестве Дегтярёву, с мужем Николаем Алексеевичем. Они, а также двое их детей — Наталья и Андрей — проживали вместе с Е. М. Боткиной до её смерти в 1964 году. Однако бумага, разрешавшая проживать в особняке Боткиных, касалось только самой Елены Михайловны Боткиной, и после её смерти семья Дегтярёвых вынуждена была покинуть особняк.

⁴⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51362. Л. 31.

С. Г. Замешайлова

Новая жизнь храма Андрея Критского

Рижский проспект, дом 9 — здесь расположен один из красивейших храмов Санкт-Петербурга — церковь святого Андрея Критского. Здание храма размещается среди промышленного комплекса «главного печатного станка» страны. Первоначальные строения Экспедиции заготовления государственных бумаг (ныне Гознак) возведены по проекту Августина де Бетанкура, здесь — с 1818 до 1918 года изготавливались все бумажные деньги России. В 2018 году одно из старейших предприятий Санкт-Пе-

Здание Храма Андрея Критского. Фото начала XX века

тербурга празднует своё 200-летие. Поводом для строительства домового храма Экспедиции стал чудесный случай спасения Царской семьи Александра III при крушении поезда 17 октября 1888 года у станции Борки под Харьковом. В память чудесного спасения семьи Императора в течение 1888—1896 годов по всей России на народные средства было сооружено множество храмов и часовен. На добровольные пожертвования работников ЭЗГБ был построен и новый храм преподобномученика Андрея Критского, чья память совершалась православной церковью в день 17 октября. Проект здания с домовою церковью составил штатный архитектор ЭЗГБ Карл Яковлевич Маевский (1824—1897). Молебен при закладке храма совершал св. Иоанн Кронштадский. Храм был приписан к ведомству Министерства финансов.

Первым настоятелем храма с 1892 до 1913 года состоял протоиерей Философ Орнатский. Он стал впоследствии одним из первых новомучеников российских. В 1918 году он и два его старших сына были арестованы и расстреляны в Стрельне у берега Финского залива вместе с тридцатью офицерами Белой гвардии. В 2000 году причислен к лику святых Новомучеников Российских. В храме ныне есть икона священномученика Философа Орнатского с сыновьями Борисом и Николаем. В 2018 — году столетия трагических событий — составлена программа памяти первого настоятеля; готовится открытие мемориальной доски и выпуск книги трудов и проповедей сщмч. Философа Орнатского, а так же выставки, посвященной его жизни и мученической кончине. В День памяти жертв

Храм Андрея Критского. Начало XX века

политических репрессий 30 октября 2017 года состоялась первая из паломнических поездок в Стрельну к месту расстрела на Пристанской улице, возложение цветов у поклонного креста с иконой свв. Философа, Бориса и Николая Орнатских. В программу вошла и экскурсия по местам первого священнического служения Ф. Н. Орнатского: Реальное училище (приют) принца П. Г. Ольденбургского на 12-й Красноармейской ул. и Детского приюта вел. кн. Александры Николаевны на Лермонтовском проспекте, 51 с посещением в соседнем здании приюта «Кроха», продолжающего добрые традиции сиротских учреждений Санкт-Петербурга.

Возвратимся к истории храма. 24 сентября 1900 года в церкви состоялось венчание родителей Дмитрия Сергеевича Лихачева: Сергея Михайловича Лихачева и Веры Семеновны Коняевой. Возможно, в 1906 году они крестили сына именно в этом храме.

После Октябрьского переворота церковь была разорена. В 1922 году по предписанию комиссии по изъятию церковных ценностей провели изъятие имущества и церковной утвари. В 1923 году церковь была закрыта по подложному письму от работников предприятия, за, якобы, ненужностью. Помещение храма использовалось под складские нужды, фабричный клуб имени Ногина, здесь разместили станки ткацкой фабрики Дзержинского.

Возрождение храма началось в конце XX века, когда церковь была передана «Гознаку». «Мерзость запустения» при обследовании специалистами превзошла все предположения. Проект реставрации был составлен в 1995 году архитектором Андреем Федоровичем Тураносовым¹. На средства Министерства финансов и благотворителя К. В. Голощапова² начинаются работы по воссозданию интерьера церкви. Храм, устроенный в русско-византийском стиле, сохранил трехнефное пространство. Гранитные колонны были освобождены от десятилетиями накопившихся грязевых наслоений и отполированы. Гранитный пол оказался полностью утрачен. Множество усилий было потрачено на создание нового полированного покрытия. И, конечно, убранство храма предстояло полностью наполнить новыми паникадилами, иконами, святынями.

При проведении подготовительных работ к масштабной реставрации внезапно отвалился кусок штукатурки и обнажился фрагмент первоначального убранства.

¹ Сведения об авторстве проекта реставрации — в фондах Музея истории государственных бумаг России при Бумажной фабрике Гознак. Папка Храм Андрея Критского.

² Константин Вениаминович Голощапов (1954 г. р.) — соучредитель Русского афонского общества.

Молебен перед началом реставрации храма.
Конец XX века

чальной росписи. Чудом сохранившаяся роспись сложного орнамента была в хорошей сохранности за исключением нескольких участков; их воссоздали по аналогии с общим рисунком. Около двух лет реставраторы открывали орнамент, покрывающий сплошным ковром стены, арки и потолок. Фрески превосходно сохранились, лишь немного потускнели. Реставрация проходила на научной основе в соответствии с архивными документами и чертежами. Высокое качество реконструкции отличает выполненные работы по изготовлению алтарных решеток, двух массивных паникадил, резного иконостаса, резных деревянных аналоев.

Особенно впечатляюще выглядит в убранстве храма роспись, выполненная в технике энкаустики, с использованием воска как связующего вещества. Фрески выполнялись красками сложного состава на основе темперы в расплавленном виде. Узор отличает яркость и сочность колорита. Стилизованный византийский орнамент насыщен сложным богатым рисунком. Орнамент росписи потолка, включающий геометрические фигуры креста, круга, квадрата содержит своеобразную проекцию божественного на земное и воплощает христианскую идею Спасения.

Значительное достижение мастеров по металлу — два внушительных размеров паникадила, в центре светильников — шары с изысканной вязью рисунка. Шары перекликаются с фигурами кругов в росписи потолка. Паникадило — символ Небесной Церкви — украшено причудливыми фантазийными «небесными светилами».

Роспись потолка храма после реставрации и паникадило

Роспись потолка над хорами
«Покров Пресвятой Богородицы»

Особое внимание привлекает потолочная роспись храмового пространства над хором — живописная икона «Покров Пресвятой Богородицы».

Один из старейших иерархов РПЦЗ, архиепископ Михаил (Донсков), в беседе с автором статьи, состоявшейся летом 2015 года во время частного визита архиепископа в Петербург, назвал роспись алтаря храма Андрея Критского абсолютно уникальной, не имеющей никаких аналогов.

Роспись потолка в алтаре «Троица Новозаветная»

Семь лет продолжалась реставрация. По результатам в 2007 году она была признана одной из лучших реставраций исторического интерьера Санкт-Петербурга. 26 сентября 2006 года в храме во время завершения восстановительных работ побывал Святейший Патриарх Алексий II. 30 января 2007 года церковь открыли для верующих. 13 июня 2007 года церковь освящена митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Владимиром. В 2007 году храм был приписан как городское подворье Константи-

Интерьер храма прмч. Андрея Критского после реставрации

но-Еленинскому женскому монастырю. (Монастырь находится близ поселка Репино).

Убранство храма тщанием ктитора К. В. Голошапова постепенно наполнилось иконами. Среди них — крупномерные иконы, выполненные современными монахами-иконописцами святой горы Афон в Греции специально для храма Андрея Критского. Икона «Отрада и утешение» отсылает нас к событию начала IX века, когда настоятель Ватопедского монастыря услышал от иконы Богородицы голос, предупреждающий об опасности и призывающий не открывать ворота, а готовиться к отражению нападения врагов. После спасения монастыря от разбоя, икону назвали «Божия Мать Отрада и Утешение». К дивному списку современного иконописца многие приходят за утешением и помощью в бедах житейских.

Монументальный светильник со львами у солеи (Англия, XIX век) подчеркивает грандиозность храма, придавая ему особую торжественность в пасхальные дни, когда на нём возжигаются массивные красные свечи.

Среди святынь храма — ценные реликвии христианского мира: частица стола Тайной Вечери в Иконе «Евхаристия», шип из тернового венца Спасителя, крест-реликварий с частицей креста Господня. В богато

украшенных ковчежцах находятся частицы мощей: Елисаветы и Захария — родителей Иоанна Предтечи; святых Кирилла и Мефодия; апостола Варфоломея — одного из двенадцати; Николая Мирликийского, Спиридона Тримифунтского; равноапостольных царей Константина и Елены; Георгия Победоносца; Иоанна Дамаскина; Димитрия Солунского; Пантелеимона Целителя; Марии Египетской и Зосимы; Веры, Надежды, Любви и Софии; великомученицы Варвары и Татианы; Матроны Московской.

Икона «Отрада и Утешение»

Экспозиция музея

В здании на Рижском проспекте храм Андрея Критского находится на третьем этаже. На двух первых этажах разместился Музей христианской культуры. Это филиал Национального русского музея (Москва). Средоточие ценных памятников культуры от IV до начала XX века не имеет аналогов в церковной практике современной России.

Музейная коллекция содержит памятники мировой культуры, начиная примерно со времени Первого Вселенского Собора. Прежде всего, это предметы декоративно-прикладного искусства Византии, некоторые из них держал в руках равноапостольный царь Константин Великий. Греческие иконы, экспонировавшиеся в Эрмитаже на Византийской выставке, замечательная коллекция крестов IV–XVI веков, церковная утварь и книги, скульптура и мелкая пластика — редчайшие памятники христианской культуры. В собрании раритетов две витрины с одеждой из гардероба семьи страстотерпцев Николая II и детская железная дорога с миниатюрным паровозиком — действующая модель, игрушка цесаревича Алексея.

Собрание памятников Византии и древнерусские иконы привлекают особое внимание специалистов — культурологов, ученых, искусствоведов. Для студентов творческих ВУЗов здесь открывается превосходная возможность научной деятельности — многие памятники ждут пристального внимания исследователей, подробной атрибуции.

Мозаики VI века, коллекция старообрядческой резной иконы обладают несомненной художественной и исторической ценностью, но преж-

Святые равноапостольные царь Константин и мать его царица Елена. Горельеф. Европа. XII век. Мрамор.

де всего — это святые. Музей и храм — редкое сочетание единого церковного организма. В дни памяти святых, иконы которых в храме отсутствуют, из музея их перемещают в храм. Возможно, в Санкт-Петербурге это единственный опыт сопряжения церкви и музея в одном здании.

На галерее второго этажа музея размещены произведения русских и западно-европейских мастеров XVI–XIX веков. Знаменитые русские художники К. И. Брюллов, И. Я. Билибин, К. Ф. Юон представлены здесь малоизвестными полотнами. Украшением музея можно считать полотно К. Н. Кудрявцева «Изгнание Агари», получившего при окончании Академии Художеств за эту картину Большую золотую медаль. Образцы полотен эпохи Возрождения представлены работами Пени Лука, Джованни Беллини и др.

Как уже упоминалось, атрибуция многих предметов из коллекции музея еще в работе. Существуют серьезные исследовательские перспективы, для открытий и написания научных работ — от курсовых и дипломных до диссертаций и монографий. Музей работает как открытое хранилище. В какой-то мере это походит на открытое фондохранилище Эрмитажа. Надо заметить, что первоначально специалисты Эрмитажа, услышав о коллекции, выказывали сомнения относительно подлинности и датировок некоторых экспонатов. Но побывав в хранилище, убедились в уникальности предметов музейного собрания и их подлинности.

В 2009 году храм и музей посетил Святейший Патриарх Кирилл. Выказав восхищение благолепием внутреннего убранства храма, в записи в Книге почетных посетителей Музея христианской культуры Патриарх назвал коллекцию «прекрасным хранилищем христианских древностей».

Храм прмч. Андрея Критского продолжает традиции духовного просвещения, заложенные его основателями. Так, священномученик протоиерей Философ Николаевич Орнатский двадцать шесть лет возглавлял в нашем городе Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, а также являлся депутатом Городской Думы Петрограда, Главой Комиссии по строительству двенадцати храмов, редактором нескольких культурно-просветительских журналов. С малоизвестными страницами жизни священномученика можно познакомиться в книге В. Н. Филимонова «Крестом отверзается небо»³. Издание послужило основанием канонизировать в лике святых протоиерея Философа Орнатского.

В церкви прмч. Андрея Критского проходят вечера духовной музыки, участие в них принимают известные музыкальные коллективы и исполнители: хоры московских Сретенского и Данилова монастырей и подворья Оптиной Пустыни в Санкт-Петербурге, грузинский хор «Мдзлевари», Русская роговая капелла, Вокальный ансамбль «Рождество», певица Евгения Смольянинова. Духовная музыка в исполнении известных певцов включена в череду концертов «Музыка Рождества», «Три вечера духовной музыки в храме Андрея Критского». В Пасхальные дни в храме проводится Фестиваль юношеских хоровых коллективов «Пасха Красная».

При Музее христианской культуры действует мастерская золотого шитья «Покров». Изделия, выполненные в старинной золотошвейной технике, — это, главным образом, покровцы, плащаницы для праздников Пасхи и Успения Богородицы. Организуются выставки золотого шитья.

В храме десять лет действует Паломническая служба, организующая как «классические» поездки, например, на Святую Землю, так и «нестандартные». Например поездка, приуроченная к выносу Тернового Венца Спасителя, предусматривающая посещение монастыря на юге Франции в местечке Бюсси-ан-От, основанного эмигрантами первой волны.

В храме и Музее христианской культуры ежегодно проводятся научно-практические конференции «Линтула», где в докладах известных историков и искусствоведов рассматриваются вопросы истории РПЦ, социального служения церкви, вопросы церковного искусства. Храм тем самым продолжает культурно-просветительские традиции русских обителей, связанные с его духовной миссией.

³ *Филимонов В. П.* Крестом отверзается небо...: Жизнь и подвиги новомученика протоиерея Философа Орнатского. — СПб.: Сатисъ, 2000. — 240 с.

М. В. Шкаровский

Подворье Валаамского монастыря на Васильевском острове Санкт-Петербурга

История Санкт-Петербургских подворий Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в XX веке до сих пор мало привлекала внимание исследователей, между тем, в архивах сохранилось значительное количество документов, позволяющих провести ее изучение. Несмотря на то, что сам монастырь с 1918 года отошел к Финляндии, два его подворья просуществовали в «северной столице» еще 15 лет — до конца 1920-х — начала 1930-х годов. Их насельники были арестованы в ночь с 17 на 18 февраля 1932 года, осуждены и отправлены в лагеря и ссылку. Двое из этих новомучеников — иеромонахи Арефа (Митренин) и Патрикий (Петров) были прославлены для общецерковного почитания на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 7/20 августа 2000 года.

Первое Валаамское подворье было устроено в начале 1830-х годов по адресу: Калашниковская (ныне Синопская) набережная, дом 34. Второе подворье находилось на 16-й линии Васильевского острова, д. 81, вблизи Смоленского кладбища, в 1896 году там была построена в русском стиле и освящена деревянная часовня преподобных Сергия и Германа Валаамских, рядом был выстроен братский корпус. Участок земли пожертвовал крестьянин А. Афанасьев, строилась часовня на средства известного благотворителя купца и золотопромышленника И. М. Сибирякова (будущего схимонаха Иннокентия) по проекту архитектора Н. Д. Прокофьева. 26 мая 1896 года ее освятил игумен Гавриил «в память в бозе почившего

царя-миротворца» императора Александра III, по которому в ней ежедневно служились панихиды. Позолоченный иконостас и образа исполнили Валаамские иноки. Здесь хранились ковчег с мошами святых угодников и образ Нерукотворного Спаса, написанный в XVIII веке. В 1908 году на подворье было разрешено возвести каменное здание, но средств на его строительство собрать не удалось¹.

К моменту революции 1917 года на этом подворье жили шесть монахов (иеромонахи Илия, Григорий, Паисий, Варсонофий, иеродиаконы Мелетий, Дорофей) и четыре послушника; заведующим был иеромонах Илия (в миру Иван Алексеевич Мошков)². Он родился 31 мая 1860 года в д. Дударево Всегодической волости Владимирской губернии в крестьянской семье, в учебных заведениях не учился, но был грамотен. И. А. Мошков поступил в Валаамский монастырь в 1893 году, был зачислен послушником 23 октября 1895 года, пострижен в монашество в 1899-м, рукоположен во иеродиакона в 1901 году. и во иеромонаха в 1903. Сначала он проходил послушание в портновской мастерской, затем находился при Московском подворье для священнослужения, а с 1911 года управлял Валаамским подворьем на Васильевском острове. В 1908 году отец Илия был награжден набедренником и в 1914 году — золотым наперсным крестом.

В 1919 году часовня преподобных Сергия и Германа Валаамских на Васильевском острове также оказалась преобразована в приходскую церковь, договор о передаче ее верующим был подписан 7 сентября. В состав приходского совета вошли почти все насельники подворья и несколько мирян, председателем совета был избран иеромонах Илия (Мошков).

27 ноября 1920 года в своем письме настоятелю монастыря о. Павлину (Мешалкину), полученном на Валааме в начале февраля 1921 года, он сообщил, что вся шесть насельников подворья здоровы, но «жизнь часовой братии протекает в условиях многих лишений, так как ощущается недостаток продовольствия, обуви и одежды. Сад при часовне был засажен капустою, которая теперь служит подспорьем в питании. Хлебный паек состоит из 3/4-ей фунта на два дня, ввиду чего хлеб прикупается со стороны, и братии выдается ежедневно по одному фунту. Дровами на зиму обеспечены»³.

¹ Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. — СПб., 2010. — С. 373.

² Весь Петроград 1917 год. С. 149. URL: http://nlg.ru/cont/v_p/1917.php (дата обращения 28.06.2018).

³ Архив Финляндского Ново-Валаамского монастыря — Valamon Luostarin Arkisto (VLA). Папка Ea 134. Дело 20. Л. 52.

Отец Илия выражал обеспокоенность в связи с тем, что расположенные рядом с подворьем деревянные дома ломают на топливо, и эта же участь может постигнуть часовню. Поэтому иеромонах просил ходатайствовать перед правительством Финляндии об ее защите. Он также сообщил, что «ввиду обильного требоисправления и недостатка священнослужителей» 25 марта 1920 года иеродиакон Мелетий был рукоположен во иеромонаха, а монах Гавиний — во иеродиакона; еще один насельник подворья — о. Иннокентий уехал из Петрограда на родину. Один же из прихожан, ранее много трудившийся в Валаамском монастыре — Николай Чикунов скончался и 30 сентября 1920 года был отпет братией часовни⁴.

В ответном письме от 20 февраля 1921 года о. Павлин кланялся всей братии подворья: отцам Илие, Мелетию, Гавинию, Феодору, Патрикию и Игнатию и сообщил, что возбудил ходатайство перед правительством Финляндии о защите прав и неприкосновенности часовни, и сразу после поучения документа, гарантирующего ее от сноса, перешлет его в Петроград. Настоятель подтвердил, «что Валаамская братия, проживающая в России в монастырских подворьях, имеет за собою право принятия финляндского гражданства, и это преимущество оставлено за всеми вами, по ходатайству монастыря, отношением церковно-учебного министерства Финляндии от 16 января 1920 года за № 120»⁵.

В начале 1920-х годов монахи активно боролись с обновленческим расколом, в частности, община подворья на Васильевском острове с осени 1922 по весну 1923 года входила в так называемую Петроградскую автокефалию, которая не признавала власть Высшего Церковного Управления обновленцев. Это стало причиной ареста в 1922 году иеромонаха Илии (Мошкова), впрочем, он вскоре был освобожден и возведен в сан игумена.

21 апреля 1923 года комиссия жилищного подотдела Ленинградского городского отдела коммунального хозяйства провела техническое обследование Валаамского подворья на Васильевском острове. Согласно составленному в этот день акту, на участке находились жилой деревянный двухэтажный дом на 14 комнат (где проживали пять человек) с часовней при нем, три деревянных сарая и беседка. Комиссия определила площадь участка в 288 квадратных сажень, в том числе площадь застройки в 75 квадратных сажень, площадь сада — в 89 квадратных сажень, а стоимость недвижимого имущества — в 16117 рублей. Стоимость ремонта была определена в 259 рублей, и монахам указали на необходимость провести его

⁴ Там же. Л. 52об.

⁵ Там же. Л. 48.

до 1 октября 1923 года. Участок со всеми строениями находился в пожизненном владении И. А. Мошкова (заведующего подворьем игумена Илии), и это позволило подворью просуществовать до начала 1930-х годов⁶.

В 1926—1927 годах братия подворья пополнилась несколькими монахами, высланными финляндскими властями из страны в связи с календарной смутой в Валаамском монастыре. Среди них был преподобномученик иеромонах Арефа (в миру Александр Федорович Митренин). Он родился 21 ноября 1879 года в г. Кронштадте Санкт-Петербургской губернии в семье почетного гражданина, 26 мая 1902 года поступил в Валаамский монастырь, 20 марта 1906 года был зачислен в послушники, 22 мая 1910 года пострижен в монашество с именем Арефа и 30 июля 1915 года рукоположен во иеродиакона. С февраля 1917 года отец Арефа проходил клиросное послушание на Московском Валаамском подворье, где 28 апреля 1921 года был рукоположен во иеромонаха. В 1925 году он уехал в Финляндию, в Валаамский монастырь, но в конце следующего года был выслан оттуда за верность юлианскому календарю⁷.

С 1928 года община подворья на Васильевском острове, по некоторым сведениям, принадлежала к «непоминающим» (советские власти и Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) за богослужением)⁸. В 1929 году игумен Илия (Мошков) был арестован и сослан на несколько лет в Вологодский округ Северной области. После закрытия в сентябре 1929 года Валаамского подворья на Калашниковской набережной некоторые его насельники, например монах Герман (Федоров), перешли в подворье на Васильевском острове.

В этом же году советские власти начали подготовку к закрытию и этого подворья, проживавших в доме при часовне иноков потеснили, передав пять из 14 комнат для поселения рабочих. 6 июля 1931 года заведующий Василеостровским районным административным отделом Мамаев в секретном порядке написал в ОГПУ и сектор административного надзора Леноблисполкома: «Довожу до Вашего сведения, что проживающими монахами в общежитии при часовне Валаамского монастыря по 16 линии, дом № 81 ведется «апелляционная» работа через верующих прихожан, даже был случай во время проповеди о том, что к ним в общежитие вселили две рабочие семьи, что их стеснили и беспокоят»⁹.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 3201. Оп. 2. Д. 29. Л. 63—64.

⁷ Арефа (Митренин), примч. // Православная энциклопедия. Т. 3.— М., 2001. — С. 214.

⁸ *Осипова И. И.* Сквозь огонь мучений и воды слез. — М., 1998. — С. 354.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 2. Д. 6. Л. 55.

В этом своеобразном политическом доносе Мамаев просил «принять соответствующие меры», приложив список насельников подворья из девяти человек: архимандрит Евгений (Евгений (?) Емельянович Матвеев, родился в 1852 году в Санкт-Петербурге в мещанской семье, принял монашеский постриг в 1886 году, инвалид), иеромонахи Патрикий (Павел Петрович Петров, родился в марте 1876 года в Костромской губернии, из крестьян) и Арефа (Александр Федорович Митренин), иеродиаконы Пармен (Парфений Иванович Прядко, родился 20 ноября 1867 года в Киевской губернии, из крестьян), Георгий (Георгий (?) Ермолаевич Иванов, 1875 года рождения, из крестьян), монахи — сторож Илиан (Исидор Дмитриевич Науменко, родился 13 мая 1869 года в Киевской губернии, из крестьян), кашевар (повар) Игнатий (Игнатий (?) Матвеевич Васильев, 1877 года рождения, из ремесленников), сторож Герман (Георгий Федорович Федоров, 1876 года рождения, из крестьян) и послушник, дворник при часовне Степан Августинович Баранович (1879 года рождения, из крестьян)¹⁰.

Все насельники подворья были арестованы в так называемую «Святую ночь» с 17 на 18 февраля 1932 года, когда агенты ОГПУ арестовали почти всех еще оставшихся в Ленинграде монашествующих и связанных с ними мирян (всего около 500 человек). Хранящееся в Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области следственное дело дает представление о мужестве и исповедничестве, проявленными монахами на допросах. Они не скрывали своего негативного отношения к антицерковной политике советских властей, а некоторые, например иеродиакон Пармен (Прядко), говорили о своем желании переехать каким-нибудь путем в Валаамский монастырь, находящийся тогда на территории Финляндии. Иеромонах Арефа (Митренин) на допросе бесстрашно заявил: «Против советской власти никогда не выступал, но советским человеком быть не могу, т. к. нас, монахов, лишили всего: монастыри и церкви закрывают, священнослужителей высылают,.. везде гонение на религию»¹¹.

Следствие оказалось недолгим, насельники, по мнению ОГПУ, были виновны уже в том, что являлись монахами. 22 марта 1932 года Тройка Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорила всех насельников Валаамского подворья к трем годам

¹⁰ Там же. Л. 56; Санкт-Петербургский мартиролог. — СПб., 2002.

¹¹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ф. архивно-следственных дел. Д. П-75829. Т. 1. Л. 185—189.

ссылки в Казахстан, в том числе и 80-летнего архимандрита Евгения (Матвеева), уже подвергавшегося аресту в 1922 году¹².

Некоторых осужденных монахов привезли для отбывания наказания не в Казахстан, а в соседнюю Среднюю Азию. В дальнейшем некоторые из них скончались в ссылке, в том числе и преподобномученики Патрикий (Петров) и Арефа (Митренин). В частности, отец Арефа умер в ноябре 1932 года в Ташкенте, где и был погребен (память 24 октября, в Соборе Валаамских святых, в Соборе новомучеников и исповедников Российских и в Соборе Санкт-Петербургских святых).

Через два месяца после осуждения валаамских иноков — 31 мая 1932 года президиум Ленинградского областного исполнительного комитета принял решение (протокол № 72, пункт 48) о закрытии часовни: «В связи с увеличением количества рабочих базы строительных механизмов и механических мастерских, явилась крайняя необходимость в открытии специального ЗРК, помещение для которого при весьма небольших затратах может быть приспособлено из Валаамской часовни, учитывая, что последняя не функционирует, таковую ликвидировать и передать Базе строймеханизмов»¹³.

Это постановление было выполнено 16 июля 1932 года, а помещение часовни передано в ведение президиума Василеостровского райсовета. В это время его намечалось использовать под детские ясли, однако в апреле 1933 года ОГПУ заключило договор с районным коммунальным отделом об устройстве в здании общежития для своих сотрудников. В акте обследования бывшего подворья от 8 апреля 1934 года говорится, что крест снят, здание полностью переоборудовано внутри и используется под общежитие ОГПУ¹⁴. В дальнейшем в годы Ленинградской блокады (1941–1944) постройки были разобраны на дрова. Сейчас на этом месте — сквер.

Следует отметить, что бывший заведующий подворьем игумен Илия (Мошков) и валаамский послушник Алексей Данилович Маслов (1879–1952) сыграли заметную роль в возрождении религиозной жизни на оккупированной территории Ленинградской области. После окончания ссылки в середине 1930-х годов, игумен приехал жить в г. Павловск (пригород Ленинграда) к А. Д. Маслову, которого хорошо знал в 1899–1904 годах по Валааму и Петербургскому подворью обители на Васильевском острове. Вскоре после начала оккупации — 1 октября 1941 года о. Илия совершил первую службу в кладбищенской церкви святых праведных Иоакима и

¹² Там же. Л. 510–517.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 10. Д. 377. Л. 46.

¹⁴ Там же. Ф. 1000. Оп. 51. Д. 35. Л. 20, 24, 40, 46.

Анны г. Павловска, богослужения в ней продолжались до 1 марта 1942 года. Затем «ввиду страшного голода» игумен и псаломщик Алексей Маслов переехали жить по приглашению верующих в село (погост) Доложеск (Заручье) Осьминского района (западную часть Ленинградской области), где стали служить в местной церкви Успения Пресвятой Богородицы с 21 марта 1942 года. С лета 1943 года игумен Илия по немощи не служил, скончался он 8 октября того же года и был похоронен в Доложеске за алтарем Успенской церкви¹⁵.

Алексий Маслов 15 июня 1943 года приехал в Псков, где выдержал теоретический и практический экзамен в Управлении Миссии и был рукоположен 17 июля 1943 года в Риге епископом Иоанном (Гарклавсом) во диакона, 19 июля — во иерея и 20 августа 1943 года назначен в Михаило-Архангельскую церковь с. Зажупанье Осьминского района. Одновременно о. Алексей служил и в храме Доложеска. 24 октября 1943 года нацисты сожгли это село и церковь. Священник спас антиминс и окончательно перешел служить в храм с. Зажупанье. В последний период войны и первое послевоенное время он также окормлял приходы в селах Самро (Песье), Заянье и Ктины, пока по указанию властей ему не было запрещено служить более чем в одном храме. 23 декабря 1952 года отец Алексей был убит вместе с женой с целью ограбления районным налоговым инспектором¹⁶.

Игумен Илия и священник Алексей Маслов вместе с будущим духовником преподобного Серафима Вырицкого протоиереем Алексием Кибардиным в годы войны втроем окормляли все приходы Осьминского района Ленинградской области и сделали там чрезвычайно много для возобновления духовной жизни.

Почти 60 лет в «северной столице» не было Валаамских подворий. Но сразу же после возрождения самого монастыря они стали открываться снова. Первое после долгого перерыва подворье обители было устроено в 1989 году в здании бывшего подворья Успенского Старо-Ладожского монастыря (Нарвский проспект, д. 1), построенном в 1902–1910 годах вместе с храмом Казанской иконы Божией Матери и закрытом 22 сентября 1935 года. В феврале 1994 года Спасо-Преображенскому Валаамскому монастырю было возвращено историческое здание его подворья на Синопской набережной с храмом преподобных Сергия и Германа Валаамских. К сожалению, здание Валаамского подворья на Васильевском острове не сохранилось.

¹⁵ Архив Санкт-Петербургской епархии, личное дело священника А. Маслова.

¹⁶ Там же.

Е. И. Щиканова

История строительства Дома культуры текстильщиков (ныне Книжная ярмарка ДК им. Крупской)

Данная статья — итог исследовательской работы в рамках подготовки выставки «ДК в разрезе», которая открылась 3 ноября 2017 года в здании Книжной ярмарки ДК им. Крупской. Проект посвящен истории строительства клуба и его деятельности в разные периоды. При подготовке юбилейной выставки к 90-летию открытия, выяснилось, что, несмотря на известность памятника, тем не менее, специальных публикаций или исследований, касающихся его истории, не существует. Уникальные архивные материалы, в том числе чертеж Овсянникова с комментариями автора, оказались не введенными в научный оборот. Нам кажется актуальным восполнить содержательные пустоты в научном знании и рассмотреть архитектурные особенности и судьбу проекта.

Здание клуба текстильщиков является памятником архитектуры Ленинграда конструктивистского периода. Клуб строился для фабрики «Рабочий», которая находилась буквально через дорогу. Открытие клуба, приуроченное к 10-летней годовщине Октябрьской революции, состоялось 6 ноября 1927 года на проспекте Села Смоленского, 67¹. Расположенный на рабочей окраине города, он стал культурным центром огромного района.

¹ С 1952 года проспект Села Смоленского стал частью проспекта Обуховской обороны.

15 апреля 1927 года архитектор Сергей Иосифович (Осипович) Овсянников² предложил к рассмотрению проект клуба и пояснительную записку за своей подписью в Правление Ленинградского Отдела Союза Текстильщиков, 16 апреля проект был направлен Губернскому Инженеру на рассмотрение и утверждение³. Авторские пояснения к проекту позволяют судить о первоначальном замысле, назначении помещений и характере территории.

Примечательно, что Овсянников не только создал чертежи самого здания и его частей, но и уделил большое внимание функциональной планировке местности. Интересно, что клуб проектировался с учетом уже существующих двух зданий, чтобы можно было их использовать под помещения, необходимые для клуба.

Площадку перед клубом архитектор предлагал использовать для проведения демонстраций и собраний в летнее время. В центральной части главного фасада проектировалась трибуна для ораторов, а по бокам двора у стен — монументальные гранитные трибуны для участников собраний. На заднем дворе архитектор предлагал создать спортивное поле с помещением для музыкантов и местами для зрителей. Слева от здания планировался парк, а с правой стороны — въезд в хозяйственный двор.

Внутренняя структура здания была типична для проектов 30-х годов: это сочетание зрительного зала и комнат для клубной работы. Так, проект предусматривал зрительный зал «трапецеодалной» (из пояснительной записки Овсянникова) формы с хорами на 1500 человек со сценой, о форме которого Овсянников писал, что она «самая экономная и самая рациональная»⁴. Зал предназначался для собраний, концертов, спектаклей и кинематографических сеансов. Кинобудка примыкала к задней стене зала и имела отдельный выход наружу через чердак. При сцене размещалось несколько уборных для артистов и подсобные помещения (бутафорская, склад для декораций, гардеробная). Зал имел хоры, куда вели две широкие лестницы по сторонам вестибюля. В двух уже имевшихся зданиях и по сторонам зрительного зала планировалось разместить комнаты для секций и кружков, лекционный зал, детскую комнату, комнаты отдыха, библиотеку с читальней, буфет с кухней.

² С.О. Овсянников (1880–1937). Советский архитектор, педагог; занимался проектированием жилых и промышленных зданий. Окончил Академию художеств (1909). Архитектор треста «Ленинградтекстиль» (1920–е). Построил здание Кузнечного рынка (совместно с А. С. Прониным), прядельно-ткацкую фабрику «Красный маяк». Занимался планировкой и застройкой г. Хибиногорска.

³ ЦГАНТД СПб. Ф 192. Оп. 3-1. Д. 2563.

⁴ Там же. С. 9.

Решения автора в проектировании вестибюля и гардеробов кажутся вполне традиционными. При входе в здание с фасада был скомпонован главный вестибюль с «раздевальней», в его центре — касса. Из него можно было пройти: или в зрительный зал через проход, или по двум лестницам на верхний этаж, или в боковые помещения. Для гимнастического зала Овсянников предусмотрел «раздевальни» и души — мужской и женский. Уборные и курительные расположил на двух этажах. Любопытна задумка архитектора по сооружению солярия вверху над фойе. Архитектор не раскрывает в записке содержание своей идеи, вероятно, он имел в виду некое место на балконе, где можно было бы загорать.

Клуб был спроектирован в конструктивистском стиле. На центральном фасаде проект предусматривал большие, практически по размеру всей стены, окна — популярный выразительный элемент конструктивистов. Сам Овсянников писал: «Фасады даны строгие, простые, с современным уклоном, но без особой утрировки»⁵. Были использованы и другие неизменные составляющие конструктивистских проектов: бетон, плоская кровля, крыша-терраса. По замыслу архитектора внутренняя отделка помещений должна была быть простой, современной, но прочной и изящной. До сих пор сохранились некоторые первоначальные элементы оформления, например, декоративный орнамент «серп и молот» на лестничных перилах.

Архивные документы дают возможность реконструировать этапы утверждения проекта и строительства, которые проходили далеко не гладко. Участок будущего клуба, не в пример соседним территориям, не был занят промышленными предприятиями. В левой его половине был фруктовый сад с деревьями и деревянной сценой, а в правой размещались каменные и деревянные флигели. Сделанные обноски территории дали ход строительству⁶. Только позже выяснилось, что выбор участка был неудачным, т.к. он был ниже уровня проспекта Села Смоленского, и это потребовало дополнительной подсыпки высотой более 1 метра. Выбор участка под строительство не был согласован в Управлении губернского инженера (УГИ). Критиковали выбранное место будущего клуба еще и по причине того, что в районе на тот момент существовал Народный дом им. И. В. Бабушкина на 1700 мест (на территории современного парка им. И. В. Бабушкина), который рабочие при необходимости могли посещать. Но, на самом деле, рабочим текстильной фабрики было не особо удобно туда ходить.

⁵ ЦГАНТД СПб. Ф 192. Оп. 3-1. Д. 2563. С. 10.

⁶ Там же. Протокол № 27 от 13 мая.

Проект здания клуба впервые поступил в УГИ 20 апреля 1927 года, чертежи и пояснительная записка датированы, как уже говорилось, 15 апреля. Он был рассмотрен на техническом совещании в УГИ 29 апреля⁷. Были выявлены недостатки: по Генеральному плану отмечается, что нет проектов павильонов и ограды, разрезов боковых корпусов и указания назначения многих помещений. По I-му этажу критикуется теснота кулуаров и гардероба. По плану у архитектора действительно перед гардеробом 2,5 и 3 метра. Отмечается, что мала площадь для циркуляции публики, в качестве примера приводятся немецкие нормы, где для кулуаров отводится от 3 метров ширины, а перед гардеробом — 4 метра и более. Также предлагали сдвоить лестницы с маршами до 3 метров, были вопросы к местам в зале, к выходам для музыкантов, к суфлерской и осветительной камерам, критиковали винтовые открытые рабочие лестницы на сцене. По II-му этажу ставится вопрос о неясности обслуживания буфета. В «Разрезе» критиковалась такая задумка автора: кинокамера, примыкавшая к задней стене зрительного зала, сообщалась посредством винтовой лестницы с чердаком или кровлей, что, по мнению обсуждавших, представляло опасность. Плоские кровли оценивались как удорожающие конструкцию и эксплуатацию⁸.

В результате решено было отложить рассмотрение проекта до представления дополнительных сведений, которые поступили 9 мая, но опять же без необходимых согласований, технической разработки и сведений по оборудованию. Проект обсуждался на техническом совещании 13 мая, в связи со спешкой из-за крайней срочности, вызванной стремлением открыть клуб к Октябрьским торжествам, его рассмотрели в неполном виде, в виде эскизов⁹.

Вопрос о постройке клуба на намеченном участке был разрешен в «благоприятном смысле» Президиумом ГИКа только в конце мая¹⁰. Но техническое совещание должно было предоставить более полные планы здания клуба, это было сделано лишь в августе, причем планы по-прежнему не отвечали необходимым требованиям. То есть строительные работы начались по эскизным планам, но они не были утверждены до конца, поэтому даже встал вопрос о приостановке работ¹¹. Задержка планов техническим совещанием была связана с тем, что контрольные сро-

⁷ Там же. Протокол от 31 октября.

⁸ ЦГАНТД СПб. Ф. 192, Оп. 3-1, Д. 2563. Протокол № 23 от 29 апреля.

⁹ Там же. Протокол № 27 от 13 мая.

¹⁰ Там же. Протокол № 8 от 21 мая.

¹¹ Там же. Письмо президиуму Губисполкома от 22 августа.

ки — 1 июня, а потом 18 июля — которые назначали Овсянникову, были им просрочены¹². Архитектор переработал проект клуба и предоставил его в УГИ только 5 августа. Судя по Протоколу № 51 заседания технического совещания при УГИ от 19 августа, Овсянников представил два плана I-го и II-го этажа с внесением некоторых изменений согласно прежним указаниям технического совещания. К уже отмеченным ранее недостаткам было добавлено, что лестницы для публики не согласованы по этажам, места в зале тесны и эвакуация затруднена, портал широк по размерам сцены, на сцене рабочие лестницы не в клетках, нет плана трюма сцены и др.

Протокол интересен еще и тем, что в нем упоминается состояние работ на данный момент: фундаменты и цоколь сделаны, стены подняты на некоторую высоту. Порядок производства строительных работ считают нарушенным, поскольку не было разработанного и утвержденного в целом проекта (с расчетом устройства отопления, вентиляции, пожарного водопровода, канализации и прочего).

Ситуация дошла до того, что начальник управления Корчагин отправил Губпрокурору письмо от 8 сентября, в котором просил привлечь к ответственности руководителей работ Овсянникова и Синявера¹³ (архитектор постройки клуба) по ст. 108 Уголовного Кодекса. Наконец, 10 сентября поступил «исчерпывающе полный проект с последующими дополнениями». Но даже сейчас он был утвержден не во всех частях: было предложено пересоставить проекты канализации, отопления и вентиляции и устройства кинокамеры¹⁴. Вопросы вызывало и устройство балкона, так как места были спроектированы восходящими ступами с глубиной рядов от спинки до спинки 0,8 метра вместо требуемой глубины ряда 0,9 метра. Но из-за того, что к этому времени уступы мест бетонной конструкции были уже выполнены, необходимая их переделка потребовала бы больших расходов, поэтому была оставлена такая глубина¹⁵.

5 октября Комиссия в составе представителей УГИ осмотрела здание строящегося театра-клуба для определения возможности устройства 6, 7 или 8 ноября торжественного собрания и спектаклей. Она признала возможным проведение мероприятий при соблюдении определенных усло-

¹² Там же. Протокол от 31 октября.

¹³ Синявер Моисей Маркович (1879—1949), русский и советский архитектор, историк архитектуры, реставратор; представитель неоклассицизма. Окончил Академию художеств в 1908 году. Член Петербургского общества архитекторов.

¹⁴ ЦГАНТД СПб. Ф 192. Оп. 3-1. Д. 2563. Протокол от 31 октября.

¹⁵ Там же. Письмо в Президиум Ленинградского Совета от 9 ноября.

вий. В результате клуб был открыт в незавершенном здании. Неслучайно в «Ленинградской правде» № 256 от 10 ноября 1927 года в заметке об этом событии говорится: «Красное здание Володарского клуба, построенного союзом текстильщиков, еще не успело окончательно освободиться от лесов. Но бесчисленные комнаты для кружков, спортивный зал и кино-установка — готовы...»¹⁶

Работы по сооружению нового клуба, начавшиеся в мае 1927 года, совершались в рекордные сроки. Они продолжались и в 1928–1929 годах, тогда проводились испытания кирпича, бетона и железобетонных балочек, утверждались проекты водоснабжения, отопления, вентиляции, согласовывались требования по пожарной безопасности, хотя они должны были проводиться с началом строительных работ.

Таким образом, мы видим, что при возведении клуба возникали разные сложности. Спешка из-за стремления успеть к важной праздничной дате повлекла за собой недочеты, которые в дальнейшем было невозможно или крайне сложно исправить. Довольно поздно для постройки подобного сооружения рассмотрели чертежный проект, затем последовали трудности его согласования с разными инстанциями, к тому же сам архитектор Овсянников также задерживал сдачу частей проекта, исправления и уточнения вносились в процессе строительства. Тем не менее, здание современной Книжной ярмарки ДК им. Крупской, которому почти век, простояло до сих пор, находится в хорошем состоянии и продолжает успешно использоваться.

¹⁶ Ленинградская правда. — 1927. — № 256, 10 ноября. — С. 4.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ПЕТЕРБУРГА–ЛЕНИНГРАДА

*Т. М. Гусенцова,
И. Н. Добрынина,
И. Б. Фурманова*

Выборгская сторона в литературных произведениях XIX века

В произведениях писателей XIX века разные районы этой обширной исторической местности освещались по-разному. В статье приводятся материалы, касающиеся наиболее старой и обжитой территории: Медико-хирургическая академия и далее на север, вдоль реки Большая Невка, окрестности Сампсониевской церкви.

Из-за трудностей перемещения по городу и пошлин за пользование мостами столичные жители стремились поселиться как можно ближе к месту службы или учебы. На Выборгской стороне жил рабочий люд, крестьяне, студенты, преподаватели, врачи Медико-хирургической академии. Об отношении петербургских обывателей к местности за Литейным мостом пишет Н. А. Синдаловский: «Между тем, глухая Выборгская сторона, где она располагалась, пользовалась у столичного населения дурной славой. Да и тогдашним медикам простой народ не очень доверял. Если верить газетам того времени, «ни один извозчик ни за какие деньги не соглашался везти седока далее Литейного моста» <...> О медиках с

Выборгской стороны говорили в Петербурге с нескрываемой опаской и в то же время с насмешливым пренебрежением: «Лекарь — из-под Литейного моста аптекарь»¹.

Описание местности за Литейным мостом на восток от академии оставил блестящий юрист и известный общественный деятель А. Ф. Кони в историко-литературном очерке, посвященном прогулкам по старому Петербургу и, в частности, по Выборгской стороне. «Литейный мост манит нас перейти на Выборгскую сторону, где тянутся здания Медико-хирургической академии... От академии мы сворачиваем вправо и по длинной Симбирской улице², совершенно провинциального типа, очень хорошо описанной Гончаровым в «Обломове», приходим, миновав Новый арсенал, в пригородную местность, носящую название Полюстрово, вблизи которой находилась известная усадьба Кушелева-Безбородко. К этому дому в пятидесятых годах³ нередко подъезжали и подплывали многочисленные посетители, привлекаемые гостеприимством хозяина, сделавшегося первым издателем «Русского слова» и любившего играть роль мецената»⁴. «Русское слово» петербургский ежемесячный журнал, издававшийся с 1859 по 1866 год графом Г. А. Кушелевым-Безбородко. В середине 1860 годов граф Кушелев пригласил в редакторы Г. Е. Благовестлова, которому затем подарил журнал. Журнал сотрудничал с известными писателями и критиками, в частности, с Д. Писаревым. В особняке Кушелева-Безбородко гостил писатель Александр Дюма-отец, приглашенный графом в 1858 году в Париже в путешествие по России. Кушелев-Безбородко принимал немало литераторов, с которыми случались забавные казусы. О нравах, царивших в его доме вспоминает писатель Д. В. Григорович (воспоминания относятся к 1858 году, когда писатель готовился к морскому путешествию вокруг Европы): «Я пользовался свободными днями, посещая моих знакомых и в том числе графа Г. А. Кушелева-Безбородко, проводившего лето на своей даче в Полюстрове. Станный вид имел в то время этот дом, или, скорее, общество, которое в нем находилось. Оно придавало ему характер караван-сарая, или, скорее, большой гостиницы для приезжающих. Сюда по старой памяти являлись родственники и рядом с ними всякий

¹ *Синдаловский Н. А.* Легенды петербургских мостов и рек. — М.: Издательство Центрполиграф, 2013. — С. 344–345.

² Ныне улица Комсомола.

³ Имеется в виду XIX век.

⁴ *Кони А. Ф.* Петербург: Очерки. — СПб.: Лениздат, 2014. — С. 24–25.

сброд чужестранных и русских пришлецов, игроков, мелких журналистов, их жен, приятелей и т.д.»⁵

А один из казусов, произошедший со свойственником домохозяина, которым был довольно известный в пятидесятых годах XIX века поэт Лев Мей, усиленно предававшийся «бесу пьянства», упомянут в «Записках старожила» А. Ф. Кони. «На одном из обедов, сильно нагрузившись уже за закуской, после настойчивых намеков о желании присутствующего светского общества услышать какой-нибудь экспромт, он встал, пошатываясь, и, к ужасу хозяина, произнес: «Графы и графини! Счастье вам во всем, мне ж — в одном графине, и притом большом» — и грузно опустился на свое место»⁶. Существует мнение, что образ графа Г. А. Кушелева-Безбородко послужил Ф. М. Достоевскому прототипом князя Мышкина в романе «Идиот».

С Медико-хирургической академией (с 1881 года — Военно-медицинская академия) — единственным в XIX веке в Петербурге высшим учебным заведением, подготовлявшим врачей, связано несколько имен известных литераторов. В 1832 году в ней служил ординатором будущий составитель знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль. Научная деятельность Владимира Даля обширна: врач, естествоиспытатель, лингвист, этнограф. Знаменитый хирург Военно-медицинской академии Н. И. Пирогов писал: «Это был замечательный человек, за что ни брался Даль, ему все удавалось усвоить»⁷. В. И. Далю принадлежат слова: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежность к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски...»⁸

В Медико-хирургической академии, считавшейся рассадником революционных идей обучались герои романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Это студенты — друзья Лопухов и Кирсанов. Оба рано привыкли пробивать себе дорогу своей грудью, не имея никакой поддержки. Они — медицинские вольнослушающие, то есть не живущие на казенном содер-

⁵ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. — М.: Худож. Лит., 1987. — С. 142–143.

⁶ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 25.

⁷ Бессараб М. Я. Владимир Даль. Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. — М.: Современник. 1972. — С. 53.

⁸ Бессараб М. Я. Указ. соч. С. 9.

жании студенты; снимают в одной квартире две разные комнаты, зарабатывая себе на жизнь уроками. Лопухов, к тому же, доставал себе небольшие деньги «перепискою бумаг по вольному найму в одном из кварталов Выборгской части...»⁹ Они выступают в романе представителями «новых людей» — молодежи, отвергающей старые традиции и устои, но искренне желающих быть полезными обществу и людям. Контрастом служит описание Чернышевским нравов, царящих среди других студентов академии: «Академия на Выборгской стороне — классическое учреждение по части карт. Там не редкость, что в каком-нибудь номере (т.е. в комнате казенных студентов) играют полтора суток сряду. Надобно признаться, что суммы, находящиеся в обороте на карточных столах, там гораздо меньше, чем в Английском клубе, но уровень искусства игроков выше»¹⁰.

Описание жизни студентов Военно-медицинской академии и семей обывателей на Выборгской стороне в 70-х годах XIX века дает писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк в автобиографическом романе «Черты из жизни Пепко». Многие сюжетные ситуации романа воспроизводят конкретные эпизоды из жизни Мамина-Сибиряка. В 1872 году он поступил в Петербургскую Медико-хирургическую академию на ветеринарное отделение. В 1876 году, не окончив академии, перешел на юридический факультет Петербургского университета. В романе много любопытного о жизни студентов и петербургской интеллигенции, пытавшейся «сохранить» лицо в голодной, нищей действительности. В этом же романе приводятся интересные заметки о жизни в дачной местности Парголово и описание красот Шуваловского парка. В книге имеется и указание места, где жил будущий писатель на Выборгской стороне: «Помню, что спускался уже темный осенний вечер, и Пепко зажег грошовую лампочку под бумажным зеленым абажуром. Наш флигелек стоял на самом берегу Невы, недалеко от Самсониевского моста, и теперь, когда несколько затих дневной шум, с особенной отчетливостью раздавались наводившие тоску свистки финляндских пароходиков, сновавших по Неве в темные ночи, как светляки. На меня эти свистки произвели особенно тяжелое впечатление, как дикие вскрики всполошившейся ночной птицы»¹¹.

Вокруг госпиталей и многочисленных мануфактур, мастерских, фабрик по берегам Невы и Большой Невки, в районе Сампсониевской церк-

⁹ Чернышевский Н. Г. Избранные произведения в 3-х т. Т.1. — Л.: Художественная литература, 1978. — С. 81.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание соч. в 6 т. Т.5. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 27.

ви вначале XIX века сформировались небогатые жилые кварталы, в которых селились и зарабатывающие «литературным» трудом. М. И. Пыляев отмечает: «Помимо странствующих литераторов, еще в начале сороковых годов можно было встретить объявление в газетах, что «Т-в жительство на Выборгской стороне в доме такого-то, что он сочиняет стихотворения на разные случаи, как-то: поздравительные, театральные, погребальные надписи на памятники и пишет различные письма, как амурные, так и деловые»¹².

Несмотря на скучную промышленную застройку, некоторые пейзажи района вызвали иногда и восторженные отзывы писателей. В первой половине XIX века свои впечатления от вида весеннего города и Выборгской стороны оставил Н. В. Гоголь. В «Петербургских записках 1836 года» есть строки: «В продолжение поста в петербургскую атмосферу заглядывает солнце. Западная сторона с моря делается яснее. Север глядит с меньшею суровостью из своей Выборгской стороны». И далее: «Нева вскрылась рано. Льды, не тревоженные ветрами, успели истаять почти до вскрытия <...> Ладожское озеро выслало и свои почти в одно время. Столица вдруг изменилась. И шпиз Петропавловской колокольни, и крепость, и Васильевский остров, и Выборгская сторона, и Английская набережная — всё получило картинный вид <...> Когда взошел я на Адмиралтейский бульвар, — это было накануне светлого воскресения вечером, — когда Адмиралтейским бульваром достиг я пристани, перед которою блестят две яшмовые вазы, когда открылась передо мною Нева, когда розовый цвет неба дымился с Выборгской стороны голубым туманом...»¹³

М. Е. Салтыков-Щедрин в сатирическом романе-хронике «Дневник провинциала в Петербурге», рисуящем фантазмагорические картины «водевильно-беспутной жизни» Петербурга пореформенной эпохи, не раз упоминает Выборгскую сторону. Одно упоминание идиллическое — в описании прекрасной петербургской белой ночи: «Я обернулся: сзади меня расстилалось зеркало Невы, всё облитое тихим мерцанием белой майской ночи. Воздух был недвижим; деревья в соседнем саду словно застыли; на поверхности реки — ни малейшей зыби; с другой стороны реки доносился смутный городской гомон и стук; здесь, на Выборгской, — царствовала тишина и благорастворение воздушных»¹⁴. Другое — о развле-

¹² Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. — СПб.: Журнал «Нева»; «Летний сад», 2001. — С. 176.

¹³ Гоголь Н. В. Собр. соч. в 8 т. Т.7. — М.: Правда, 1984. — С. 178–180.

¹⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Дневник провинциала в Петербурге. — М.: Сов. Россия, 1986. — С. 169.

чениях горожан на Выборгской стороне несколько другого плана: «Знаю, что сначала я ехал на тройке, потом сидел где-то на вышке (кажется, в трактире, в Третьем Парголове) и угощал проезжих маймистов¹⁵ водкой»¹⁶.

Сохранилось и менее благостное описание Выборгской стороны у Н. А. Некрасова. Многие писатели подмечали двойственность Петербурга — его пышность и бедность, но Некрасов подметил ещё одну удивительную особенность города. В повести «Жизнь Александры Ивановны» читаем: «Весна, весна! В то время как тебя называют лучшим временем года, когда поэты сравнивают тебя с эдемом земным <...> — ты в Петербурге, по старой привычке, не перестаешь быть сырою, грязною, вредною и совершенно лишенною жизни... <...> Не знаю, известно ли читателям, что в Петербурге, кроме многих известных чудес, которыми он славится, есть еще чудо, которое заключается в том, что в одно и то же время в разных частях его можно встретить времена года совершенно различные. Когда в центре Петербурга нет уже признаков снега, когда по Невскому беспрестанно носятся летние экипажи, а по тротуарам его, сухим и гладким, толпами прогуливаются обрадованные жители и жительницы столицы в легких изящных нарядах, — тогда в другом конце Петербурга, на Выборгской стороне, царствует совершенная зима. Снег довольно толстым слоем лежит ещё на мостовых; природа смотрит пасмурно и подозрительно; жители выходят на улицу не иначе как закутавшись в меховую одежду. Здания пасмурны и туманны... <...> О, как далеко Выборгской стороне до Невского проспекта!»¹⁷

Живую и яркую характеристику Выборгской стороны оставил И. А. Гончаров, поселивший здесь героя знаменитого романа — И. И. Обломова. Гончаров дает выразительное описание петербургской окраины, которую он хорошо узнал, проживая там однажды летом на даче.

«Постой, не перебивай! — закричал Тарантьев. — Завтра переезжай на квартиру к моей куме, на Выборгскую сторону...

— Это что за новости? На Выборгскую сторону! Да туда, говорят, зимой волки забегают.

¹⁵ Маймисты — этноним, которым русские часто пользовались для обозначения финнов-ингерманландцев; это слово произошло от финского «maamies» — «земледелец», «крестьянин». Однако есть версия его происхождения от искаженного «Эй мой — ста» — «Не понимаю».)

¹⁶ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Указ. соч. С. 99.

¹⁷ *Некрасов Н. А.* Полное собр. сочинений и писем в 15 т. Т. 7. — Л.: Наука, 1983. — С. 189–190.

— Случается, забегают с островов, да тебе что до этого за дело?
— Там скука, пустота, никого нет.
— Врешь! Там кума моя живет: у ней свой дом, с большими огородами. Она женщина благородная, вдова, с двумя детьми... <...>
— Поди с ним! — говорит Тарантьев, отирая пот с лица, — Теперь лето: ведь это все равно, что дача. Что ты гниешь здесь летом-то, в Городовой? Там Безбородкин сад. Охта под боком, Нева в двух шагах, свой огород — ни пыли, ни духоты!»¹⁸

И вот Обломов переезжает на Выборгскую сторону. Гончаров пишет: «Мир и тишина покоятся над Выборгской стороной, над её немощеными улицами, деревянными тротуарами, над тощими садами, над заросшими крапивой канавами, где под забором какая-нибудь коза, с оборванной веревкой на шее, прилежно щиплет траву или дремлет тупо...»¹⁹ Здесь судьба пошлет Обломову в жены красавицу Выборгской стороны Агафью Пшеницыну, с нею он проведет семь последних лет жизни; и здесь же, на Выборгской, будет похоронен на ближайшем кладбище.

В районе Сампсониевской церкви напротив реки Большая Невка сохранилось несколько исторических мест, связанных с литераторами.

В 1826 году (июнь-июль) после освобождения из-под ареста по делу декабристов на берегу Большой Невки, напротив Аптекарского острова, поселился А. С. Грибоедов. Жил он на даче, на месте нынешнего дома № 49/10 по Большому Сампсониевскому проспекту²⁰. Это была дача приятеля Грибоедова журналиста и издателя Ф. В. Булгарина. В «Воспоминаниях о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» Булгарин пишет: «При отправлении на службу, по собственному его желанию, обратно в Грузию, Грибоедов всемиловитейше награжден чином надворного советника, 8 июня 1826 г. В это время он жил со мною, на даче, в уединенном домике на Выборгской стороне, видался только с близкими людьми, проводил время в чтении, в дружеской беседе, в прогулках и занимался музыкой»²¹. Здесь 13 июля 1826 года Грибоедов узнал о расправе над декабристами. Самые близкие его друзья были казнены, другие обречены на долгие годы каторги.

Перу Грибоедова принадлежит живописное описание местности Парголово в очерке «Загородная поездка». «На высоты! на высоты! Подальше

¹⁸ *Гончаров И. А.* Собр. соч. в 8 т. Т. 4. — М.: Художественная литература, 1979. — С. 47 — 49.

¹⁹ Там же. С. 475.

²⁰ *Фомичев С. А.* Грибоедов в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1982. — С. 145.

²¹ *Булгарин Ф. В.* Сочинения. — М.: Современник, 1990. — С. 643.

от шума, пыли, от душного однообразия наших площадей и улиц... <...> Ну куда же вознестись так высоко, так свободно из Петербурга? — в Парголово... <...> Вот и край наших желаний. Все выше и выше, места картинные: мирные рощи, дубы, липы, красивые сосны, то по несколько вместе стоят среди спеющей нивы, то над прудом, то опоясывают собою ряд холмов; под их густою сению дорога завивается до самой вершины, — доехали... <...> Под нами, на берегах тихих вод, перелесках, в прямизнах аллей мелькали группы девушек; мы пустились за ними, бродили час, два; вдруг послышались нам звучные плясовые напевы, голоса женские и мужские. Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги?»²²

На месте нынешнего Выборгского сада в XIX веке находилась усадьба знаменитого библиофила и автора эпиграмм Сергея Александровича Соболевского. Соболевский оказался на Выборгской стороне случайно. В 1838 году он вместе с И. С. и С. С. Мальцевыми открыли бумагопрядильную мануфактуру на Большом Сампсониевском проспекте, сторевшую в конце 40-х годов XIX века. Рядом прикупил небольшое поместье, куда заезжал редко, так как большую часть времени проводил за границей или в Москве. Имя С. А. Соболевского известно, прежде всего, из-за дружеских отношений с А. С. Пушкиным. О дружбе Пушкина с Соболевским напоминает известный портрет поэта, заказанный для него художнику В. А. Тропинину²³. Отношения Пушкина и Соболевского были самыми доверительными, что отмечалось многими современниками. При жизни С. А. Соболевского его эпиграммы и экспромты публиковались крайне редко, бытуя в основном изустно да изредка в виде записей в домашние альбомы. Более того, ряд его эпиграмм приписывался А. С. Пушкину, П. А. Вяземскому, А. А. Дельвигу и другим литераторам. После смерти Соболевского его произведения стали публиковаться в журналах. В 1991 году под редакцией В. А. Широкова вышла книга Соболевского «Миллион сочувствий. Эпиграммы»²⁴.

²² Грибоедов А. С. Горе от ума. Пьесы, стихотворения, статьи, путевые записки. — М.: «ЭКСМО», 2006. — С. 396 — 397.

²³ Модзалевский Б. Л. Портрет А. С. Пушкина работы В.А.Тропинина. URL: http://dugward.ru/library/pushkin/modz_portret_tropinina.html (дата обращения: 22.04.2018).

²⁴ Соболевский С. А. Миллион сочувствий: Эпиграммы. — М.: Книга, 1991. — С. 219.

Вот, например, эпиграмма 1834 года на А. С. Пушкина:

Сияй, сияй, о Пушкин, камер-юнкер,
Раззолоченный, как клюнкер.
Твой первый друг — граф Бенкендорф,

Его ж соперник — барон Корф.

К концу жизни Соболевский собрал библиотеку «по географии и библиофилии», одну из крупнейших не только в России, но, пожалуй, и в Европе. После распродажи библиотеки, архив с рукописями бывшего владельца и письмами Пушкина купил и сохранил С. Д. Шереметев.

У Сампсониевской церкви, на месте общей могилы русских патриотов — А. П. Волынского, А. Ф. Хрущова, П. М. Еропкина, казненных за открытое выступление против Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны, в 1885 году был установлен памятник. Лицевая сторона памятника с жертвенником посвящена А. П. Волынскому. На ней высечены слова императрицы Екатерины II, 1765 год: «Волынский был добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным поправлениям своего Отечества»; ниже — стихотворные строки поэта и декабриста К. Ф. Рылеева, давшие название памятнику. Образ Волынского изображен поэтом К. Ф. Рылеевым как жертва «пришлецов иноплеменных», пламенным борцом за русское национальное начало.

Сыны отечества! В слезах
Ко храму древнему Самсона!
Там за оградой, при вратах
Почитет прах врага Бирона!²⁵

²⁵ Рылеев К. Ф. Стихотворения. — Л.: Советский писатель, 1956. — С. 221.

Т. В. Данилова

Озеро Долгое: прошлое и настоящее «спального» района

История Приморского района богата и достаточно хорошо изучена. Не исключение и территории вокруг Долгого озера: это и Коломяги — «деревня в городе» с сохранившейся усадьбой Никитиных-Орловых-Денисовых; и деревня Каменка, основанная немецкими колонистами на землях, арендованных у графа Шувалова; и бывший Комендантский аэродром — место, где зарождалась российская авиация.

А вот какова история местности между озером Долгим и Лахтинским разливом? И есть ли вообще у этих земель история? Ведь заболоченные территории начали застраивать многоэтажными домами массовых серий только в конце прошлого века, — всего-то около 30-ти лет назад. Но, оказывается, историю этих мест можно проследить ещё с допетровских времён, ведь временной отрезок с 1609 по 1700 год известен как «шведский период», — именно тогда земли на побережье Финского залива принадлежали Швеции и заселены были, в том числе, финским и шведским населением.

Главный исторический объект микрорайона, конечно же, само озеро, — то самое, что подарило имя жилмассиву: а именно жилмассивом называют наш район новостроек авторитетные справочники, такие, например, как «Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга». Озеро возникло на низкой приморской террасе древнего Литоринового моря, что плескалось здесь много тысячелетий назад. До начала XVIII века озеро носило финское название Питкьярви (длинное или долгое озеро), и смысл этого названия становится понятным, если посмотреть на карту:

водоём и сейчас имеет вытянутую форму. Земли вокруг озера были заболоченными, и в этих болотах брали начало многочисленные ручьи, речушки и речки. Например, Глухарка, которая впадает в Финский залив, и Чёрная речка — та, что впадает в Большую Невку. С тех пор многое изменилось, и Чёрная речка сейчас вытекает из подземного коллектора у пересечения Богатырского проспекта и Байконурской улицы, а современный исток Глухарки можно видеть в районе пересечения улиц Шаврова и Планерной.

Если рассмотреть фрагмент Нового плана Ленинграда издательства Облсисполкома и Ленсовета 1933 года, то на болотах недалеко от озера Долгое можно увидеть очертания объекта, который обозначен как «Бывшее Шведское укрепление». Ещё писатель Лев Успенский в своих «Записках старого петербуржца» упоминает о том, что с самолёта в прежние годы за Комендантским полем можно было увидеть странную геометрическую фигуру в виде правильного пятиугольника¹. Сложно определить точное местонахождение древней шведской крепости: скорее всего, это там, где сейчас гаражи на участке между улицей Камышовой, трассой ЗСД и лесным массивом Юнтолово. Именно об этом объекте упоминают в своих исследованиях и Сергей Глезеров, и Андрей Жданов.

В XIX веке западнее озера существовало пригородное имение «Петроград—Каменка», до 1912 года принадлежавшее госпоже Клейбер; затем его выкупили три акционерные компании, объединённые в «Лахтинский синдикат» — «Лахта», «Анонимное бельгийское общество» и «Петербургско-Ялтинское товарищество недвижимости». Ещё три года спустя эту землю приобрёл принц Александр Петрович Ольденбургский. Заболоченные земли были непригодны ни для строительства, ни для сельскохозяйственных работ, да и залежи торфа здесь были не богаты, — торф добывали, в основном, на подстилку.

Примерно здесь, на болотах близ озера Долгое, в начале XX века мог бы появиться спутник Петрограда — город-сад, проект которого остался на бумаге. Осмелюсь предположить, что можно проследить связь между этим проектом и градостроительной концепцией, получившей своё развитие в начале прошлого века. Эту концепцию, которая была весьма популярна в Европе, изложил в своей книге «Города-сады» английский социолог-утопист и общественный деятель Эбенизер Говард в 1898 году. Автор считал, что большие промышленные города изжили себя и предла-

¹ Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/58816/74/Uspenskii_-_Zapiski_starogo_peterburzhca.html (дата обращения 20.04.2018)

гал строить небольшие города-спутники, объединяющие признаки города и деревни.

План города-спутника можно увидеть на карте Петрограда 1916 года². Центральной магистралью города-сада должен был стать проспект принца Александра Петровича Ольденбургского, что понятно, так как А. П. Ольденбургский — особа царской фамилии, сенатор, член Государственного совета, владел здесь самым большим участком земли. Участки имели также князь А. Г. Романовский, камер-юнкер Высочайшего двора В. В. Буймистров и др.

Что же удалось сделать?

Началось осушение болот, из Старой Деревни проложили грунтовую дорогу, вдоль неё посадили тополя, а также успели прорыть Чернореченский канал, который должен был питать пруд будущего Большого парка.

Больше ничего из задуманного осуществить не удалось, а настоящий же город на болотах вырос только в конце XX века, — именно тогда, как грибы после дождя, здесь начали расти многоэтажки.

Но вернёмся к озеру. Во время бурной застройки окружающей территории водоём уменьшился в размерах, на его берега свозили грунт, извлекаемый при строительстве близлежащих станций метро, а строительный мусор сбрасывали прямо в воду. До 2011 года озеро имело вид дикий и заброшенный, но в этом была какая-то своеобразная прелесть... За последние же годы Долгое озеро неузнаваемо изменилось, сейчас вокруг него разбит парк с одноимённым названием, и на берегах этого древнего водоёма кипит совсем другая жизнь. Нетронутыми остались пока так называемые Мартыновские пруды — они находятся недалеко от озера, буквально в двухстах метрах от него. Название этих прудов, как и сквера, в котором они находятся — неофициальное: в реестре «Основные водоёмы» Энциклопедии Санкт-Петербурга пруды эти числятся под № 75³. Народное название отсылает нас в прошлое: рядом проходит улица Мартыновская, названная так по существовавшей неподалёку в XIX веке деревне Мартыновке (Графской). А деревня, в свою очередь, получила имя лесничего коломяжского имения Орловых-Денисовых, поскольку именно он был первым застройщиком деревни. Вот такая топонимическая цепочка...

А история этой местности продолжается, и хранят её и названия близлежащих улиц, и памятники, которые появились в окрестностях озе-

² URL: <http://www.retromap.ru/m.php#r=1419161&z=12&y=60.003116&x=30.288726> (дата обращения 20.04.2018)

³ URL: <http://encspb.ru/object/2806260483?lc=ru> (дата обращения 20.04.2018)

ра. Названия улиц, кроме тех, что даны по природному принципу (Ольховая, Камышовая, Долгоозёрная), в основном связаны с историей авиации. Ведь рядом, на месте Комендантского поля существовал аэродром — место, где работали Королёв и Гаккель, Шавров и Туполев, поднимались в небо Мациевич, Уточкин, Попов, Ефимов и многие-многие другие.

Рядом с озером, на проспекте Королёва, в 1989 году установлена скульптура для фонтана «Сказки детства», — так её назвали авторы — скульптор Э. М. Агаян и архитектор Н. Н. Баранов. Скульптура эта ассоциируется со сказкой Сельмы Лагерлёф «Путешествие Нильса с дикими гусями», но мне кажется, что памятник также символизирует и вечное стремление человека к полёту. Напротив, в створе улицы Уточкина и проспекта Королёва, — небольшая площадь, которой в 2000 году присвоили имя знаменитого авиаконструктора Игоря Ивановича Сикорского, а через несколько лет здесь был установлен закладной камень будущего памятника. Правда, памятник до сих пор не появился, что, конечно же, очень печально.

Есть у нас памятное место, которое дорого не только местным жителям, — Аллея чернобыльцев. Аллея эта заложена 26 апреля 1999 года, когда члены Союза чернобыльцев Приморского района посадили вдоль улицы Планерной первые 55 лип по числу своих товарищей, погибших в день катастрофы. В 2001 году в начале аллеи открыт памятник «Мужеству ликвидаторов Чернобыльской катастрофы»: скульпторы Д. Д. Каминкер, Л. Я. Колибаба, О. Л. Жогин и архитектор В. Г. Федоренко все работы выполнили бесплатно. Символично, что рядом с Аллеей, в школе № 583, существует единственный в России интерактивный «Музей радиационных катастроф», посвящённый памяти жертв радиационных и технических аварий.

А вот своеобразным символом новейшей истории России является Крымский сквер во дворе дома 18 по проспекту Авиаконструкторов. Этот сквер, который торжественно открыт в апреле 2016 года, существует как памятник в честь возвращения Крыма России.

И, наконец, есть недалеко от озера объект, который появился в апреле 2014 года — памятная доска на стене средней школы № 38, — одной из первых школ на озере Долгое. Посвящена мемориальная доска выпускнику этой школы Игорю Лобачёву. Матрос-стрелок, морской пехотинец Игорь Петрович Лобачёв погиб 19 января 1995 года при штурме комплекса правительственных зданий в городе Грозный, ему было всего 19 лет, а биография этого мальчика умещается на половинке страницы школьной тетради. Лично мне этот скромный объект напоминает о том, что в каж-

дой школе были такие мальчики, которые просто выполняли свой воинский долг.

Оказывается, что только на первый взгляд такие районы, как наш, и подобные ему — спальные или жилмассивы (так их ещё называют) не могут похвастаться богатой событиями историей. Нам удалось такие события найти. А если всё же прошлое событиями не богато? Что тогда? Тогда, как призывал нас Дмитрий Сергеевич Лихачёв, будем беречь память о людях, которые живут рядом с нами, о тех событиях, которые происходят сегодня — ведь всё, что случилось сегодня, завтра уже будет историей, а историю творят наши с вами современники. И пример тому — история нашей малой родины, местности вокруг озера Долгое.

В. А. Коренцов

Какого времени фасад Летнего дворца Петра I пытаются воссоздать реставраторы?

Казалось бы, странно задаваться таким вопросом. Конечно, времени Петра I. Вот и председатель Комитета госинспекции по охране памятников С. В. Макаров заявляет: «Мы пригласили членов Совета по сохранению культурного наследия, поднялись на леса, провели расширенный реставрационный совет, заслушали сообщения экспертов, которые проводили исследования. И все вместе пришли к выводу, что лучше вернуть Летнему дворцу его первоначальный вид. И это правильное, обоснованное решение»¹. Посмотрим, насколько успешно удалось осуществить это решение.

Кратко напомним историю строительства дворца. Его план начертал Петр I, повторив планировку предшествующих на этом месте деревянных хором, перенесенных в 1711 году в Екатерингоф². В том же году состоялась закладка здания, а уже в следующем году царь справил новоселье. С трех сторон дворец был окружен водой. Раскопки подтвердили точность гравюры А. Зубова 1716 года, на которой показано, что северная и восточная стены омываются Невой и Фонтанкой. К южному фасаду при-

¹ Дворец Петра I в Летнем саду поменял цвет на исторический по решению экспертов. URL: <http://tass.ru/kultura/3932884> (дата обращения 22.04.2018).

² Ухналев А. Е. История строительства Летнего дворца Петра I // Архитектурное наследие. — № 53. — 2010. — С. 92–106.

мыкал гаванец, в который со стороны Фонтанки заходили небольшие суда. В палаты вел лишь один вход на южном фасаде (им и сейчас пользуются посетители). К его крыльцу причаливали суда. Прибывший в Петербург по приглашению Петра архитектор А. Шлютер предложил в 1714 году разместить на фасадах барельефы между окнами первого и второго этажа, а над порталом главного входа поместить барельеф с изображением Минервы. На крыше после того, как в кабинете установили привезенный из Данцига в 1714 году «Ветровой прибор», показывающий направление и силу ветра, появился (не ранее 1716 года) связанный с механизмом прибора медный флюгер с изображением Георгия Победоносца на коне.

Изменения во внешнем облике здания произошли в 1716 году, что было связано со строительством первой в Петербурге каменной Невской набережной. Она протянулась на всю ширину сада от Лебяжьей канавки до Фонтанки. В 2010 году археологи под руководством П. Е. Сорокина, Н. В. Новоселова обнаружили эту набережную перед самым дворцом. Выяснилось, что кладка из плит плотного известняка сохранилась практически на всю свою высоту. К сожалению, наше предложение музеефицировать кладку, сделав ее объектом показа, не встретило поддержки. В связи с устройством набережной, для выхода на нее царь приказал в спальне и кабинете переделать оконные проемы на дверные. На западном фасаде также на месте оконного проема были сделаны двери с выходом в сад из помещения столовой. Любопытная деталь: у всех трех дверных проемов до сих пор сохранились оконные наличники; слава богу, никому не пришлось в голову их переделать!

С постройкой набережной не только цоколь, но частично и стены дворца оказались засыпаны грунтом. В том же году у гаванца подняли высоту каменных стенок и сделали вокруг него новую набережную из выложенных «в елочку» маломерных кирпичей. Ее теперь могут видеть посетители Летнего сада. В 1720-х годах черепичная крыша была заменена на кровлю из «тонких железных досок». Палаты, первоначально окрашенные охрой в желтый цвет, позднее были «выбелены с лица», о чем подробнее — ниже. На протяжении всего XIX века внешний облик дворца оставался неизменным. «Во время исследований исторических материалов, — сказал в вышеупомянутом интервью журналистам С. В. Макаров, — выяснилось, что при Петре I дворец был белым и оставался таким до Великой Отечественной войны. Во время его послевоенной реставрации почему-то без какого-либо научного обоснования было принято решение, что фасады будут желтыми, декор — терракотовым, а крыша — металлической».

После окончания Великой Отечественной войны в работе по восстановлению разрушенных памятников участвовал большой коллектив талантливых специалистов, среди которых был архитектор Александр Эрнестович Гессен, автор проекта реставрации Летнего дворца. Добровольцем ушел в ополчение на защиту Ленинграда. Был контужен, после госпиталя воевал на Кавказе, где получил тяжелое ранение. Полностью извлечь из раны минометные осколки не удалось, и они причиняли ему боль до конца жизни, но А. Э. Гессен переносил эти страдания очень мужественно. По возвращению в освобожденный Ленинград архитектор участвовал в обмерах и консервации Большого Петергофского дворца, Картинного дома и дворца А. Д. Меншикова в Ораниенбауме. А. Э. Гессен связал свою деятельность, главным образом, с реставрацией памятников архитектуры петровского времени: Домика Петра I на Выборгской стороне, Петергофских дворцов Монплеизир и Марли, Меншиковского дворца на Васильевском острове, Летнего дворца и сада. Под руководством А. Э. Гессена я вел раскопки в Летнем саду. В 1970-х годах мне посчастливилось работать в ГИОП с сотрудниками, которые спасали памятники в годы блокады и отвечали за послевоенную реставрацию. Благодаря этим людям инспекция считалась лучшей в стране. Для них, настоящих специалистов, не составляло труда вникнуть в суть дела; в профессиональных вопросах они разбирались не хуже любого эксперта. На моей памяти за 45 лет сменилось 10 руководителей инспекции. Все, за исключением С. В. Макарова, специалиста в области юриспруденции, имели архитектурное или искусствоведческое образование. Они с большим уважением относились к А. Э. Гессену, не говоря уже об их предшественниках, Н. Н. Белехове и А. В. Победоносцеве. И сейчас еще есть в инспекции сотрудники, которые помнят А. Э. Гессена. Его исключительная добросовестность была предметом добродушных шуток, но породила и немало недоброжелателей, прежде всего, в чиновничьей среде.

В реставрации Летнего дворца участвовало 18 проектных, научных и строительных организаций³. Многолетняя работа велась под неусыпным контролем Госинспекции по охране памятников. Странно звучит утверждение, будто инспекция могла утвердить проектные предложения А. Э. Гессена «без какого-либо научного обоснования». По словам С. В. Макарова, вопрос о перекраске дворца в белый цвет обсуждался на расширенном реставрационном совете с участием экспертов и членов Совета по сохранению культурного наследия. К сожалению, был сделан

³ *Болотова Г. Р.* Летний сад. — Л., 1988. — С. 37.

Летний дворец.
Южный фасад, обнаженный до уровня фундамента

неверный вывод, но сам подход к делу заслуживает одобрения. С. В. Макаров мог бы убедиться, что его предшественники не менее ответственно отнеслись к решению столь важного вопроса. В архиве КГИОП есть соответствующие материалы; жаль, что эксперты с ними, по-видимому, не знакомы. Но можно было и не поднимать архивы и не подниматься на леса, а своими глазами убедиться, что на откопанном археологами цоколе до сих пор сохранились следы первоначальной окраски здания в желтый цвет.

Этот факт А. Э. Гессен установил еще в 1961 году⁴. В 1998 году мне как археологу КГИОП было поручено вести археологический надзор за работами по гидроизоляции фундамента Летнего дворца. Вывод А. Э. Гессена подтвердился: на цоколе остались следы тонкой штукатурной обмазки, окрашенной желтой охрой⁵. В 2010 году при раскопках гаванца цоколь на южном фасаде был полностью обнажен. Цоколь, высотой 1,39 м, состоит из восьми рядов плит известняка. Его верхние четыре ряда ошту-

⁴ Гессен А. Э. Жизнь архитектуры (вопросы научной реставрации) // Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации. — М., 1981. — С.73–94.

⁵ Коренцов В. А. К истории постройки Летнего дворца Петра I (по материалам археологического надзора за земляными работами у стен дворца) // «История Петербурга». — СПб., 2004. — № 5 (21).

катурены и окрашены в цвет стены. В ходе раскопок установлено, что от крыльца главного входа вдоль фасада существовал плиточный настил на лежнях по забитым в дно гаванца сваям. Цоколь был оштукатурен до уровня этого настила, совпадающего с уровнем кирпичной вымостки набережной гаванца. От того, что цоколь наполовину своей высоты был скрыт под штукатуркой, нижний этаж зрительно как бы приподнялся над землей, и все здание стало казаться выше⁶. Прошло 7 лет, но атмосферные осадки до сих пор не смыли следы окраски.

Летний дворец.

Следы первоначальной окраски цоколя в желтый цвет

Когда же перекрасили дворец? Очевидно, это могло произойти лишь после того, как в начале 1780-х годов, при строительстве гранитной набережной Фонтанки гаванец был засыпан. Самое раннее изображение дворца, окрашенного в белый цвет, известно на акварели А. Е. Мартынова.

Следовательно, перекрашен дворец не раньше начала 1780-х и не позже 1820 года.

К слову сказать, ко мне, автору исторической справки к проекту реставрации Летнего сада, обращались из КГИОП по поводу возможности перекраски дворца в белый цвет. Тот же вопрос задал мне автор проекта реставрации дворца архитектор Н. П. Иванов. Я согласился, что такой вариант возможен, так как считаю, что время от времени следует пере-

⁶ *Коренцевит В. А.* Летний сад Петра Великого. — СПб., 2015.

А. И. Мартынов. Летний дворец. 1810-е гг.

крашивать здания, чтобы напомнить, как они выглядели в тот или иной период своей истории. Во времена Петра побелка зданий применялась не реже, чем окраска в желтый и красный цвет⁷. Летний дворец оставался белым на протяжении, по крайней мере, 150 лет. Но не следует говорить, что изначально дворец был белым, и подвергать сомнению правомерность решения А. Э. Гессена о возвращении ему исторической окраски в желтый цвет. К сожалению, именно это мы сейчас и слышим.

Из архивных документов известно, что во дворце были окна с частым переплетом и мелкими стеклами. Позднее появились оконные рамы с шестью большими стеклами. А. Э. Гессен предложил восстановить мелкую расстекловку окон, взяв за образец шкафы-стеллажи, что до сих пор стоят в парадном зале дворца, Зеленом кабинете. В шкафах за стеклянными створками хранились «курьезные вещицы» из личной коллекции Петра. Стекла имеют неровную волнистую поверхность с радиальными разводами. Это, так называемые, «лунные стекла», секрет производства которых был известен венецианским стеклодувам с XII века. Подобные «французские» и «немецкие» оконные стекла привозились из-за границы, но вскоре их производство было налажено на стекольном заводе А. Д. Меншикова в Ямбурге⁸. По просьбе А. Э. Гессена выдающийся ученый

⁷ Анисимов Е. В. Петербург времен Петра Великого. — СПб., 2008. — С. 165.

⁸ Коренцвит В. А. Летний сад и Летний дворец Петра I. Указ. изд. С. 31.

Н. Н. Качалов воспроизвел технологию производства «лунных стекол»⁹. Более полувека они украшали фасады Летнего дворца, но, к сожалению, не пережили современную реставрацию. Интересно, куда они делись?

На одном ответственном совещании (хотя меня никто об этом не просил) я представил записку по поводу предстоящей реставрации Летнего дворца. Позднее получил ответ, что многие из моих предложений были приняты и, прежде всего, требование скрыть фальшивый цоколь, появившийся на фасадах в XX веке. Цоколь — это верхняя возвышающаяся над землей часть фундамента. Со временем с ростом, так называемого, культурного слоя подлинный цоколь частично или полностью скрывается под землей, и тогда, чтобы предотвратить фасад от загрязнения и механических повреждений цоколь увеличивают в высоту или делают новый, выше старого. В 1716 году с постройкой Невской набережной культурный слой у дворца вырос почти на 2 м. Уровень земли был поднят до дверных порогов, так что подлинный цоколь оказался глубоко под землей. А. Е. Ухналев предположил, что фальшивый цоколь был сделан в начале XIX века¹⁰. Но его нет не только на картинах с изображением Летнего дворца 1810-х — 1830-х годов, но и на почтовых открытках, выпущенных до 1902 года. Он зафиксирован на открытке 1915 года¹¹.

Летний дворец. Почтовая открытка 1915 г.

⁹ Гессен А. Э. Реставрация Домика Петра I //ПКНО. Ежегодник. 1976. — М., 1977. — С. 236.

¹⁰ Ухналев А. Е. Реставрация Летнего дворца Петра I архитектором А. Э. Гессеном в конце 1950-х — начале 1960-х гг. (К вопросу о принципах научной реставрации) //Реликвия. — № 20. — 2009. — С. 6.

¹¹ Коллекция открыток Н. П. Шмидт-Фогелевича находится в собрании музея-заповедника Петергоф.

Возможно, новый цоколь сделан в преддверие празднования в 1903 году двухсотлетия основания Петербурга и открытия во дворце Петровской экспозиции. Те, кто принял это решение, пошли на грубое искажение внешнего облика исторического здания. Их не остановило даже то, что стены дворца очень тонкие; вырубка кирпичной кладки и заведение каменных блоков угрожало сохранности памятника. По предложению А. Э. Гессена, согласованному с ГИОП, фальшивый цоколь был заштукатурен и окрашен в цвет стены. Исходя из эстетических соображений, был сделан в цементной штукатурке условный декоративный цоколёк, высотой всего в 17 сантиметров.

В капитальном труде «Памятники архитектуры Ленинграда» отмечено: «При сопоставлении фасадов дворца с сохранившимися его изображениями, относящимися к 1720-м годам, видно, что он не подвергся

Летний дворец.

Фальшивый цоколь окрашен в цвет стены. 2000 г.

переделкам»¹². В этих словах заключена высокая оценка мастерства А. Э. Гессена, который действительно сделал все, чтобы фасады дворца соответствовали изображениям на чертежах и рисунках XVIII–XIX веков.

Со времени реставрации А. Э. Гессена прошло 40 лет. Все давно забыли о существовании фальшивого цоколя, но в 2002 году, в канун празднования трехсотлетия Петербурга при очередном косметическом

¹² «Памятники архитектуры Ленинграда» / Петров А. Н. и др. — Л., 1976. — С. 118.

Летний дворец.
Раскрыт фальшивый цоколь. 2002 г.

ремонте фасадов дворца его раскрыли. При этом, решив, что выветренный от времени известняковый цоколь не достаточно красив, его отшлифовали! В начале XX века при устройстве фальшивого цоколя были снесены угловые кирпичные русты. А. Э. Гессен восстановил русты в штукатурке, и, так как это — «новодел», многоопытный архитектор намерено придал им гладкую поверхность (подлинные русты выполнены «в шубе»). «Реставраторы» (приходится применить кавычки) раскрыв цоколь, сохранили на нем новодельные русты.

Именно тогда я опубликовал статью, в которой говорилось: «...угловые русты на цоколе — это абсурд! Такого не было нигде и никогда, такое просто невозможно в архитектуре. Барочные наличники оконных проемов соприкасаются с каменным цоколем — это безграмотно! Остается только удивляться, с какой легкостью оказалось возможным изменить исторический облик дворца Петра I!»¹³ Действительно, не было ни исторической справки, ни предварительного обсуждения проекта. Любопытно, что теперь никто не берет ответственность за согласование «контр-реставрации». «По счастью, — писал я, — ситуация поправима, и первое, что предстоит сделать реставраторам Летнего сада, это вернуть фасадам дворца Петра I исторический облик».

¹³ *Коренцвит В. А.* К истории постройки Летнего дворца Петра I. Указ. изд. С.67.

Летний дворец. 2011 г.

В 2014 году ФАУ «Главгосэкспертиза России» утвердило проект реставрации Летнего дворца архитектора Н. П. Иванова. По проекту предлагалось заштукатурить фальшивый цоколь, оставив открытым лишь небольшой фрагмент как свидетельство его наличия. Фирма ООО «Профиль» заключила контракт на реализацию проекта. Далее произошло нечто странное. Оказывается, подрядчик вовсе не собирался выполнять все требования проекта. Сняли леса, и взору предстал Летний дворец все с тем же фальшивым цоколем. Он выглядит особенно нелепо со стороны гаванца, так как, оторванный от земли, висит в виде безобразной черной ленты на белом фоне стены.

К чести КГИОП надо сказать, что комитет не принял такую работу. В ответном письме КГИОП на имя председателя ВООПиК Санкт-Петербургского городского отделения А. Д. Марголиса сообщалось, что «20.04.2017 ООО «Профиль» представил на согласование в КГИОП отчетную документацию о выполнении работ по реставрации указанного объекта (2-й этап). Документация отклонена от согласования ввиду не соответствия выполненным работ согласованной проектной документации...»¹⁴ Из дальнейших разъяснений КГИОП выяснилась, что ООО «Профиль» согласовало изменение проекта с нарушением правил. «Работы по ремонту и реставрации фасадов здания были выполнены в соответствии с согласованной документацией Управлением Минкультуры России по

¹⁴ Письмо КГИОП № 01-25-6528/17-0-0 от 08.06.2017.

Северо-Западному федеральному округу (№28-1378/13 от 19.12.2015). Изменение решения по цоколю здания было представлено в исполнительной документации «Отчетная документация» № 212-202-111 от 11.05.2016»¹⁵. Обратим внимание на дату согласования проекта в Минкультуре — 19 декабря 2015 года. К тому времени уже два месяца полномочия по государственной охране Летнего дворца были переданы из ведения Минкультуры — КГИОП. Вот документ: «Распоряжением Правительства РФ от 17 октября 2015 г. N 2082-р утверждены изменения, которые вносятся в перечень отдельных объектов культурного наследия федерального значения, полномочия по государственной охране которых осуществляются Министерством культуры РФ. В соответствии с распоряжением Санкт-Петербургу переданы полномочия по государственной охране следующих объектов: ... «Кофейный домик», «Чайный домик», «Летний дворец Петра I» в Летнем саду»¹⁶. Очевидно, понимая, что КГИОП не согласует изменения проекта, генподрядчик поторопился, но все равно опоздал!

Есть какая-то горькая ирония в том, что именно «Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия» взяла на себя (задним числом!) ответственность за искажение исторического облика дворца Петра. Но чиновников можно понять. Одновременно в ведение КГИОП передавался не только многолетний проект реставрации Летнего дворца, но и дела по таким объектам, как: Дворец Великого князя Михаила Павловича (Русский музей), Михайловский (Инженерный) замок, Дворец Строгановых, Мраморный дворец. Как не вспомнить дельный совет Фамусова: «А у меня что дело, что не дело, обычай мой такой: подписано, так с плеч долой».

Вернемся к вопросу, какого времени фасад Летнего дворца Петра I пытаются воссоздать реставраторы? Однозначного ответа нет. Задание предполагало реставрацию барельефа над главным входом (утрачена правая рука Минервы, в которой она держала копье). Но все осталось по-прежнему. То ли деньги кончились, то ли сочли не уместным восстанавливать копье воинственной богини, направленное в сторону запада. Фасады перекрашены; на фальшивом цоколе сохранены воссозданные А. Э. Гессеном угловые русты. Железная кровля (вот уж действительно, без какого-либо научного обоснования) заменена на медную. Можно

¹⁵ Письмо КГИОП № 01-31-1365/17-0-1 от 4. 12. 2017.

¹⁶ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102130039&backlink=1&&nd=102380833> (дата обращения 12.03.2018)

подумать, что задача реставраторов состояла именно в том, чтобы показать все накопившиеся искажения и добавить к ним новые. Рядовые, не обремененные знаниями посетители, пожалуй, поверят, что так и было при Петре. Ведь обещал же председатель КГИОП С. В. Макаров вернуть Летнему дворцу первоначальный вид. Но, как шутили актеры императорских театров, оправдывая свою плохую игру: «Публика дура, не поймет!» Вот и культуролог М. Н. Золотоносов, которого, по его словам, как автора «гадостных и скандальных статей» сначала даже не хотели пускать на объект, подтвердил: «Говоря кратко, в Летнем дворце идет реставрация, ничего страшного не происходит, все научно и логично, а сама реставрация делается качественно»¹⁷.

¹⁷ Что происходит в Летнем дворце Петра I. URL: www.online812.ru/2016/09/07/007 (дата обращения 12.03.2018)

Сербский Петербург

Петербурговедам хорошо знаком немецкий Петербург. До наших дней сохранилось много его следов в виде городских сооружений, топонимов, исторических карт города и т. п. Немцев, жителей Петербурга, можно встретить на страницах произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и других.

Существует в истории Петербурга и сербский след. Он менее известен, но также нашел отражение в городских сооружениях и топонимике; в исторических артефактах, хранящихся в музеях и библиотеках города; в мемуарной и художественной литературе, поэзии. Можно вспомнить, например, Зорича из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина.

В Военной галерее Эрмитажа висят портреты генералов, героев Отечественной войны 1812 года. Есть среди них и герои сербы: Милорадович, Ивелич, Дука, Депрерадович, Вуич, Шевич.

Самый известный российский серб — Михаил Андреевич Милорадович (1771—1825). В 1818 году он стал военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Его прадед в 1711 году приехал в Россию и служил Петру I. М. А. Милорадович — кавалер многих российских и европейских орденов. Он остался в памяти современников как человек большого личного мужества. 14 декабря 1825 года на Сенатской площади Милорадович был смертельно ранен выстрелом в спину декабристом Каховским. Перелом Каховского на о. Декабристов в Ленинграде появился в 1940 году, а памятник М. А. Милорадовичу — в 2015. Через 75 лет.

Могила графа Милорадовича сохранилась. Она находится в Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры. Перед смертью Милорадо-

вич завещал отпустить на волю всех своих крестьян. От крепостной зависимости по его завещанию были освобождены 1500 человек.

Иван Васильевич Вуич (1813–1884) был профессором Николаевской академии Генерального штаба. Один из его сыновей, Георгий Иванович Вуич (1867–1957), служил управляющим Петербургской конторой Императорских театров, другой сын — Николай Иванович Вуич (1863–1917) — был сенатором.

Сербы Шевичи были знакомы с А. С. Пушкиным, дружили с его матерью и сестрой, Ольгой Павлищевой. Ещё один серб — Платон Пишчевич — опубликовал в 1837 году в пушкинском «Современнике» очерк «О Киеве».

Прадеда Пушкина — знаменитого «арапа Петра Великого» — привез в Россию серб Савва Рагузинский. Арапчонок, подаренный Петру I, впоследствии стал известным военным инженером и служил нескольким российским императорам. Знаменитую эрмитажную Венеру Таврическую привез в Россию тоже Рагузинский.

Савва Рагузинский Владиславич (1669–1738) — один из самых известных российских дипломатов, служивших при Петре I. Службу начал в Константинополе, а потом ездил с посольством в Китай. За заслуги на дипломатическом поприще был награжден орденом Святого Александра Невского. Похоронен в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Рядом с захоронением установлена памятная доска. А в июне 2011 года в Шлиссельбурге открыли памятник Рагузинскому.

Ярким персонажем светского Петербурга конца 1830-х — начала 1840-х годов была Мария Щербатова (1820–1879), урожденная Штерич. М. Ю. Лермонтов посвятил ей стихотворения «Отчего», «Молитва» и «М. А. Щербатовой». Считается, что именно Мария Алексеевна Щербатова была причиной ссоры и последовавшей за ней дуэли Лермонтова и де Баранта.

В «Записках» М. И. Глинка так рассказывает о встречах со Щербатовой: «Иногда на вечерах и в другие дни посещали нас, и меня в особенности, Штеричи: родные племянницы умершего моего друга Е. П. Штерича. Меньшая из них, Поликсена, училась у меня петь, а старшая, княгиня Мария Алексеевна Щербатова, молодая вдова, была прелестна: хотя не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина. Они жили с бабкой своей Серафимой Ивановной, женщиной еще не старой, но совершенно поседевшей от смерти обожаемого сына. Я был у них как домашний, нередко обедал и проводил часто вечера. Иногда получал от молодой княгини-вдовы маленькие записочки, где меня приглашали обедать... Она располагалась на софе, я на креслах возле нее; иногда беседа, иногда приятное безотчетное мечтание доставляли мне

приятные минуты. Мысль об умершем моем друге достаточна была, чтобы удержать мое сердце в пределах поэтической дружбы»¹.

М. И. Глинка в своих «Записках» тепло вспоминал и дядю Марии Щербатовой — своего близкого друга Евгения Штерича (1809—1833): «В то время между молодыми людьми высшего круга находился камер-юнкер Евгений Петрович Штерич. Хотя он был *elegant* в полном смысле этого слова и любил блистать в салонах, однако же отличался редкими душевными качествами. Между прочим, он был хороший музыкант, учился у Мейера и играл опрятно на фортепьяне. Я с ним вскоре подружился»².

Воспоминания о Евгении Штериче оставил и Александр Васильевич Никитенко, известный цензор, профессор Санкт-Петербургского университета, историк литературы. Он более двух лет прожил в доме Штеричей на Фонтанке, 101. По просьбе Серафимы Ивановны, матери Евгения, он обучал молодого человека русскому языку. О жизни в семье Штеричей и дружбе с Евгением А. В. Никитенко рассказывал в своем «Дневнике». 16 марта 1833 года он сделал такую запись: «Сегодня провожал я в могилу бедного Штерича. Он умер от лютой чахотки после шестимесячных страданий. Я лишился в нем человека, которого горячо любил и который был мне искренно предан. Горькая потеря. Перед гробом его несли пармскую звезду, полученную им от бывшей императрицы французской... За три дня до кончины он созвал всех своих людей, объявил им свободу и некоторых наградил»³.

Заметный след в истории Серебряного века оставила дочь Марии Щербатовой — В. И. Икскуль фон Гильденбанд (1850—1928), известная как «герцогиня д'Аларкон» и «красная баронесса» (по портрету, написанному И. Е. Репиным). Сыграла большую роль в создании в Санкт-Петербурге в 1895 году первого в Европе Женского медицинского института (ныне Государственный Медицинский университет им. академика И. П. Павлова), впоследствии оказывала постоянную помощь этому заведению: устраивала благотворительные концерты, лекции и лотереи, занималась сбором средств для организации дешёвых и бесплатных обедов нуждающимся, участвовала в подготовке Пироговских съездов, учредила несколько стипендий своего имени. В 1916 году за работу во время Первой мировой войны на передовой в организованных ею лазаретах Варвара Ивановна была награждена Георгиевским крестом. Стала прото-

¹ Записки М. И. Глинки — М.: Гареева, 2004. — С. 143—144.

² Там же. С. 62.

³ *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. Т. I. — М.: ГИХЛ, 1955. — С. 127—128.

типом литературных героев в романах В. Пикуля «Нечистая сила» и «Сумасшедший корабль» Ольги Форш.

Сербский след в Петербурге — это не только люди, жившие в нашем городе, но и замечательные сербские артефакты. В РНБ хранится оригинал 166-й страницы знаменитого Мирославова Евангелия — древнейшего памятника письменной культуры Сербии, включенного ЮНЕСКО в реестр «Память мира». Находится оно в Национальном музее Сербии в Белграде. В уникальном историческом документе не хватает одной страницы — 166-й, которая в конце XIX века попала в Публичную библиотеку в составе коллекции епископа Порфирия (Успенского). Епископ Порфирий увидел рукопись в библиотеке монастыря в Хиландаре на Афоне в начале 1846 года. Пораженный ее великолепием, он не смог устоять перед искушением, вырезал один лист и привез его в Россию. Благодаря епископу Порфирию рукопись была введена в научный оборот, стала изучаться специалистами и впоследствии вновь оказалась в Сербии.

В октябре 2016 года Петербург посетил Президент Сербии Томислав Николич. В ходе визита он побывал в Российской Национальной библиотеке. Директор РНБ Александр Вислый преподнес ему в дар копию недостающей 166-й страницы Мирославова Евангелия.

В современном Петербурге есть и несколько сербских топонимов. Это Белградская улица и улица Олеко Дундича в Купчино. Там же в Купчино находится и Белградский мост через Волковский канал.

На рубеже 1940-х — 1950-х годов в Ленинград приехали на учебу из Югославии около 200 слушателей военных академий, а также студентов и аспирантов гражданских вузов. Часть из них после окончания обучения остались в Ленинграде. В наши дни численность сербской диаспоры составляет около тысячи человек.

В Петербурге существует общественная организация «Объединенная сербская диаспора», а пять лет назад в социальной сети ВКонтакте образовалась группа «Сербский Петербург», которая стала местом общения петербургских сербов и сербофилов.

Россию и Сербию объединяет многовековая дружба. У сербов есть поговорка: «Кто поможет Сербии? — Только Бог на небе и Россия на земле».

Е. В. Нестерук

Затея гофмедика Крюкова. (К истории Крестовского острова)

Неожиданные сведения можно иногда получить, работая с, казалось бы, рутинными архивными документами.

Ничего необычного не предвещали и дела Санкт-Петербургской городской распорядительной думы «По ходатайству гоф-медика Крюкова об уступке островка между Петровским и Крестовским островами для устройства гимнастического заведения» и «По предложению С.-Петербургского военного генерал-губернатора об уступке гофм. медику Крюкову островка на Малой Невке, между Петровским и Крестовским островами для устройства гимнастического заведения»¹.

Санкт-Петербургский Генерал-губернатор препровождает в Городскую государственную распорядительную думу поступившее ему заявление гофмедика коллежского советника Крюкова и просит Думу «немедленно доставить ... по сему предмету надлежащие сведения и заключения»².

Документ этот датируется 7 июня 1863 года и подписан лично Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором, генерал-адъютантом князем Италийским, графом Суворовым. Это внук прославленного полководца — Александр Аркадьевич, с 1861 по 1866 год занимавший эту должность.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 573. Обл.; Ф. 798. Оп. 1. Д. 670.

² Там же. Л. 1.

Далее разворачивается настоящий канцелярский «роман» в донесениях и постановлениях, однако, имя главного героя — гофмедика Крюкова ни разу не упомянуто.

Во-первых, хочется напомнить, кто же такие гофмедики — это врачи, служившие в придворном ведомстве, оказывающие помощь придворным чинам и служителям. В таблице о рангах, учрежденной в 1722 году Петром I, гофмедики именовались надворными лекарями и соответствуют 12 классу, в дальнейшем, после Петра III, статус их повышается, должность приравнивается к полковнику или коллежскому советнику (6 класс)³.

При просмотре адресно-справочных книг за несколько лет гофмедик с фамилией Крюков обнаружился только один. Это Яков Михайлович Крюков — доктор медицины и хирург. В 1854 году он проживал по Галерной улице, 8 (в доме Протопопова)⁴, а в 1867 (год наиболее близкий к описываемым событиям) на Офицерской (ныне Декабристов) ул., д. 18 кв. 3⁵.

Так что с большой степенью вероятности можно утверждать, что именно Яков Михайлович был инициатором создания гимнастического заведения под Большим Крестовским мостом.

Санкт-Петербургская Городская Общая дума поручает рассмотрение этого дела Городскому распорядительной думе, которая требует «от городского землемера Путилина⁶ план местности и сведения, из коих последнее доставлено им в Думу 8 ноября 1863 г.»⁷

Управляющий имением князя Белосельского-Белозерского⁸ генерал-майор Перетц⁹ передал городскому землемеру Путилину копии с плана

³ ПСЗРИ. Т. XLIV, № 11455. С. 56-59. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 12.05.2018).

⁴ Алфавитный указатель жителей С.-Петербурга на 1854 год. [Электронный ресурс]. Электрон. репринт. изд. Электрон. текстовые дан. и прогр. СПб.: ВИРД, 2005-2006. 1 эл. опт. диск (CD-ROM). (Петербургский генеалогический портал).

⁵ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою: в 5 отд-ниях. СПб. : Гоппе и Корнфельд, 1867—1868. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000050217/view> (дата обращения 12.05.2018).

⁶ Путилин Вас. Дм. надворный советник, Б. Садовая ул., д. 60. СПб. Город. землемер (Всеобщая адресная... СПб., 1867—1868.)

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 798. Оп. 1. Д. 670. Л. 1.

⁸ Князь Константин Эсперович Белосельский-Белозерский — владелец Крестовского острова во время описываемых событий.

⁹ Перетц Алдр. Абр. Инженер, Генерал-майор, по Фонтанке, д. 33 (Всеобщая адресная... СПб., 1867—1868.)

межевания 1786 года, на котором «ныне существующего помянутого острова не значится»¹⁰.

Распорядительная Дума, «имея ввиду, что ходатайство гоф-медика Крюкова, об уступке ему островка на Малой Невке..., заключает в себе предмет отчуждения и притом такого пустопорожного места, на принадлежность коего князю Белосельскому-Белозерскому представляет права доверенный князя Г. Петерц. 20 ноября 1863 г. постановили настоящее дело передать вновь на обсуждение Общей Думы с тем, чтобы вызвать на заседание городского землемера».

С.-Петербургская Городская общая дума приводит «Доклад Комиссии по делам о пользах и нуждах общественных»¹¹, где указывается, что кроме того г. Крюков просит «дозволить ему постройку с Петровско-Крестовского моста удобную сходную лестницу. Плату за целое лето г. Крюков предполагает брать не более 1 рубля с каждого посещающего заведение»¹².

Городской землемер Путилин составил план означенного островка, который, по его мнению, образовался путем наноса земли и песка уже после строительства здесь в 1838 году постоянного моста¹³.

В примечании к плану 2 июня 1863 года Путилин пишет: «Точного количества земли под сим островком определить невозможно по низменному и болотистому грунту оною, приблизительно же квадратных около 945 сажень»¹⁴.

Для определения прав собственности, управляющим делами князя Белосельского-Белозерского была доставлена так же «Копия с плана 1748 г., на котором показаны как остров Крестовский, так и смежные два острова: Елагин и Каменный, а указанного г. Крюковым островка не значится»¹⁵.

Исходя из всего перечисленного, г. Путилин делает вывод, «что право пользования островком... принадлежит, как городу, так и смежному владельцу князю Белосельскому-Белозерскому, в том размере для каждой стороны, в каком окажется по измерению обоих берегов реки Малой Невке»¹⁶.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 798. Оп. 1. Д. 670. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 8об.

¹³ Санкт-Петербург от А до Я. Реки, каналы, острова, набережные, мосты / авт.-сост. А. И. Фролов. — СПб.: Глагол, 2005. — С. 89.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 798. Оп. 1. Д. 670. Л. 4–5.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 10об.

Комиссия находит, что ходатайство г. Крюкова «следует оставить без последствий, тем более, что к безвозмездной уступке ему городской земли не представляется достаточного основания; о чем и полагает сообщить Распорядительная Дума»¹⁷.

И хотя, дело явно решилось не в пользу гофмедика Крюкова, инстанции продолжали переписку до 1873 года.

Итак, на основании указанных дел, хранящихся в ЦГИА СПб, мы узнали об образовании нового, до сих пор безымянного островка на М. Невке, об идее гофмедика Крюкова, к сожалению, не воплотившейся.

Но, возможно, г. Крюков предвосхитил бурное развитие спортивных обществ именно на Крестовском острове, было это правда несколько позднее, в 1880 годы. Однако на карте Крестовского острова к 1917 году мы можем увидеть не только водные клубы: 2 яхт-клуба, множество гребных, но также и гимнастическое общество «Пальма», «Кружок любительского спорта» и другие.

Кроме того в этих делах есть бесценные документы, представленные г. Перетцом от имени князя Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского. Это, во-первых, копия «Вводного листа на владение островом Князя Белосельского-Белозерского»¹⁸ (1862 г.), а также копия «Купчей 1803 г. на приобретение Крестовского острова» дедом последнего владельца, князем Александром Михайловичем Белосельским-Белозерским. Хочется частично привести этот документ.

Копия купчей:

«Лета тысяча восемьсот третьего августа в девятый надесять день Действительный Тайный советник и Кавалер Граф Петр Кириллов сын Разумовский продал Действительному Тайному советнику и ордена Святого Иоанна Иерусалимского командору Князь Александру князь Михайлову сыну Белосельскому, крепостное своё недвижимое имущество, доставшееся мне по отделу от покойного родителя моего Генерал Фельдмаршала и разных орденов Кавалера Графа Кирилла Григорьевича Разумовского, утвержденному Высочайшею Блаженной и вечной славы достойной памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны вторья, конфирмациею, тысяча семьсот восемьдесят четвертого года Апреля четвертого дня, состоящее в С.Петербургской губернии того же уезда, называемый Крестовским островом со всеми имеющимися на нем камен-

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ ЦГИА СПб. Д. 514. Оп. 1. Д. 573. Л. 10.

ными и деревянными строениями, лесом, санными покосами и рыбными ловлями и с находящейся на том острове деревней, именуемую Новой, с написанными в ней по пятой ревизии мною крестьянами, мужского полу двадцати семью душами, с женами их и детьми... рожденными после обоего пола детьми, с их крестьянскими всякими строениями и имуществом и непашенною землёю всех без остатка; а в межах тот Крестовский остров, с трех сторон Маленькие Невки, впадающие в море, и с четверной морской залив, как на плане изображено, а взял я, Граф Разумовский, у него князя Белосельского за то своё недвижимое имущество со всем написанным денег Государственными ассигнациями сто двадцать тысяч рублей...»¹⁹

Таким образом, дела об устройстве гимнастического заведения дали точное представление о состоянии Крестовского острова на 1803 год, когда была произведена первая в его истории продажа. До этого Крестовский остров просто являлся подарком для приближенных царственных особ. Это и светлейший князь А. Д. Меншиков, и сестра Петра I Наталья Алексеевна, и Б.-Х. Миних, и А. Г. Разумовский, и брат последнего — К. Г. Разумовский, передавший свое имущество сыну — Петру Кирилловичу, совершившему описанную сделку.

В этих документах содержатся важные сведения для изучения истории не только Крестовского острова, но и Петербурга в целом.

¹⁹ Там же. Л. 11—11об.

ИЗ ИСТОРИИ ПРИГОРОДОВ ПЕТЕРБУРГА

*В. В. Журавлёв,
В. Н. Наумов*

Морские традиции Сидоровского канала в Ораниенбауме

Город воинской славы Ораниенбаум—Ломоносов создавался как морские ворота города-крепости Кронштадта. Из Ораниенбаума в Кронштадт от пристаней трёх каналов — Морского (Меншиковского), Шлюпочного и Сидоровского — отходили парусные суда, лодки и пароходы.

Ледокольный буксир М. О. Бритнева. «Между Ораниенбаумом и Кронштадтом. Первый рейс в искусственном канале».

Рисунок С. Шамота. Журнал «Всемирная иллюстрация» № 746 за 1883 год

Наш доклад посвящён истории Сидоровского канала, личности кронштадтского купца и благотворителя Николая Григорьевича Сидорова, а также истории яхтенного спорта в акватории Сидоровского канала.

Летом 1864 года открылось движение поездов по железной дороге от Санкт-Петербурга через Петергоф до Ораниенбаума. Кронштадтским купцом Михаилом Бритневым был изобретён ледокольный винтовой буксир «Пайлот», который в 1864 году впервые продлил навигацию между Кронштадтом и Ораниенбаумом. Потребность в стабильном и достаточно безопасном сообщении по воде с Кронштадтом резко возросла.

Но в то время от железнодорожного вокзала Ораниенбаума до единственной пристани на Кронштадт, куда причаливали пароходы из Кронштадта и Петербурга, построенной ещё во времена князя Меншикова, было две с половиной версты по конной железной дороге — «конке», а в объезд по Пароходной улице на извозчике — четыре. Это для кронштадтцев, прибывающих на железнодорожный вокзал в Ораниенбауме, было очень неудобно, увеличивало и время, и стоимость проезда.

Такое неудобство кардинальным способом исправил кронштадтский купец и почётный гражданин Кронштадта Николай Григорьевич Сидоров. В 1885 году он на свои деньги профинансировал прокладку по взморью Ораниенбаума подходного морского канала со стороны Кронштадта прямо к железнодорожному вокзалу Ораниенбаума. После этого Николай Сидоров открыл свою пароходную линию Кронштадт — Ораниенбаум, где ввёл низкие цены на билеты в благотворительных целях, покрывая убытки содержания пароходов своей торговлей в Кронштадте.

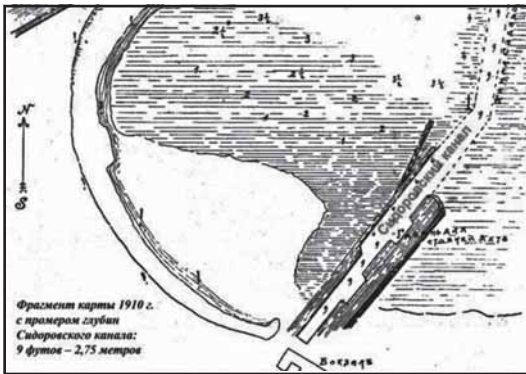
На уникальном плане Ораниенбаумской гавани за 1910 год указаны глубины Сидоровского канала, где была обустроена «гавань для стоянки яхт» в 9,5 футов, то есть около 3 метров.

По просьбе авторов доклада сотрудниками Музея истории Кронштадта была подготовлена историческая справка, освещающая торжественное открытие нового канала и пристани в Ораниенбауме. Газета «Кронштадтский вестник» 1885 года в № 60 и № 67 сообщала: «9 июня¹ в 12 часов пароход Петрозаводского общества «Цесаревна» отошёл в Ораниенбаум от кронштадтской городской пристани у Рыбных рядов. Вход в канал обозначался красными и белыми вехами. Сам канал у ораниенбаумского берега был прорыт длиною не более одной версты (около километра). Первая его половина проведена в открытой воде, а ближе к вокзалу, на расстоянии до 200 сажень², ограждена дамбами. После открытия канал

¹ 21 июня по новому стилю.

² 200 сажень это примерно 426 метров.

Сидоровский канал в 1910 г.

«План Ораниенбаумской гавани, набросанный Н.Д. Маршалловым в 1910 году» для журнала «Рулевой» № 6 за 1913 год. Из архива В. Наумова, публикуется впервые

планировали углубить. Дамбу с обеих сторон обсадили деревьями, поставили скамейки. Ближе к вокзалу располагались службы, и не-

сколько зданий простой архитектуры (комнаты для опоздавших на пароход или поезд пассажиров). Место, где приставал пароход, в итоге оказалось всего в 60–70 сажень³ от вокзала.

На торжественное открытие канала прибыли пароходы «Геркулес» и «Великий Князь». Пароходы, вся пристань и дамбы были убраны флагами и празднично украшены. Ровно в час начался молебен, отслуженный ораниенбаумским протоиереем отцом Гавриилом Любимовым. После молебна публика отправилась завтракать на палубу большого парохода «Геркулес». Кронштадтский гласный Ф. С. Степанов, предложил тост за здоровье Николая Григорьевича Сидорова, которого он назвал «русским американцем». Для служащих на пароходах и рабочих было приготовлено угощение на другом пароходe и на пристани. Всё время играл хор военной музыки. После праздника гости устроили импровизированные танцы.

Вечером того же дня пароходы пошли из канала в Санкт-Петербург и Кронштадт с пассажирами, а на следующий день пароходы начали рейсы по расписанию. Сообщение поддерживалось пароходами Петрозаводского пароходства «Великий Князь», «Цесаревна» и «Геркулес» (директор Петрозаводского общества К. Е. Замысловский). Также Н. Г. Сидоров использовал свой собственный колесный пароход «Николай». Пароходы делали ежедневно по семь рейсов из Кронштадта в Ораниенбаум и столько же обратно. Из Ораниенбаума — ежедневно три рейса в Петербург и обратно. Цена на проезд составляла: между Кронштадтом и Ораниенбаумом 1-й класс — 15 копеек, 2-й класс — 8 копеек, дети до 5 лет — бесплатно. Между Петербургом и Ораниенбаумом билеты стоили: 1-й

³ Приблизительно 130–150 метров.

Расписание на 1890 г. рейсов парохода Николай по каналу Н. Г. Сидорова.

Из фондов Музея истории Кронштадта

класс — 55 копеек, 2-й — 30 копеек, строевые военные низшие чины и дети — 20 копеек.

На эту линию кроме парохода «Николай» хозяин Николай Григорьевич поставил и два маленьких винтовых буксира для буксировки грузо-

вых барж. Открытие новой паровой линии из «канала Сидорова» было очень удобно для кронштадтцев, и её популярность в народе, к зависти конкурентов, только росла. Летом на берегу канала Н. Г. Сидорова были открыты тёплые ванны по абонементу. Соли для ванн за счёт пользователей можно было получать в кронштадтском аптекарском магазине. Планировалось открытие грязевых ванн.

Купец, почётный гражданин и гласный Городской думы Кронштадта Николай Григорьевич Сидоров проживал в Кронштадте в собственном доме на Господской улице (сейчас это дом № 33 по проспекту Ленина). Там же у него работала овощная лавка, кроме того, он сдавал первый этаж под лавки другим купцам. Николай Григорьевич занимался не только торговлей, но и доставкой в Кронштадт товаров, значительно преуспев и добившись существенного их удешевления. Низкие цены на перевозку горожан в Ораниенбаум Сидоров поддерживал сознательно, в благотворительных целях, покрывая убытки за счёт торговли и другой деятельности. Он был известен и как основатель успешного ссудосберегательного товарищества в Кронштадте, и как благотворитель, строивший церкви.

Следуя примеру Н. Г. Сидорова, «Ораниенбаумское паровое общество», которое с 1850 года осуществляло паровые перевозки из Кронштадта в Ораниенбаум, построило в 1889 году свой канал для паро-

Новейшие на то время винтовые пароходы ледокольного типа «Луна» и «Заря» Ораниенбаумской паровой компании «Заря».
Фото из коллекции В. Наумова. Публикуется впервые

ходного сообщения Кронштадт-Ораниенбаум. Открытие этого нового канала очень красочно описано в мемуарах генерала Акудинова, опубликованных впервые лет десять назад историком города Ораниенбаума Вла-

Ораниенбаум. Пристань в Кронштадт на Шлюпочном канале. Вид со стороны вокзала на мост через реку Карасту. Стереотрофия издательства А&М В. Из коллекции В. Наумова. Публикуется впервые

димиром Парахудой. Также был молебен в присутствии важных лиц, также играла музыка, дамбы канала были украшены посаженными деревьями и флагами, а всё общество было приглашено к столу.

Новый канал подходил к железнодорожному вокзалу с запада — со стороны Военной пристани у Меншиковского канала — вдоль дамбы уже ненужной конно-железной дороги. «Ораниенбаумское пароходное общество» в целях конкуренции с Н. Г. Сидоровым уменьшило плату за проезд на пароходу, что ещё больше понравилось кронштадтцам. Канал назывался в те времена Пароходным, сейчас это Шлюпочный канал. Для новой линии общество в Швеции заказало постройку первого винтового ледокольного парохода, названного также как и колёсный «первенец» пароходства «Луной», а затем на линию встал однопалубный винтовой пароход «Заря», что позволило значительно продлить навигацию.

«Ораниенбаумское пароходное общество», которое в дальнейшем было переименовано в пароходное общество «Заря», оказалось более успешным, чем пароходные линии купца Сидорова. «Луна» и «Заря» были построены с учётом всех современных на то время достижений судостроения, в частности шведских ледоколов. На пароходах были буфет, грузовой трюм, туалеты и каюты 2-го класса. Не выдержал конкуренции новых ледокольных пароходов даже сын изобретателя ледоколов Михаила Осиповича Бритнева — Александр Михайлович, в 1890 году снявший ледокольные буксиры «Бой» и «Пайлот» с линии Кронштадт-Ораниенбаум. Этому способствовало и то, что он не получил разрешения подходить к причалам Ораниенбаумского пароходного общества и Сидоровского канала, поэтому ему приходилось высаживать пассажиров на лёд.

После смерти Николая Григорьевича Сидорова, вдова купца во исполнение его завещания передала дом на Господской улице Кронштадта — городу, чтобы в нём было открыто образовательное училище имени Н. Г. Сидорова на 60 учащихся, которое и открылось в октябре 1899 года. Учащиеся на средства вдовы купца получали бесплатно учебные пособия,

одежду и питание. Заслуги купца Н. Г. Сидорова перед кронштадтцами были настолько велики, что через десять лет, в 1913 году, газета «Котлин» выдвинула предложение поставить памятник этому замечательному человеку... Но этого не случилось, началась Первая Мировая война.

Наследники Сидорова в 1894 году, не выдержав конкуренции «Ораниенбаумского пароходного общества», закрыли малоходную пароходную линию из Кронштадта на Ораниенбаум и не стали продлевать аренду Сидоровского канала. Канал отошёл в собственность города Ораниенбаума и, как писал журнал «Рулевой», стал после этого приходить «в небрежение».

Положение изменилось в 1906 году, когда Ораниенбаумская городская управа отдала Ораниенбаумский Городской Сидоровский канал в аренду Обществу Приморской С.-Петербурго-Сестрорецкой железной дороги сроком на 12 лет для перевозки пассажиров и грузов по линии Ораниенбаум, Кронштадт, Лисий Нос. Общество обязалось устроить в канале пристань, произвести надлежащее переустройство зданий в соответствии с потребностями пароходного движения и открыть пароходное сообщение с Ораниенбаумом, предоставив Правлению общества право сдавать в аренду свободную часть канала и его дамб для причала пароходов, судов и яхт, а также — сдать в аренду буфет в вокзале у пристани⁴.

Расположение Сидоровского канала было настолько удачным, что вокруг него, несмотря на пароходные перевозки и деятельность расположенного с западной стороны лесопильного завода и лесной биржи⁵, сформировался район отдыха и развлечений горожан. Отчасти этому способствовал несчастный случай.

В ночь на 12 июня 1908 года в Привокзальном саду железной дороги от удара молнии загорелся городской театр. В пожаре сгорели театральные декорации и музыкальная библиотека. В 1909 году лесопромышленник М. В. Волков, бывший в 1907–1909 годах головой городской думы Ораниенбаума, обратился к губернатору Санкт-Петербурга с просьбой разрешить построить новый театр на Сидоровском канале рядом со сво-

⁴ РГИА. Ф. 190. Оп. 4. Кн. 2 Д. 3518. Л. 1–8. Источник: *Халемский Г. А.* Новые страницы в истории Сидоровского канала Ораниенбаума // Эра пароходов. История парового судоходства и судостроения. — СПб.: Аврора, 2017. — С. 268–272.

⁵ Завод принадлежал компании «Ораниенбаумское товарищество лесопильных заводов», основанной в 1901 году ораниенбаумским купцом 1-й гильдии Михаилом Васильевичем Волковым. Компания отправляла морем лес не только в Россию, но и за границу, в частности в Великобританию.

Вид на Сидоровский канал со стороны залива, 1916 г.

Сидоровский канал. Почтовая открытка 1915 г.
Из коллекции В. Наумова

Сидоровский канал. Двухэтажные здания до 1894 г. предназначались для пассажиров, а затем использовались Лесопильным заводом

Гавань для стоянки яхт в Сидоровском канале.
Фотограф А. Граф. Почтовая открытка № 20, 1900-х годов.
Из коллекции В. Наумова

им лесопильным заводом. Деньги на строительство выделяла городская дума из взносов гласных думы — богатейших купцов Ораниенбаума.

Летом 1909 года городской театр был отстроен на новом месте — на дамбе Сидоровского канала — от вокзала в сторону залива. Новый театр был рассчитан на 1400 мест, на втором этаже размещался концертный зал с эстрадой и буфет с отдельными кабинетами. В новом театре выступали звёзды Петербурга: балерины Анна Павлова и Тамара Карсавина, певец Леонид Собинов. Рядом с театром благоустроили городской парк с выходами на взморье и к купальням⁶.

Как писали петербургские газеты, для удобства публики последний пароход Приморско-Петербургско-Сестрорецкой линии будет отходить в 2 часа ночи, последний поезд в Петербург — в 12 часов 30 минут, а последний дачный паровозовагон «Кукушка» — в 1 час 30 минут ночи. Это расписание давало публике возможность спокойно поужинать после спектакля и посмотреть «садовую программу» в театральном парке на канале.

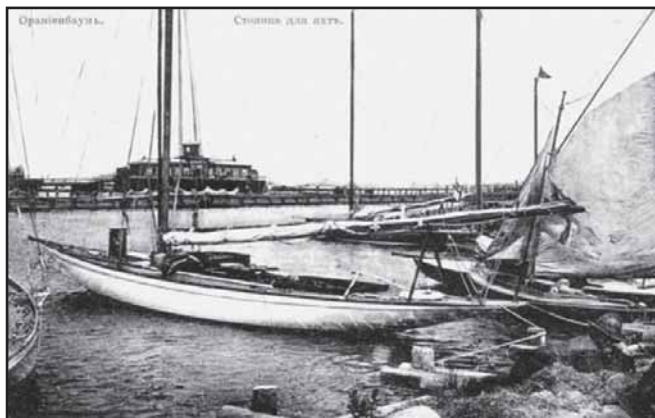
На восточной дамбе Сидоровского канала была оборудована стоянка яхт, и, по свидетельству автора «Руководства для любителей парусного спорта» Г. В. Эша, здесь уже с 1894 года существовало «Ораниенбаумское общество любителей парусного спорта». Можно было взять напрокат лодку, совершить морскую прогулку на парусной яхте. Дачники могли искупаться в специально построенных купальнях.

Яхтенный спорт в начале XX века стал весьма популярен в Мартышкино и Ораниенбауме. С развитием популярности парусного спорта рос и профессионализм яхтсменов. В 1907 году ораниенбаумские яхтсмены заново обустроили и углубили яхтенную стоянку, как они называли — «ковш», сделав бухточку на дамбе Сидоровского канала, откуда могли стартовать яхтенные соревнования. На упоминавшемся плане ораниенбаумской гавани из журнала «Рулевой» за 1913 год в Сидоровском канале показана «гавань для стоянки яхт» с осадкой до 9 футов⁷.

В качестве примера активной парусной жизни на территории Сидоровского канала можно привести публикацию из журнала «Яхта» № 34 за 1907 год, где рассказывается, как «местные любители парусного спорта 6 августа устроили парусную гонку, на которую записалось 12 яхточек. Яхты эти были разделены на три разряда. В первом гонялись: «Утопия» братьев Утиных, «Марево» Воробьева, «Пескарь» Андреева, «Флирт» Пан-

⁶ *Парахуда В. А.* Театр на побережье. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2003/12/p14.html> (дата обращения 27.04.2018).

⁷ Около 2,75 метров.

Гавань для стоянки яхт в Сидоровском канале. Фотограф А. Граф. Почтовая открытка №20, 1900-х годов. Из коллекции В. Наумова

Иллюстрации из журнала «Яхта» 1907 г.
Из коллекции В. Наумова. Публикуется впервые

телеева и «Богема» братьев Толстых. Курс гонки был назначен от створа входных вех Сидорова канала в Ораниенбауме к флагу Морского канала и обратно, два круга, что составляло 7 морских миль. В первом разряде лучшее время 1 час 36 мин. 53 сек. показал «Пескарь» Андреева, вторым был «Флирт» Пантелеева — 1 час 43 мин. 45 сек.».

Так вот, этот А. Пантелеев со своим 10-летним сыном Юрием в 1912 году совершили путешествие на яхте «Руслан» в Стокгольм, где присутствовали на V Олимпийских играх в качестве зрителей олимпийской регаты⁸. Ну, а Юрий Пантелеев впоследствии, как знаток Финского залива и подходов к острову Котлин, оказал помощь Красным войскам под руководством М. Тухачевского в ликвидации Кронштадтского мятежа, за что получил орден Красного знамени, в дальнейшем Ю. А. Пантелеев стал адмиралом Советского Союза.

К сожалению, этот оазис был разрушен с приходом новой власти, причём в буквальном смысле слова. Во время Кронштадтского мятежа в марте 1921 года от попадания снарядов линкора «Петропавловск» сгорели городской театр и дома лесной биржи, которые стояли вдоль канала. И небольшие яхты до конца XX столетия исчезли из Сидоровского канала.

После строительства на месте Лесопильного завода Военного порта, в Сидоровском канале обосновались военные моряки, а также гидрографические и водолазные части, которые там и встретили Великую Отечественную войну.

Во время войны все стратегические объекты на территории Ораниенбаумского плацдарма подвергались бомбардировкам и оружейным обстрелам. Рядом с Сидоровским каналом, там, где теперь пляж «Янтарь», был выезд на одну из ледовых дорог на Кронштадт. Такая дорога по льду залива и после войны работала каждую зиму вплоть до 1960-х годов, пока на линии Кронштадт—Ораниенбаум не появились новые грузопассажирские паромы ледокольного типа, которые стали отходить от нового морского вокзала Военной гавани. Кроме того, в Югославии были построены мощные ледоколы «Буран» и «Пурга» для обслуживания фарватеров Ленинградской военно-морской базы, которые заменили дореволюционный «Волынец». В послевоенный период Сидоровский канал проходил в документах как «пассажирская гавань» и являлся основной базой плавсредств аварийно-спасательного отряда ВМФ и судов рыболовецкого колхоза «Прогресс». Рядом были территории и причалы судов гидрографии.

⁸ *Пантелеев Ю. А.* Парус — моя жизнь. — Ленинград: Лениздат, 1984. — 216 с.

Во время Великой Отечественной войны в Сидоровском канале размещались водолазы ЭПРОН

Шустов Сергей Владимирович (в центре), во время войны служил в ЭПРОНе в Ораниенбауме

Водолазы в ЭПРОНа в Ораниенбауме

Рядом с Сидоровским каналом начиналась и традиционная зимняя Ледовая дорога, по которой в блокаду перевозили грузы и людей, Малая дорога жизни

А с парусными судами Ораниенбаум не расстался и после войны. Курсанты Ломоносовского мореходного училища, как и курсанты других морских училищ, проходили практику на учебных парусных судах, таких как «Чайка» или на маломангнитной шхуне «Заря». Несколько слов о судьбе этого уникального судна.

Научно исследовательское судно Академии наук СССР — маломангнитная шхуна «Заря». Публикуется впервые.
Из архива В. Наумова

Ленфильмовский фрегат «Нева» в Сидоровском канале. 1960-е гг.
Фото из коллекции
К. Карасёва

Парусная шхуна «Заря», стоявшая некоторое время среди других гидрографических судов в гавани Ораниенбаума,

когда-то использовалась как научно-исследовательское судно Академии наук СССР. Она была построена в Финляндии в 1952 году полностью из дерева и цветных металлов, единственное в мире судно подобного типа. «Заря» несколько раз ходила в кругосветные путешествия с целью уточнения магнитного склонения компасов, что было важно как для науки, так и для точного прохождения судов ВМФ по курсу.

Впоследствии появилась спутниковая связь, и надобность в подобном судне отпала, а у Академии наук не было денег, чтобы оплатить не только новую экспедицию, но даже стоянку судна. «Заря» нашла свой последний причал в Ораниенбаумской военной гавани и даже снялась в роли брига «Фрам» в фильме про полярную экспедицию Амундсена. После чего владельцы судна выволокли «Зарю» на отмель в районе «транзитки» и сожгли её, чтобы получить несколько тонн цветного лома. Чудом был спасён от сжигания только штурвал шхуны «Зари», который теперь находится в Санкт-Петербургском яхт-клубе.

Рыбколхоза «Прогресс» уже тоже нет, всю его территорию выкупил гражданин Швеции, после чего рыбацкие траулеры исчезли из канала. Но не всё так печально. В Ораниенбауме с 2011 года началось возрождение парусной жизни города: Сидоровский канал стал центром проведения Ораниенбаумского морского фестиваля (ОМФ). Начался ОМФ с малого формата, но теперь стал очень популярным в спортивном плане у яхтсменов и собирает значительный гоночный флот. Фестиваль проходит в конце августа и ныне является главным морским событием и визитной карточкой в жизни морского Ораниенбаума. В течение двух выходных дней из Сидоровского канала стартуют яхтенные гонки, а на берегу разворачивается праздник для жителей и гостей города.

Яхтсмены не забыли и основателя Сидоровского канала: в 2015 году было возрождено «Ораниенбаумское общество любителей парусного

Яхтенная гонка на приз купца Сидорова. «Купец Сидоров» вручает победителю гонки главный приз — пивную кружку, которую победитель торжественно тут же выпивает. 2016–2017 гг. Фото В. Журавлёва

спорта», которое в 2016 году учредило гонку в память купца Сидорова по регламенту гонок яхтсменов Сидоровского канала 1907 года. Главный приз — пивная кружка, из которой капитан яхты-победительницы может бесплатно пить пиво в ресторане отеля «Домик у причала» (одного из спонсоров гонки) в течение всего года. Устроители гонки заверяют, что всех участников этой регаты и в будущем ожидают веселые призы и затеи.

Авторы статьи ищут потомков купца Сидорова и его портретные изображения. Планируется создать небольшой музей, где будут выставлены морские раритеты: рынды старых яхт, якоря и другие атрибуты парусной жизни Ораниенбаума, сохранившиеся фотографии, связанные с парусной жизнью Ораниенбаума. Будет облагорожена и береговая территория.

В октябре 2017 года произошло важное для города событие — VII-й Ораниенбаумский морской фестиваль ОМФ-2017 получил Гран-при национальной премии России в области событийного туризма по версии престижного международного приза «Russian Event Awards».

Это указывает на возросшие перспективы развития международного яхтенного туризма в Ораниенбауме. Для этого в Ораниенбауме есть все

Парусные традиции Сидоровского канала сохраняет
Ораниенбаумский морской фестиваль.
Фото В. Журавлёва, 2015 г.

условия: залив, Сидоровский канал и яхтенный клуб, но нужна ещё и государственная поддержка. Тем более что уже с 2017 года в Генплане Санкт-Петербурга появилось зонирование, которое позволяет сделать территорию Сидоровского канала и рядом расположенной акватории — благоустроенной зоной отдыха жителей и гостей города, в том числе для занятий яхтенным спортом. Сохранение Сидоровского канала как места отдыха горожан, возрождение парусных традиций — все это очень важно для Ораниенбаума — города, стоящего на берегу моря.

Е. Ю. Михеева

Виталий Андреевич Гушин: путь в историю Петергофа

Виталий Андреевич Гушин (1939–2002), инженер, филокартист, краевед, Почетный гражданин города Петергофа, инициатор создания общества «Возрождение Петергофа», автор уникального исследовательского труда: 5-ти томного издания «Истории Петергофа и его жителей». Данная статья посвящена моментам его биографии, непосредственно связанным с краеведением.

Виталий Гушин родился 9 февраля 1939 года в Ленинграде. Отец, Андрей Иванович Гушин, почетный лесовод, участник Великой Отечественной войны, мать — Зоя Николаевна Гушина всю жизнь посвятила мужу и троим детям¹. В начале ВОВ семья эвакуировалась из Ленинграда в Башкирию, после войны вернулись. С 1947 года обосновались в Петергофе, где сами отстроили дом.

Выбор был, скорее всего, предопределен тем, что один из родственников Андрея Ивановича, Матвей Гушин, до революции 1917 года служил в Уланском полку, расквартированном в Петергофе.

О детских впечатлениях Виталия о Петергофе послевоенного времени, о зарождении интереса будущего краеведа к истории города мы узнаем из публикации создателя и хранителя музея «Морская Стрельна»

¹ Желтикова М. А. Виталий Гушин: служение Петергофу. URL: <http://mirpeterburga.ru/upload/iblock/435/435c1635ea88b4700e0a440404ceb4c6.pdf> (дата обращения 24.04.2018).

О. П. Вареника², который был близко знаком с В. А. Гушиным и долгое время успешно с ним сотрудничал. Желание узнать больше о том, каким город был до войны, подтолкнуло В. А. Гущина, тогда еще школьника, к самостоятельным исследованиям.

Он учился в школе № 415 — в то время бывшей, а в наши дни вновь возвратившей себе имя гимназии Александра II (ей в будущем он посвятит две брошюры: «Моя школа»³ и «Петергофская гимназия Александра II»⁴). Открытки с видами довоенного и дореволюционного Петергофа и вырезки из газет В. А. Гушин стал собирать с 8 класса. Первая открытка коллекции — с изображением павильона Озерки, излюбленного места летнего отдыха жителей Петергофа, впоследствии послужила В. А. Гушину основой для написания первой его статьи в муниципальную газету⁵.

Коллекционирование художественных открыток — филокартия — красной нитью прошло через всю жизнь этого удивительно разностороннего и талантливого человека, почти стало второй профессией. Он пополнял свою коллекцию, будучи студентом Ленинградского института авиационного приборостроения (1958–1963) и позднее, работая на оборонном предприятии. По долгу службы В. А. Гушину довелось объездить всю страну от Северного моря до Черного, от Балтики до Тихого океана. В командировки он неизменно брал с собой книги о Ленинграде и менял их на открытки с изображениями дореволюционного и довоенного Петергофа.

С Дальнего Востока Виталий Андреевич привез настоящее сокровище: целый альбом с 189 фотокопиями с дореволюционных открыток, которые он затем стал разыскивать, и в дальнейшем нашел все и даже больше.

В рамках своей профессиональной деятельности — старшего инженера комплексной лаборатории в Особом конструкторском бюро при Ленинградском Электромеханическом заводе (ЛЭМЗ), а затем главного конструктора и руководителя ОКБ — В. А. Гушин проявил себя наилучшим образом. На его счету 7 внедренных изобретений, в частности, ра-

² *Вареник О. П.* Знаток императорского Петергофа. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/znatok_imperatorskogo_petergofa/ (дата обращения 24.04.2018).

³ *Гушин В. А.* Моя школа. — Петергоф, 1996. — 90 с.

⁴ *Гушин В. А.* Петергофская гимназия Александра II. — Отделение оперативной полиграфии НИИХ СПбГУ. Санкт-Петербург, Старый Петергоф, 1999.

⁵ *Гушин В. А.* О Петергофе рассказывает открытка// Заря коммунизма. — 1980. — № 52. — С. 3.

диокационный комплекс «Морской радар»⁶; почетные знаки «Отличник погранвойск» I и II степеней⁷; он награжден медалью «Ветеран труда», званием «Ударник коммунистического труда», его имя внесено в энциклопедию «Приборостроители России»⁸.

Когда по состоянию здоровья любимую работу пришлось оставить (после пережитого в детстве ужаса во время авианалета у Виталия Андреевича было больное сердце), появилось свободное время для работы в архивах. Точный технический ум требовал цифр и фактов.

В Центральном государственном историческом архиве на Английской набережной В. А. Гуцин кропотливо изучал документы, связанные с Петергофом. Из архивных данных формировал картотеку улиц, домов, имен местных жителей и дачников загородной императорской резиденции. Эти сведения легли в основу более ста статей в муниципальных газетах «Ракета», «Заря коммунизма», «Петергофский вестник» и краеведческих сборниках. Кроме того они использовались для проведения викторин, адресованных любителям и знатокам истории Петергофа.

В уже упоминавшейся первой опубликованной статье «О Петергофе рассказывает открытка» В. А. Гуцин выступает как филокартист. Опираясь на материалы своей коллекции, проводит небольшой экскурс в историю открытки в России и мире в целом, говорит о её документальной ценности с точки зрения изображения на ней: «Открытка отражала все крупнейшие события в жизни страны <...> На открытках сохранились виды домов, улиц, городов, по разным причинам уже не существующих в наши дни»⁹.

Мы узнаем, что до 1917 года только в самом Петергофе открытки с видами Верхнего и Нижнего парков, городских улиц выпускали пять издательств: магазин Лукина, «Склад аптекарских товаров К. И. Эстера», магазины Руже, Вистгофа, Корнева; а также примерно два десятка издательств России и зарубежных стран. И что почтовые карточки российского издательства «Общины святой Евгении» были особенно ценны тем, что снимки выполнялись известными фотографами и по качеству печати превосходили многие другие.

⁶ *Артемуева Е.* Но гражданином быть обязан // Петергофский вестник. — 1999. — № 4. — С. 6.

⁷ *Желтикова М. А.* Указ. соч. С. 42.

⁸ *Мелуа А. И.* Приборостроители России: энциклопедия. СПб. 2001. С.181

⁹ *Гуцин В. А.* О Петергофе рассказывает открытка// Заря коммунизма. — 1980. — № 52. — С. 3..

Серия открыток с видами Петергофа издавалась даже московским «Контрагентством А. С. Суворина и К^о». Много открыток, посвященных Петергофу, выпустило петербургское издательство «Ришар».

Особый интерес представляют открытки, сохранившие виды интерьеров петергофских дворцов, большая часть которых была утрачена в годы ВОВ. Так, в 1930–1940-е годы в Ленинградском областном литературном издательстве была выпущена серия открыток с изображениями интерьеров Екатерининского корпуса Монплезира, Коттеджа, Нижнего дворца, Собственной дачи, Большого дворца и других.

Статья завершалась справедливым замечанием о том, что «собираание открыток вплотную смыкается с краеведением, изучением истории родного края. Вот почему надо пополнять коллекцию не только почтовыми карточками, но и специальной литературой»¹⁰.

Именно такой литературой стали небольшие издания карманного формата серии «Утраченные памятники Петергофа» (1997–1999). Виталий Андреевич самостоятельно создавал на компьютере оригинал-макеты своих брошюр от начала до конца: выбирал шрифты, вставлял в текст иллюстрации, придумывал надписи к ним, художественно оформлял каждую страницу, а затем и всю книжку.

Краевед писал о том, что было утрачено, активно боролся за спасение того, что еще осталось, пытаясь сохранить неповторимый *genius loci* города. Пытался уберечь от сноса старые здания, заброшенные и разграбленные усадьбы, исторические кладбища. При непосредственном участии Виталия Андреевича было сохранено и восстановлено надгробие писательницы Н. Д. Зайончковской, издан сборник «Петергофский Некрополь», возвращены исторические названия многим улицам Петергофа, установлены памятные доски гвардейским Петергофским полкам¹¹. Затем родилась идея установки памятного камня на месте разрушенного Английского дворца¹².

Невзирая на больное сердце, В. А. Гушин категорически отказывался беречь себя, экономить силы. Он активно пополнял свою коллекцию уже не только открытками, но и другими свидетельствами прошлого — значками, афишами, документами... Дарил свои опубликованные статьи и книги, легко находил подход к людям, открывая путь в заветные отделы

¹⁰ Там же.

¹¹ *Гушин В. А.* На память нынешнему поколению и грядущему потомству // Петергофский вестник. — 1994. — № 39. — С. 4.

¹² *Желтикова М. А.* Указ. соч. С.44

архивов, библиотек и букинистических магазинов. Был близко знаком с В. Е. Ардикуцей, С. С. Гейченко, А. Г. Раскиным и другими краеведами Петергофа, с творческими и научными сотрудниками музеев-заповедников «Петергоф», «Ораниенбаум», «Павловск», «Царское Село», «Гатчина» и других музеев, петербургских архивов и библиотек. Однако даже он не везде и не всегда находил понимание. Переживания по этому поводу краевед изложил в статье «Нужны ли в Петергофе мои книги?»¹³

Именно Виталию Гущину принадлежала инициатива объединить равнодушных жителей Петергофа, любящих его историю. 1 апреля 1990 года было создано общество «Возрождение Петергофа»¹⁴.

В рамках деятельности общества В. А. Гущин проводил бесплатные экскурсии по бывшим дачным местам дореволюционного Петергофа. Читал лекции по истории города, сопровождая их выставками материалов из своей краеведческой коллекции.

По инициативе членов общества была возрождена традиция празднования «Дня города», присвоения звания «Почетный гражданин Петергофа» (сегодня — «Почетный житель Петергофа»). Сам Виталий Андреевич Гущин был удостоен звания «Почетный гражданин Петергофа» 3 ноября 1991 года¹⁵.

Сегодня дело, начатое В. А. Гущиным, живет. Общество «Возрождение Петергофа» продолжает работу по популяризации краеведческих знаний. Под его эгидой публикуются различные издания, посвященные истории города, проводятся встречи с деятелями культуры и искусства, организуются краеведческие конференции для школьников. Ежегодно, ко Дню памяти краеведа, проводятся краеведческие «Гущинские чтения».

При поддержке Муниципального образования города Петергофа вышли в свет издания, основанные на материалах, собранных самоотверженным трудом краеведа. Это «Путешествие в утраченный Петергоф» (2007) и «Путешествие в прошлое и настоящее Петергофа» (2008), «Петергоф XX век» (2010), «От пильной мельницы до часового завода» (2011) — альбомы, иллюстрированные уникальными фотографиями и старинными открытками из архива краеведа.

¹³ Гущин В. А. «Нужны ли в Петергофе мои книги?» // Петергофский вестник. — 1997. — № 26. — С. 3.

¹⁴ Мы гордимся тобой, Петергоф // Петергофу 300 лет. — Санкт-Петербург, 2005. — С. 94.

¹⁵ Диплом на звание Почетного гражданина Петергофа № 2. Решение Петродворцового районного Совета народных депутатов № 298 от 3 ноября 1991 года.

События повседневной жизни уездного города Петергофа с 1864 по 1917 год бережно собраны в двухтомнике «Петергоф в газетной хронике». В издании, которое краевед готовил к выходу в свет совместно с Р. А. Абасалиевым, отражены публикации о Петергофе, выходявшие в те годы в газетах «Кронштадтский вестник», «Котлин», «Правительственный вестник», «Русский инвалид», «Листок объявлений Кронштадта, Петергофа и Ораниенбаума»¹⁶.

Для юных жителей нашего города на основе сюжетов с открыток из коллекции В. А. Гущина сестра Виталия Андреевича, Алефтина Андреевна Максимова, создала книжки-раскраски «Азбука Петергофа», «Старый Петергоф». «Новый Петергоф» и игру-путешествие «Ожерелье Петергофа».

С 2010 года имя Виталия Андреевича Гущина носит Библиотека семейного чтения в Старом Петергофе¹⁷. В Информационно-краеведческом отделе библиотеки бережно хранятся личные вещи краеведа, архивные материалы, рукописи будущих книг с автографами автора и собираются все вышедшие в свет издания книг В. А. Гущина. В том числе пять томов главного труда его жизни «Истории Петергофа и его жителей»:

- ♦ «История Петергофа и его жителей» (2001);
- ♦ «Старый Петергоф» (2004);
- ♦ «Новый Петергоф» (2005);
- ♦ «Императорская Гранильная фабрика» (2014);
- ♦ «Парки Петергофа» (2016).

Сам В. А. Гущин подробно охарактеризовал свой труд в статье «Размышление после торжеств»¹⁸. Он особо подчеркивает, что каждая из книг посвящается «СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВСЕХ ЖИВШИХ В ПЕТЕРГОФЕ».

Книга первая, вышедшая в 2001 году, дает общее представление о дореволюционном Петергофе, описывает его историю по царствованиям от императоров Петра I до Николая II. Приводится перечень основных работ во время каждого царствования, статистические сведения, соби-

¹⁶ *Гущин В. А., Абасалиев Р. А.* Петергоф в газетной хронике. I том. 1864–1900. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 480 с.; *Гущин В. А., Абасалиев Р. А.* Петергоф в газетной хронике. II том. 1901–1917. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 528 с.

¹⁷ Письмо Топонимической комиссии Правительства Санкт-Петербурга № 14 от 04.02.2010; Приказ № 14/О от 18.02.2010 по основной деятельности директора СПб ГБУ ЦБС Петродворцового района.

¹⁸ *Гущин В. А.* Размышления после торжеств // Петергофский вестник. — 1995. — № 28. — С. 6.

равшиеся краеведом более десятка лет на основе неизвестных архивных документов и свидетельств лиц, которые жили в исследуемый период. Так, «в разделе книги «Петергофские зодчие», наряду с известными архитекторами, работавшими в Петергофе, приводятся и менее именитые общим количеством более сотни фамилий, с перечислением их работ»¹⁹.

Вторая книга, помимо общего названия серии, имеет еще и дополнительное название «Старый Петергоф». В ней рассказывается практически обо всех улицах и поселках Петергофа западнее Английского парка и Троицкого ручья, текущего из него в Финский залив. Последовательное описание истории каждого участка обеих сторон каждой улицы позволило проследить фамилии их владельцев примерно с конца XVIII века по 1917 год и установить точные адреса проживания в Петергофе многих известных лиц, оставивших свой след в истории самого Петергофа и нашей страны.

В книге третьей — «Новый Петергоф» — описываются улицы этой части города, Александрийской колонии и Деминского поселка (в советское время — поселок Свердлова).

Принцип описания прежний: последовательный рассказ о каждом участке, по возможности с момента его освоения. Именно в Новом Петергофе находилось управление городом, здесь же жили его управляющие: в различных министерских, готических, кавалерских и прочих казенных домах им с Высочайшего разрешения отводились квартиры. Приезжали сюда на лето вместе с императорской семьей или просто на дачу.

Статья 1989 года «Обидно за Петергоф»²⁰ со временем переросла в полноценный исторический труд — четвертый том серии «История Петергофа и его жителей» — «Императорская Гранильная фабрика», увидевшем свет сравнительно недавно — в 2014 году.

Нет человека, кто не слышал об Эрмитаже или Исаакиевском соборе, а красота их убранства — заслуга именно петергофских мастеров! Неповторимые изделия из полудрагоценных камней, мраморные, лазуритовые и малахитовые работы по внутренней отделке Исаакиевского собора выполнялись мастерами Петергофской гранильной фабрики (сегодня Петродворцовый часовой завод).

О том, что в Петергофе, кроме всемирно известных Нижнего парка и Верхнего сада, есть еще восемь в разной степени сохранившихся жемчужин садово-парковой архитектуры, мы узнаем из пятой, заключительной

¹⁹ Там же.

²⁰ *Гущин В. А.* Обидно за Петергоф // Петергофский вестник. — 1989. — № 43. — С. 7.

книги серии «Парки Петергофа». В ней рассказывается о всех десяти парках: Нижнем, Верхнем, Александрии, Лейхтенбургском, при Собственной даче, Ольденбургского, Английском, Колонистском, Луговом, Александрийском, большинство из которых находятся в запущенном состоянии.

Отдельная глава «Фонтанная система» посвящена уникальному гидротехническому сооружению, которое вот уже триста лет бесперебойно, без единого насоса, питает знаменитые фонтаны Петергофа — Петергофскому фонтанному водоводу. Пруды и каналы водовода гармонично вписаны в композицию Лугового, Колонистского и Английского парков, за счет него наполняются водоемы Александрии и Александрийского (бывшего Пролетарского) парков. Строитель водовода — первый русский инженер-гидравлик В. Туволков. Канал по топкой болотистой местности прокладывали простые крестьяне, работные люди и солдаты Нарвского, Выборгского, Псковского и Петербургского гарнизонов.

На страницах этих книг Петергоф обрел голоса и лица. Только первая из них увидела свет при жизни Виталия Андреевича. Остальные четыре тома были изданы силами его родных. Издания снабжены справочным аппаратом: примечаниями, именным указателем и библиографией. Труды В. А. Гущина послужили надежным источником фактографической информации и основой дальнейших исследований для многих краеведов. На его книги ссылаются, либо рекомендуют к прочтению, такие исследователи как Р. А. Абасалиев, С. Б. Горбатенко, О. П. Вареник, Т. К. Иванова и Е. П. Логунова, Х. И. Топаж, Е. Д. Юхнёва и другие.

31 мая 2017 года в Петергофе состоялось торжественное открытие городского фонтана на Торговой площади. Эта идея когда-то тоже родилась в беседе В. А. Гущина с главой МО г. Петергофа Михаилом Ивановичем Барышниковым. Краевед упомянул о том, что в 1841 году в центре города, где кипела жизнь и шла бойкая торговля, находился бассейн с фонтанчиком для питья. Со временем хозяйки облюбовали чашу фонтана для стирки, а в 1946 году фонтан последний раз упоминался в заметке о восстановлении послевоенного Петергофа в газете «По сталинскому пути». Наконец, после преодоления бюрократических преград и при поддержке Германа Грефа, современный городской фонтан занял свое историческое место, память о котором бережно хранил краевед²¹.

Однако главная мечта В. А. Гущина, несмотря на многочисленные усилия неравнодушных людей, до сих пор не сбылась. Виталий Андрее-

²¹ *Васильева Е., Хмеленко О.* Как все начиналось // Сады Семирамиды в Петергофе // Муниципальная перспектива. — 2017. — № 11. — С. 1–2.

вич мечтал об открытии в Петергофе краеведческого музея, куда готов был передать свою уникальную коллекцию. Но помещения в школах, библиотеках или даже в краеведческом музее города Ломоносова, которые предлагались для этого, не имели необходимой самодостаточности.

Сам Виталий Андреевич идеальным местом считал особняк старшего советника начальника Петергофского правления, генерал-майора Александра Федоровича Гейрота (1817–1882). Еще в молодости, будучи кадетом, во время пребывания в петергофских лагерях, А. Ф. Гейрот проявлял интерес к истории города, составив в 1834 году «План прибрежного пространства в окрестностях Ораниенбаума и Петергофа», хранящийся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. В 1868 году, уже будучи жителем Петергофа, А. Ф. Гейрот выпустил первое научное краеведческое издание — «Описание Петергофа».

О том, что городу, с которым связаны многие исторические события, краеведческий музей необходим, В. А. Гушин неоднократно писал в своих статьях: «Петергоф — «Город — музей?»²², «Вещий сон краеведа»²³, «Размышление после торжеств»²⁴. Создание городского краеведческого музея шло вторым пунктом (после возвращения городу Петроворцу его исторического названия «Петергоф») в проекте программы мероприятий к празднованию 300-летия города, подготовленного В. А. Гушиным и Р. А. Абасалиевым. Тогда, в июне 1999 года, проект был обсужден и принят за основу на заседании историко-культурной комиссии при мэрии Петергофа, согласован по ряду вопросов с генеральным директором ГМЗ «Петергоф» В. В. Знаменовым²⁵, тем не менее краеведческого музея в Петергофе нет до сих пор. А особняк А. Ф. Гейрота, первого краеведа Петергофа, занят коммерческой организацией.

В настоящий момент решения своей участи ожидает особняк поручика лейб-гвардии уланского полка А. П. Струкова на Санкт-Петербургском проспекте. Пока власти города медлят, одно из старейших в Петергофе зданий, которое могло бы стать его краеведческим центром, разрушается, а воплощение главной мечты Почетного гражданина Петергофа, краеведа В. А. Гушина вновь отодвигается во времени.

²² Гушин В. А. «Петергоф — «Город — музей?» // Ракета. — 1989. — №№ 30, 31.

²³ Гушин В. А. Вещий сон краеведа // Петергофский вестник. — 1990. — № 3. — С. 3.

²⁴ Гушин В. А. Размышления после торжеств // Петергофский вестник. — 1995. — № 28. — С. 6.

²⁵ Проект программы мероприятий к празднованию 300-летия Петергофа // Петергофский вестник. — 1999. — № 39. — С. 6.

Из истории Дворцового сада в Красном Селе

В царствование императора Александра I происходит важное событие для русской армии — возобновление гвардейских маневров в Красном Селе¹. Впоследствии это справедливо позволит назвать Красное Село летней столицей императорской гвардии. Возобновление красносельских лагерных сборов сыграет важную роль в развитии местности, находящейся недалеко от Петербурга, а так же напрямую повлияет на возникновение Дворцового сада.

Дворцовый сад существовал на территории, ограниченной современной улицей Первого Мая, проспектом Ленина и улицей Равенства (в XIX веке улица Первого Мая называлась дорогой в Царское Село, проспект Ленина был Санкт-Петербургской улицей, а улица Равенства — Михайловской). Это особое место в Красном Селе, ведь на столь небольшой территории находилось целых пять дворцов, принадлежащих членам императорской семьи.

Но так было не всегда: в начале XIX века здесь располагался Английский сад, единственной постройкой в котором была обеденная палатка императора Александра I². Тогда никто даже представить себе не мог, что это место станет центром светской жизни Красного Села.

¹ *Пежемский В. Г.* Красное Село. Страницы истории. — М.: Центрполиграф, 2016. — С. 102.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 40.

Что повлияло на решение строить дворцы для летнего пребывания членов императорской семьи на данной территории? Первым фактором стала необходимость постройки дворца в Красном Селе для нового императора — Николая I: дворец предыдущего императора Александра I был неудачно расположен по отношению к лагерям. Он находился в долине Безымянного озера³ — в отдалении от расположения лагерей и военного поля — из дворца нельзя было наблюдать за происходящими учениями.

Вторым фактором стало удачное расположение: западной границей Английского сада являлась Санкт-Петербургская улица, шедшая к столице, северной границей была дорога в Царское Село, ведущая к летней резиденции императора, а южнее сада располагался лагерь и военное поле, что позволяло быстро добираться до размещения войск и учений. Так же, сад находился на возвышенности, что позволяло наблюдать отсюда за проходящими учениями.

Первые дворцы строятся для Николая I с женой Александрой Федоровной и великого князя Михаила Павловича. Распоряжение о строительстве дворцов было отдано 3 октября 1827 года⁴ — с этого момента начинается новая глава в истории Красного Села, знаменующая расцвет этой местности.

К 1828 году дворцы для Николая I и великого князя Михаила Павловича достроены. Это были не парадные резиденции, а достаточно скромные здания, предназначенные для жизни и ратного труда во время летних лагерных сборов гвардейских полков. Дворцы были построены по единому плану и представляли собой прямоугольные в плане, одноэтажные деревянные постройки с мезонинами с выходом на балкон. Дворцы имели каменный фундамент. Мезонин, украшенный круглым лепным венком, поддерживала колоннада из четырех колонн дорического ордера, между колоннами располагалась балюстрада. Из дворца было 4 выхода: западный — на Санкт-Петербургскую улицу — был оформлен портиком, к которому с двух сторон вели ступени; северный и южный выходы — верандами, а восточный — галереей. В Дворцовый сад можно было попасть из северного, восточного и южного выходов. Внутри дворцов не было ничего, что отвлекало бы от ратного труда: только кабинет, приемная, просторный зал, из которого можно было выйти к балюстраде, гостиная, спальня, камердинерская и гардероб⁵.

³ Рейман А. Л. Красносельские ландшафты // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Сб. научных статей. — СПб.: Политехника, 1994. — С. 209.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 259.

⁵ Там же.

Дворцы были ориентированы на Санкт-Петербургскую улицу⁶ и располагались симметрично относительно центра сада — гауптвахты⁷ (кордегардии), построенной в том же году.

При дворцах строится придворная кухня с хозяйственными постройками (кондитерская, погреба и кладовые, судомойни)⁸. На следующий год строятся кавалерские дома для размещения свиты и навесы для лошадей и экипажей⁹. Все это образовало ансамбль, вытянутый вдоль Санкт-Петербургской улицы.

Так как Красное Село было к этому моменту удельным имением, то составление проекта и его реализация были поручены архитекторам удельного ведомства Христиану Филипповичу Мейеру, по проектам которого была выполнена большая часть хозяйственных построек, и архитектору Захару Федоровичу Дильдину, занимавшемуся проектированием и строительством дворцов. Примечательно то, что все работы начинал З. Ф. Дильдин, а завершением строительства руководил Х. Ф. Мейер.

Что касается оформления Дворцового сада, то в 1828 году был объявлен конкурс, который выиграл ропшинский садовый мастер Томас Вильгельм Грей. Его проект был утвержден 10 марта 1828 года. Этот день по праву можно считать перерождением Английского сада в Дворцовый.

Представление о Дворцовом саде после завершения работ дает план Красного Села, снятый воспитанниками землемерного училища в 1832 году¹⁰. Результат несколько отличается от проекта. Первоначально Грей задумывал построить композицию сада на сочетании закрытых пространств и открытых площадок, одна из которых в виде обширной поляны располагалась на верхней террасе у Госпитальной стороны (северная часть сада, примыкающая к военному госпиталю), а две другие (большой пруд на месте расчищенного болота и еще одна поляна) — у восточной границы сада, на нижней террасе. Дорожки располагались бы обширной сетью по всей территории. В действительности же на плане 1832 года мы видим, что были устроены только две обширные поляны и обе — на верхней террасе, в северной и южной ее частях. По периметру полян были сделаны цветочные клумбы и высажены группы деревьев. Болото,

⁶ Там же. Д. 40.

⁷ Гауптва́хта (от *нем.* Hauptwache, буквально — главный караул) — первоначально — главный караул, позже в Русской армии — караульный дом, то есть место для размещения караула.

⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 974. Л. 5–6.

⁹ Там же.

¹⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 37. Л. 1.

обозначенное еще на плане Грея 1828 года, засыпали (соответственно запланированный пруд не был вырыт). Садовые дорожки устроили только на верхней террасе — самую восточную дорожку проложили по ее склону. Однако пейзажный характер сада все еще был сохранен. По всему периметру сада устроили забор, а также пограничную канаву, за исключением западной стороны, выходящей на Санкт-Петербургскую улицу.

В 1832 году по проекту Х. Ф. Мейера строится Штаб Отдельного Гвардейского корпуса, находящийся на углу Санкт-Петербургской и Михайловской улиц¹¹. Штаб в плане был прямоугольным с двускатной крышей, фасад здания рустован, центр выделен за счет гладкости фасада (вокруг центрального окна руст не выполнен). Ширина фасада 4 сажени, длина 12 саженей (8,5 и 25,5 метров соответственно)¹². Одновременно при Штабе строят дом для помещения в лагерное время нижних чинов Штаба¹³.

В этом же году в глубине сада строится дворец для наследника Цесаревича, будущего императора Александра II. Об этом дворце известно не много: он был деревянным, имел каменный фундамент, который был впоследствии использован при перестройке дворца. Дворец имел Г-образную форму — об этом нам сообщает «План Красного Села, снятый воспитанниками землемерного училища» за 1832 год¹⁴. Этот дворец неоднократно перестраивают: в 1836 (архитектор Х. Ф. Мейер)¹⁵, в 1850—1853 (архитектор В. Я. Лангваген)¹⁶ и в 1859 (архитектор И. А. Резанов)¹⁷ годах. Появляются пристройки, новые помещения. Это хорошо видно на планах дворца за эти годы. Однако общий вид дворца остается неизменным: Г-образный в плане, двухэтажный, на каменном фундаменте, стены сделаны из сосновых бревен. Фасад красили масляной красной под серую известь, цоколь и крыльцо — под свинец, крышу — зеленой масляной красной. На втором этаже по всему периметру здания располагалась галерея, над которой был полотняный навес¹⁸.

В 1850 году наследник престола Цесаревич Александр Николаевич решает, что двум его старшим сыновьям пора присутствовать на летних

¹¹ Там же. Д. 63.

¹² Там же.

¹³ РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 37. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 78; Оп. 71. Д. 226.

¹⁶ Там же. Оп. 8. Д. 684.

¹⁷ Там же. Оп. 71. Д. 257.

¹⁸ Там же. Оп. 8. Д. 684.

лагерных сборах в Красном Селе. В связи с этим надстраивают второй этаж и оборудуют комнату для детей его Высочества. Так же обустраивают жилые помещения: ставят «маленькие столики: два для умывания с нужным для того прибором, и два для занятий, маленькие стулья, шкафы для библиотеки, и еще некоторые вещи по размерам и фигуре вещей, имеющихся в комнатах Их Высочеств в Зимнем дворце. Кроме того, поставить в сии комнаты несколько обыкновенного размера мебели»¹⁹. В том же году в нескольких комнатах, занимаемых Цесаревичем Александром Николаевичем, меняют обои и обтягивают мебель другими материалами: «большую комнату вместо желтых обоев, ныне имеющихся, оклеить обоями другого цвета, и затем мебель в сей комнате, диван и 12 стульев, обитые бархатом, перебить красными или малиновым сафьяном, а так же обить зеленым сафьяном мебель в кабинете Его Высочества, кушетку и 10 стульев»²⁰.

В связи с появлением дворца для Александра Николаевича, композиция сада немного меняется: от дворца появляется дорога на Дудергофскую гору.

В 1847 году в Дворцовом саду появляется еще один дворец для Николая I с башней для обзора местности по проекту архитектора Ф. Х. Мейера (этот дворец впоследствии принадлежал великому князю Сергею Александровичу — сыну Александра II). Здание имело форму квадрата, два крыльца, было украшено деревянной резьбой. На башне развевался штандарт. 19 июня 1847 года император Николай I осмотрел свой новый дворец и признал, что «он хорош, очень хорош и убран прекрасно»²¹. Особенно он восхищался видом с башни на лагерь.

С появлением этого дворца сад опять претерпевает изменения: перед дворцом по проекту Мейера устраивается поляна, на которой необходимо устроить клумбы, «засадив их мелкими растениями и цветами на лицевую сторону к лагерю, дабы не загораживать вида на оный, а с задней стороны кустарниками покрупнее, также устроить бы вновь и обсадить растениями неширокую дорожку к дворцовой кухне»²². В этом предписании прослеживается один из принципов посадок в Дворцовом саду: все растения высаживаются и подстригаются строго по такой высоте, чтобы не заслонять вид, открывающийся из дворцов на военные лагеря.

¹⁹ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 684. Л. 4.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Оп. 29. Д. 1599. Л. 1об.

²² РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 372. Л. 3.

В 1849 году на нижней террасе устраивается питомник для кустарникового дерева категус (боярышник кроваво-красный), вместе с ним на 30 грядках высаживают корнус и ланасерус — все это были кустарники различных цветов и форм²³. Эти кустарники впоследствии высаживали в Дворцовом саду. Предположительно в это же время рядом с питомником появляются огород и парники, а так же строится дом садовника. Но это не все изменения, произошедшие с Дворцовым садом в это время: на нижней террасе появляется пруд, задуманный еще Т. В. Греем в 1828 году. От пруда идет канал, выходящий за границы сада.

Изменения происходят и с постройками: в 1851 году при дворце Цесаревича Александра Николаевича появляется кегельный бан²⁴ для игры в кегли — прообраз современного боулинга, только кеглей было 8 и ставились они в виде ромба. В 1859 году в саду появляется еще один дворец: на этот раз для наследника Цесаревича, коим после воцарения Александра II в 1855 году становится его старший сын Николай Александрович. В 1858 году архитектору А. И. Резанову предписывают представить проект дворца для наследника, причем в деле есть пометка о том, чтобы архитектор осмотрел здание кухни при дворце Александра II, находящейся в Дворцовом саду, и решил: нельзя ли кухню перестроить в дом для помещения Цесаревича в лагерное время²⁵. Резанов составляет проект по перестройке кухни во дворец: архитектор оставляет каменный фундамент кухни (в плане прямоугольный) и первый этаж, меняя только планировку помещений, появляется второй этаж. Особенно выделяется восточный фасад здания: на втором этаже располагается просторный зал, который опоясывает открытая галерея с полотняным навесом, на которую можно выйти из зала²⁶. Впоследствии после смерти Николая Александровича в 1865 году дворец переходит к его брату — Александру Александровичу, будущему императору Александру III. В 1866 году дворец перестраивают в связи с предпочтениями нового владельца, но общий облик дворца остается неизменным²⁷.

Эта постройка также изменяет планировку Дворцового сада: перед новым дворцом разбита открытая площадка, соединенная с сетью дорожек сада. Все эти изменения мы можем видеть на «Плане Красносельского Дворцового сада с обозначением всех строений» за 1850-е гг.²⁸

²³ Там же. Д. 520.

²⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 268.

²⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 2056.

²⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 234.

²⁷ Рейман А. Л. Указ. соч. С. 210.

²⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 272. Л. 1.

С 1858 года смотрителем Дворцового сада назначен ропшинский садовник Клементий Геккель. При нем в 1864 году на нижней террасе рядом с питомником и огородами устраиваются оранжереи, где выращивают цветы для посадки в Дворцовом саду. (Кроме того, в 1880-х годах Клементий Геккель расширил Театральный сад и соединил его с Дворцовым. Таким образом, еще одна задумка Грея была осуществлена спустя чуть более полувека).

В 1866 году начинается новая глава в жизни сада: на его территории появляется водопровод²⁹ — это дало возможность не только провести воду во дворцы и хозяйственные постройки, но и устроить фонтаны. Фонтаны появляются у четырех дворцов: у дворца, принадлежавшего великому князю Николаю Николаевичу Старшему (бывший дворец Николая I и Александры Федоровны), великому князю Константину Николаевичу (бывший дворец великого князя Михаила Павловича), императору Александру II и наследнику Цесаревичу Александру Александровичу. Расположение фонтанов хорошо видно на «Генеральном плане дворцовых зданий со службами в Красном селе» за 1869 год³⁰.

Ко времени составления Генерального плана 1869 года на территории Дворцового сада, помимо пяти дворцов, принадлежащих императорской фамилии, располагалось множество служебных построек, обслуживающих быт императорской семьи во время пребывания в Красном Селе. Для сравнительно небольшой площади Дворцового сада, количество служебных зданий достаточно большое. Несмотря на то, что главное место в пространстве занимают различные постройки, на плане все же можно проследить изменения, произошедшие с садом к началу 1870-х годов. Помимо новых построек, изменена планировка дорожек: открытые поляны пропадают, но у дворца императора Александра II появляется своеобразный «лабиринт» — на плане это закрученный в левую сторону цветник, в центре которого расположен фонтан.

Дворцовый сад был формально расширен, однако он все еще отделялся от Театрального сада Михайловской улицей и, по сути, являлся отдельным элементом пространства Красного Села.

В 1880–1881 годах дорожки в саду обновляют — меняют лотки с булыжником на более новые. Так же впервые за семь лет сажают деревья и кустарники «вместо поломанных бурями и поврежденных сильными морозами»³¹. В это же время в Дворцовом саду появляется новинка —

²⁹ Там же. Оп.1. Д. 77. Л. 272–274.

³⁰ РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 120.

³¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1076. Л. 15.

15 фонарных столбов³². В вечернее время сад теперь освещен. Тогда же произведен ремонт водопровода³³.

Ремонтные работы коснулись и дворцов: в 1880 году над бывшим дворцом великого князя Михаила Павловича надстраивается второй этаж «по высоте существующего мезонина», планировка комнат во дворце сохраняется, а на втором этаже приказано «расположение комнат сохранить как и в нижнем этаже, сохраняя кругом здания имеющиеся галереи»³⁴. Эти изменения происходят, когда у дворца меняется владелец: после великого князя Михаила Павловича дворцом владел великий князь Константин Николаевич, а в 1880 году новым владельцем дворца становится великий князь Владимир Александрович — для него и надстраивают дворец. С этого момента дворец приобретает тот вид, в котором он сохранился до наших дней.

По рассмотренным документам можно проследить неутешительную тенденцию: количество построек в Дворцовом саду неуклонно растет, планировка меняется, зеленых посадок становится все меньше. В конечном итоге это привело к тому, что к началу XX века Дворцовый сад приобрел крайне невыразительный характер, так как количество зданий и вспомогательных служб стало настолько большим, что сад местами стал восприниматься как внутриквартальное озеленение. На этом заканчивается период расцвета Дворцового сада, начинается его упадок. Летние гвардейские маневры в Красном Селе прекращаются, и Дворцовый сад теряет свой статус императорской и великокняжеской резиденции.

Окончательную точку в истории летней столицы императорской гвардии поставила Великая Отечественная война, нанеся непоправимый урон Красносельской земле. Что же стало с дворцами на территории красносельского Дворцового сада в XX столетии?

Во время оккупации дворец Николая I с башней использовался немцами как огневая точка — это определило судьбу здания: во время освобождения Красного Села от немецких захватчиков дворец был стерт с лица земли огнем нашей артиллерии³⁵. На месте дворца сейчас находится мемориальное захоронение советских воинов 1941–1945 годов.

³² Там же. Л. 61–111.

³³ Там же. Л. 45–60.

³⁴ Там же. Л.18.

³⁵ *Морозов Е. Е. Морозова С. Е.* Страницы истории и культуры Красного Села и его окрестностей. — СПб, 2007. — С. 67; *Пежемский В. Г.* Красное Село. Страницы истории. — М.: Центрполиграф, 2016. — С. 346.

Дворец Александра II (Г-образный в центре сада) не сохранился. Предположим, что он был утрачен во время Великой Отечественной войны.

Не сохранился и первый дворец Николая I и Александры Федоровны (построенный по одному плану с дворцом великого князя Михаила Павловича). Он был снесен в 1970-е годы во время перепланировки Красного Села³⁶.

Дворец для Александра III, перестроенный из кухни, существовал до 1977 года. После Великой Отечественной войны и до 1976 года в нем располагалась средняя общеобразовательная школа № 262. Так как дворец был деревянным, он быстро ветшал, и к 1976 году здание находилось уже в аварийном состоянии: на второй этаж было опасно подниматься и уроки велись только на первом³⁷. 1977 год стал последним для дворца, в этом году он сгорел³⁸.

Единственным дворцом на территории Дворцового сада, сохранившимся до наших дней, является дворец, построенный для великого князя Михаила Павловича. После Великой Отечественной войны в этом здании находились почта и телеграф, позднее отделение почты России № 20, участковый пункт полиции и мировые судьи Красносельского района. На данный момент здание находится в собственности полиграфической компании «Антея». Адрес этого здания: пр. Ленина, 114.

На сегодняшний день территория Дворцового сада — часть парка «Красное Село». Ничего не напоминает о былом величии этой местности, нет ни намёка на когда-то существовавшие здесь фонтаны, дворцы, цветники. Сад превратился в типичную зеленую зону наподобие сквера — с грубо выстриженными кустами и хаотично посаженными деревьями. Хочется надеяться, что однажды появятся хотя бы информационные стенды, рассказывающие об истории этой территории.

³⁶ Юркова З. В. Проект зон охраны памятников истории и культуры Красного Села и Дудергофа // Очерки истории Красного Села и Дудергофа. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. — С. 202.

³⁷ Морозов Е. Е. Морозова С. Е. Указ. соч. С. 68.

³⁸ Пежемский В. Г. Указ. соч. С. 347.

Д. В. Сакулина

Почти забытые имена...

В 1904 году настоятельница Городищенского Рождество-Богородицкого женского монастыря Волынской губернии Заславского уезда подала прошение в Санкт-Петербургское губернское правление на строительство в городе Ораниенбауме часовни. Разрешение было получено, и гражданским инженером П. П. Соколовым составлена смета на постройку в 2-х экземплярах.

Храм был возведен в 1905–1906 годах на пересечении Михайловской и Александровской улиц и освящён во имя святителя Николая Чудотворца, преподобного Серафима Саровского и царицы Александры.

Постройка исполнена в архитектурном стиле псковских и новгородских церквей. Маленькая звонница на кровле — образец неорусского стиля — рассчитана на один колокол (не сохранился). Изнутри стены храма украшала фресковая живопись на евангелические темы (не сохранилась). Известно, что центральным изображением была фигура святого Николая Мирликийского, по обеим сторонам которого располагались фигуры святых преподобного Серафима Саровского — справа и царицы Александры — слева.

В 1910 году появилась каменная арка для колокола с северной стороны над алтарной стеной.

Всё подворье занимало территорию между Александровской, Михайловской и Манежной улицами и состояло из каменного дома настоятельницы, четырех двухэтажных деревянных домов, дворницкой, прачечной и сушилки.

Известно также, что в 1912 году на подворье распоряжалась монахиня Иннокентия, а ризницей заведовала монахиня Олимпиада. Всего на

подворье трудились около 10 женщин. Они занимались рукоделием, шили постельное белье, стегали одеяла, изготавливали наряды для невест.

Дом настоятельницы был небольшой каменный, состоял из двух этажей и находился севернее часовни.

Насельницы жили в двухэтажных деревянных домах Т-образной формы, обшитых тесом, с каменным фундаментом. С оборотной стороны дома украшали фонарики-эркеры с небольшими фронтонами.

На 2-м этаже по обе стороны коридора располагались кельи. Внизу находились трапезная, помещение для приготовления пищи и швейные мастерские.

В местечке между Кронколонией и дачей Юсова монахини насадили сад и огород. Овощи, плодовые деревья и ягоды были серьезным подспорьем для подворья.

После 1917 года часовня была освящена как церковь. Богослужения совершались до 1931 года, после чего церковь-часовня была закрыта. Все постройки, включая храм, некоторое время использовались в хозяйственных целях — под склад, магазины, буфеты. Деревянные дома стали квартирными.

В Санкт-Петербургском мариологе духовенства и мирян в разделе «РПЦ. Духовенство и миряне» перечислены люди, пострадавшие за веру православную в годы гонений на церковь. Среди них есть и имена женщин, проживавших на подворье Городищенского монастыря в Ораниенбауме.

Виноградова Вера, послушница подворья, прислуживала в Серафимовской церкви¹. Затиная Феодора проживала на подворье с 1920-х годов. В августе 1930 пострижена в монахини. Вместе с ней приняли постриг Малюшкевич Мария, Кушнерева Ксения Степановна (монахиня Феодосия), Конанчук Александра (монахиня Серафима), Колтун Феодосия, Карпенко Анна (монахиня Августа).

Все они в 1932 году были арестованы и высланы из Ленобласти по «церковному делу». На этом сведения о дальнейшем жизненном пути этих женщин обрываются².

¹ Памятная книжка СПб губернии на 1914–1915 гг. — СПб, 1914.

² Санкт-Петербургский мариолог / Ответственный редактор профессор протоиерей Владимир Сорокин. Составители д.и.н. В. М. Шкаровский, Т. Н. Таценко, А. К. Галкин, А. А. Бовкало. — СПб.: Издательство «Мир», «Общество святителя Василия Великого», 2002. URL: <http://www.petergen.com/bovkalo/mart.html> (последнее обращение 13.06.2018).

Чуть побольше известно о судьбе ризничей монахини Олимпиады (Олимпиада Ивановна Корнейчук). Родилась она в 1870 в деревне Килькиев Изяславского уезда Волынской губернии. Прислуживая в церкви Серафимовского подворья в Ораниенбауме, занималась пошивом одежды, так как по профессии была швея. Арестована монахиня Олимпиада в 1931 году по делу ИПЦ (Истинной Православной церкви) и приговорена к ссылке в Архангельск на 3 года.

Судя по всему, судьба пощадила только часовню. В 50-х годах внутри церкви открыли керосиновую лавку. Старожилы Ораниенбаума вспоминают, что в алтаре стояла большая ванна с керосином на продажу. А в одном из деревянных домов расположили библиотеку, также там были в разное время маленький кинотеатр, продовольственный магазин и магазин посуды.

В 60-е годы дом настоятельницы разобрали. От подворья сейчас остался один полусторевший двухэтажный деревянный дом.

В 1991 году уцелевшая часовня была передана епархии и приписана к собору Архангела Михаила в Ломоносове.

В 2011 году благодаря пожертвованиям П. Н. Соловьева отреставрировали фасад часовни, купол, также были заменены окна. Зимой в том же году на куполе засиял новый позолоченный крест. Создал его кузнец из Ломоносова Александр Седунов по архивной фотографии. Вес креста — 100 килограмм.

3 апреля 2012 года распоряжением правящего митрополита Санкт-Петербургского Владимира часовня приписана к храму св. Спиридона Тримифунтского в Ломоносове. В том же году состоялись ремонт и освящение часовни. Торжественное богослужение провел настоятель храма св. Спиридона Тримифунтского протоиерей Олег Алексеевич Емельяненко в сослужении клирика прихода протоиерея Владимира Акимовича Гончаренко.

Вскоре была начата внутренняя роспись часовни художником-иконописцем Николаем Романовским (он же расписывал собор Архистратига Михаила в Ломоносове). Деньги на работы пожертвовал П. Н. Соловьев.

На сегодняшний день, действующая часовня является памятником архитектуры федерального значения и охраняется КГИОПом.

Г. А. Халемский

Краеведческий аспект динамики развития православия: к 100-летию Великой Октябрьской революции

В процессе нашей исследовательской работы, изучения архивных документов, из которых черпаем новые знания по вопросам истории нашего края и вводим их в научный оборот, мы постоянно уделяем определенное внимание поиску интересных сведений, касающихся православия.

В преддверии 100-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции, которую сейчас стали называть по-разному, нам интересно было найти количественные критерии, позволяющие отслеживать динамику изменений, касающихся православия, в нашем городе, районе на фоне исторических процессов в стране. Нам показалось, что таким критерием могут служить статистические данные о численности храмов и приходов.

Работая над этой темой, мы обнаружили, что порой статистические данные разных источников не в полной мере совпадают, хотя и, чаще всего, близки по своему значению. Нами проработаны материалы фондов Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб): фонда Р-9324 «Фонд Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по г. Ленинграду и области» и фонда Р-2017 «Фонд Уполномоченного Совета по делам религий по Ленинграду и Ленинградской области при Совете Министров СССР». Сначала приведем анализ дел фонда Р-9324.

К 1917 году в Петрограде было молитвенных заведений (церквей): приходских — 44; придворных — 12; военных — 43; монастырских — 28; кладбищенских — 24; домашних — 165 и 217 часовен. Всего, соответственно 316 и 217. «В результате Октябрьской Социалистической революции положение православной церкви в Советском государстве изменилось коренным образом. Православная церковь перестала занимать господствующее положение в стране, лишилась былых государственных привилегий и в дальнейшем была обречена на существование в прямой зависимости от поддержки ее православными — верующими людьми»¹.

К осени 1917 года Петроградская епархия была одной из самых крупных и богатых в стране. «Только в Петрограде с ближайшими пригородами находились 498 храмов, кроме того на территории епархии (в современных границах) действовали еще 782 собора и церкви. Существенную роль играли монастыри, которых в пределах епархии было 17»².

Наш анализ показал, что на территории Ораниенбаума и волостей, которые нынче составляют Ломоносовский район Ленинградской области, в то время действовало 28 церквей (не только приходских, но и домашних, кладбищенских, часовен, военных). А потом в период с 1917 по 1939 год перестали действовать и были закрыты все (подчеркнуто нами — Г. Х.) наши церкви (в т.ч. по 1920 год — 8; с 1921 по 1930 год — 8; в тридцатые годы — 12).

В Ленинграде и области только в период с 1917 по 1930 год ликвидировано церквей и часовен, соответственно, 390 и 252. Если говорить о стране в целом, то в России перед революцией в 1917 году было 78767 храмов и часовен, а в Советском союзе в 1941 году — 3732³.

Анализируем далее исследованные нами документы.

В деле «Список церквей и соборов гор. Ленинграда и Ленинградской области» (1944 год) приведена справка о количестве православных церквей, существовавших в районах Ленинградской области в 1941 году (до Отечественной войны): функционирующих — 38; не функционирующих — 116; всего — 154. (Необходимо отметить, что в 1941–1944 годах в состав Ленинградской области входили нынешние Псковская и Новгородская области.) Согласно этому документу, в Ораниенбаумском районе в это

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 3. Д. 23. Л. 40-41.

² «Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке. В свете архивных материалов. 1917–1941. Сборник документов» / Составители Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский. — СПб.: «Лики России», 2000. — С. 4.

³ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М: Вече, Лепта, 2010. — С. 429.

время действующих церквей не было, а не функционирующих числилось 3, но поименно они не названы⁴.

С позиций сегодняшнего административно-территориального деления до Великой Отечественной войны в Ленинградской области числилось 70 церквей, из которых 22 — действовали.

К началу войны в Ленинграде действовало всего 8 церквей: 1. Николо-Морской Собор. 2. Князь Владимирский Собор. 3. Спасо-Преображенский Собор. 4. Больше-Охтинская кладбищенская Никольская церковь. 5. Волковская кладбищенская Иовлевская церковь. 6. Коломяжская Дмитриевская церковь. 7. Серафимовская кладбищенская церковь. 8. Троицкая Лесновская церковь.

На 15.12.1943 г. по Ораниенбаумскому району действующих церквей — нет; а две не действующих — используются для культурно-хозяйственных целей. По состоянию на 07.07.1944 г. в области действующих церквей — 56; не действующих — 434; из них занято под хозяйственные и культурные цели — 238. В Ораниенбауме и его окрестностям в это время действующих церквей нет⁵.

Почему общее число церквей Ленинградской области заметно «подросло» стало ясно из содержания следующего исследованного нами материала — «Отчеты / информационные доклады и статистические таблицы / 1944 г.». В нем говорится: «В период временной оккупации немецкими захватчиками части районов Ленинградской области, указом отлученного от церкви изменника Родины экзарха Литвы и Эстонии — митрополита Сергия (Воскресенского) в гор. Пскове была создана т.н. «Православная Миссия в освобожденных областях России» во главе с протоиереем Кириллом Зайцем⁶ (в прошлом латышский миссионер). Пользуясь покровительством и заинтересованностью германского командования, «Православная Миссия» стала в оккупированных районах Ленинградской области открывать большое количество церквей.

В журнале «Православный Христианин» за № 1–2 (1943 год) секретарем Управления Миссии — священником Жунда⁷ — опубликованы... данные об открытии (с санкции германского командования) церквей в Ленинградской области и об укомплектовании их кадрами священнослужителей»⁸.

⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 14 Л. 5-5об.

⁵ Там же. Л. 10–13.

⁶ О Кирилле Ивановиче Зайце (1869–1948) подробнее см. сайт «Россия в красках». URL: <http://ricolor.org/history/pv/10/> (дата обращения 26.06.2018).

⁷ Николай Иосифович Жунда (1913–1953), протоиерей.

⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 об.- 2.

Если в июле 1941 года, например, в Луге и Лужском уезде церквей не было, то в 1942 году число приходов в Луге — 2 и в бывшем Лужском уезде — 40, а в бывших Царскосельском и Петроградском уездах, соответственно, в июле 1941-го — 5, в 1942 году — 33.

А из другого дела узнаем о том, что в таких районах, как Вознесенский, Оредежский, Кингисеппский и др., где до прихода фашистских захватчиков не было ни одной действующей церкви, «Псковская православная миссия» открыла в Вознесенском районе — 7, в Оредежском — 8, в Кингисеппском — 11 церквей. В Гатчинском районе вместо двух церквей стало действовать 13, в Волосовском — вместо двух — 11 церквей, а в Павловском районе вместо одной — 6⁹.

При этом по официальным данным действующих церквей по Ленинграду — 8, по Ленинградской области — 48. Не действующих по г. Ленинграду — 45 (из них занято для хозяйственных и культурных целей — 45), по Ленинградской области — 389 (из них занято для этих целей — 193)¹⁰.

На 1 октября 1944 года в Ленинграде и Ленинградской области было 65 действующих церквей (8 и 57, соответственно)¹¹.

В деле «По учету церквей и молитвенных домов» (начато 01.01.1945, окончено 31.12.1945) дан список действующих церквей Ленинградской области за 1944 год, в которую тогда, как мы уже знаем, входили и Псковская, и Новгородская области¹².

На листах 14–15 этого дела приведен «Список каменных церковных зданий Ленинградской области, состоящих под Госохраной». Всего таких зданий было 56. Шесть из них находились на территории Ораниенбаумского района:

— Преображенский Собор с. Копорье. В списке отмечено, что нет данных как в то время использовался собор. Указано, что здание предположительно XIV века (в документе стоит знак вопроса), имеет локальные повреждения.

— Кладбищенская церковь с. Копорье, 1784 год, имеет локальные повреждения. (Отметим, что в известном, заслуживающем доверия издании «Земля Невская, православная. Православные храмы пригородных

⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 3. Д. 23. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 23–24.

¹¹ Там же. Л. 32.

¹² ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2.

районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области» указана другая дата строительства, а именно 1857–1861 годы)¹³.

– Троицкая церковь с. Гостилицы, 1755 год, в хорошем состоянии.

– Александрийская церковь Бабигона, 1851 год, данных о состоянии нет.

– Никольская церковь с. Высоцкое, год создания не указан. (1770–1778 годы, перестроена в 1866 году)¹⁴.

– Покровская церковь с. Дятлицы, 1731 год, в хорошем состоянии. (1771–1775 (?) годы)¹⁵.

Очередной объект нашего исследования — «Информационные доклады Уполномоченного о работе за IV квартал 1945 года, I–III кварталы 1946 года, сведения об изменении численности храмов (по сравнению с 1941 г.) и др.»¹⁶.

Из информационного сообщения Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Ленинграду и области Кушнерева: «В городе Ленинграде и Ленинградской области до начала Отечественной войны Советского Союза с фашистской Германией функционировала 21 церковь. Из них в г. Ленинграде — 8 церквей и в области — 13 церквей. В период временной оккупации части районов Ленинградской области так называемая православная миссия под немецким покровительством открыла еще 87 церквей и таким образом их стало 108»¹⁷.

При отступлении немцы часть церковных зданий взорвали и после их изгнания с нашей территории оставалось 66 действующих церквей (на 01.01.45). А на 01.01.46 г. функционировало 50 церквей.

В продолжении изучения этого фонда было исследовано дело «Документы по учету церквей и молитвенных домов за 1947 год»¹⁸.

В Ораниенбаумском районе действующих церквей не было. Не было нашего района и в списке зарегистрированных церквей по Ленинградской области¹⁹.

¹³ «Земля Невская, православная. Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Краткий церковно-исторический справочник». — СПб: «Лики России», 2006. — С. 50.

¹⁴ Там же. С. 51.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 3. Д. 10.

¹⁷ Там же. Л. 19.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 2. Д. 16.

¹⁹ Там же. Л. 3, 9–11.

В списке недействующих церквей Ленинградской области²⁰ среди 129 церквей 7 объектов относятся к Ораниенбаумскому району (указан год закрытия и как здание используется в настоящее время):

- собор Архистратига Михаила в г. Ораниенбауме; год закрытия — 1931, хозяйственные цели;
- церковь Свято-Троицкая в г. Ораниенбауме, 1937, хоз. цели;
- церковь Исцелителя Пантелеймона в г. Ораниенбауме, 1920, хоз. цели;
- церковь Спиридония в г. Ораниенбауме, 1928, хоз. цели;
- церковь женского монастыря Серафима Саровского, 1928, хоз. цели;
- церковь «Утоли моя печали» в пос. Мартышкино; год не указан, хоз. цели;
- Покровская церковь села Дятлицы; год закрытия не указан, не используется; в удовлетворительном состоянии.

Нужно отметить, что во всех случаях, указанный в списке год закрытия несколько отличался от приведенного в уже упоминавшемся справочнике «Земля Невская, православная. Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области».

В Списке зарегистрированных церквей по Ленинградской области за 1948 год 53 наименования, среди которых церквей Ораниенбаумского района нет²¹.

В документах 1951 года сказано, что прием тов. Сталиным И. В. церковной делегации в 1943 году и «доброжелательное» (в документе это слово пишется именно так, в кавычках!) отношение к нуждам церкви, окончательно окрылило дух церковников. Скоро вновь было восстановлено патриаршество, воссоздан Синод при патриархе, состоялся «поместный собор епископов», открылось несколько духовных школ, началось печатание церковного журнала и издание церковных книг, командировки церковных людей за границу²².

В этот период было подано 235 заявлений с просьбой об открытии 84 церквей, в т.ч. — 41 ходатайство по г. Ленинграду и по Ленинградской области — 194. К наиболее активным группам верующих, упорно добивающимся открытия церквей, относились представители Госненского, Сланцевского, Мгинского и Волосовского районов. Информации о таких обращениях жителей Ломоносовского района Ленинградской облас-

²⁰ Там же. Л. 12–19.

²¹ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 2. Д. 22. Л. 10–12.

²² Там же. Оп. 3. Д. 23. Л. 41–43.

ти дело не содержит (в 1948 году Ораниенбаумский район был переименован в Ломоносовский). Свои ходатайства об открытии церквей верующие адресовали во все возможные инстанции: тов. Сталину, в Верховный Совет СССР, Ленгорисполком, Леноблисполком, в районные Советы, Совету по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и его Уполномоченному, а также по линии церковной — патриарху, митрополиту и т.д.

В результате поданных верующими ходатайств, решениями Совета по делам РПЦ при Совмине СССР в период с 1944 по 1947 год было открыто 15 церквей. В 1948, 1949, 1950 и 1951 годах как в Ленинграде, так и в Ленинградской области церкви не открывались. Решением Ленгорисполкома и Леноблисполкома было отказано в открытии по 152 заявлениям или по 64 церквям.

На конец третьего квартала 1951 года функционировало 56 церквей, из них 11 в городе Ленинграде и пригородах (Лисий Нос Сестрорецкого района и д. Коломяги Выборгского района и 45 церквей в районах Ленинградской области²³.

Действующих церквей в Ломоносовском районе так и не было²⁴.

Еще ряд лет практически ничего не менялось. Однако в шестидесятые годы был отмечен очередной «натиск» государства на православную церковь. Статистические данные о положении РПЦ (Московский Патриархат) показывают, что в период с 1961 по 1986 год число храмов и молитвенных домов в СССР уменьшилось почти вдвое: с 11572 до 6794²⁵.

Потом начнется возрождение православной церкви: с 1988 по 2000 год число культовых зданий РПЦ в СССР — Российской Федерации увеличится почти втрое — с 6893 до 19417²⁶. (Вспомним про 78767 храмов и часовен в 1917 году!).

А мы перейдем к фонду Р-2017 «Фонд Уполномоченного Совета по делам религий по Ленинграду и Ленинградской области при Совете Министров СССР» Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга.

Первое исследованное нами дело этого фонда — «Формы статистических отчетов с 1973 по 1980 г. Том 1», содержащее сведения о религиозных объединениях в Ленинграде и Ленинградской области за 1973 год²⁷.

²³ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 3. Д. 23. Л. 45.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 54.

²⁵ Шкаровский М. В. Указ. соч. С.430–431.

²⁶ Там же. С. 431.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 3. Д. 2. Л. 147–155.

Из заполненной формы видно, что в этот год в Ленинграде и Ленинградской области кроме 44 православных церквей (в Ленинграде — 15; в Ленинградской области — 29) была 1 католическая церковь, 2 старообрядческие церкви беспоповского согласия, 1 объединение мусульманской религии, 1 — иудейской; и 1 — евангелических христиан-баптистов. Всего — 50 зарегистрированных религиозных объединений. Были и незарегистрированные организации, в т.ч. — пятидесятники и адвентисты седьмого дня.

Наш анализ показывает, что в 1973 году не было православных церквей в пяти районах Ленинградской области из семнадцати: Киришском, Кировском, Лодейнопольском, Ломоносовском и Приозерском.

Обратимся к другому делу того же фонда Р-2017 — годовому отчету Ленинградской митрополии за 1987 год. Согласно этому документу общее количество приходов — 48, из них каменных — 34, деревянных — 14. Соборных — 8; приходских — 40; монастырских — нет.

В это время храмы епархии делились на 4 благочиннических округа: I-й благочиннический округ (городской) — 13 церквей; II-й благочиннический округ — пригородный — 10 церквей; III-й благочиннический округ (Лужский) — 8 церквей; IV-й благочиннический округ (Гатчинский) — 11 церквей²⁸.

Последнее архивное дело, которое мы упомянем в нашей статье, называется «Переписка с разными организациями» (1990 г.). На бланке Уполномоченного Совета по делам религий по Ленинграду и Ленинградской области № 272 от 7 сентября 1990 года речь идет о резком росте религиозной активности в городе и области за последние несколько лет: «Так, например, если в 1987 г. было зарегистрировано всего 57 религиозных объединений 9-ти конфессий, то сейчас действует уже 121 религиозное общество, представляющее 16 различных вероисповеданий. Из них Русской православной церкви — 84 общества». А также объекты других конфессий: католики — 2, лютеране — 8, старообрядцы — 3, евангелистские христиане-баптисты — 12, пятидесятники — 3, армяне — 3. Мусульмане, иудеи, адвентисты седьмого дня, буддисты, чуриковцы, кришнаиты и мормоны — по одному обществу²⁹. Среди названных 84 церквей впервые после довоенного времени был и храм нашего края — Собор Архистратига Михаила в Ломоносове, остальные ранее закрытые церкви Ломоносовского района будут возрождены еще через несколько лет.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 3. Д. 16. Л. 2–5.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 127. Л. 210.

В последние годы XX века в Ломоносовском районе Ленинградской области и в Ломоносове возобновили свою работу 7 объектов православного культа.

На 1 ноября 2002 года в Ленинградской епархии было 287 приходов, приписных храмов 89, 109 часовен, а на конец ноября 2007 года — 502 прихода и приписных храма и 186 часовен³⁰.

Процесс продолжается и на 2009 год в епархии было уже 25 благочиний, более 330 приходских храмов, а с соборами и храмами вне благочиний, церквями ставропигиальных монастырей и подворий, учебных заведений Санкт-Петербургской епархии, мужских и женских монастырей и подворий, сектора тюремного служения и монастырей и подворий иных епархий на территории нашей епархии их свыше 370. Примерно такое же количество приписных, домовых церквей и часовен.

Только в составе благочиний — два десятка приходских, приписных, домовых церквей и часовен Ломоносовского района и г. Ломоносова, распределенные по шести благочиниям: Петергофскому — 6; Сосновоборскому — 6; Военному — 3; Красносельскому — 2; Волосовскому — 2; Царскосельскому — 1.³¹

В течение последних ста лет более половины из ныне действующих церквей в Ломоносовском районе Ленинградской области и г. Ораниенбауме (Ломоносове) не существовало. Сейчас православие в наших краях возрождается. В процессе восстановления некоторые исторические храмы. Воссоздана Бабигонская Александровская церковь. Восстанавливается Больше-Ижорская Николаевская церковь, Отреставрирована и в 2012 году открыта для прихожан небольшая часть Копорского Преображенского собора. Восстанавливается церковь в Дятлицах. Решается вопрос о возможности восстановления Благовещенской церкви в селе Коваши.

Таким образом, рассмотренный краеведческий аспект развития православия, анализ статистики численности объектов православного культа в Ораниенбауме-Ломоносове и его районе вполне соотносится с динамикой изменений, касающихся православия в Петербурге-Петрограде-Ленинграде-Санкт-Петербурге и стране в целом за последние сто лет. Очевидно положительное влияние православной культуры на развитие нашей страны, что отражает уровень цивилизации общества, его многополярность и толерантность.

³⁰ Санкт-Петербургская епархия. URL: <http://drevo-info.ru/articles/3547.html/> (дата обращения 26.06.2018).

³¹ Санкт-Петербургская епархия — 2009: Справочник/ Под ред. прот. А.Сорокина. — СПб.: Ладан, 2008. — 496 с.

В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК И АРХИВОВ. ПОИСКИ И НАХОДКИ

Я. О. Александрова

Кондитерская упаковка в коллекциях СПб ГБУК «Музей “Разночинный Петербург”»

Упаковка — один из любимых предметов коллекционирования. Она выступает как свидетель времени, а также может обладать художественной ценностью. В фондах музея «Разночинный Петербург» собрана упаковка отечественного и заграничного производства, предназначенная для хранения разнообразных изделий, продуктов питания, жидкостей: парфюмерные флаконы, косметическая тара, стеклянные бутылки.

О «сладкой жизни» ушедших эпох напоминает кондитерская упаковка. Особое внимание заслуживают образцы упаковки кондитерских фабрик Петербурга, Петрограда, Ленинграда. Более подробно, хотелось бы, рассказать о нескольких предметах.

Кондитерское дело в Петербурге имеет вековую историю. Первые кондитерские открылись в XVIII веке. Посетителям предлагали попробовать марципан, конфеты, пирожные, выпить чашечку кофе. В XIX веке появились крупные производители сладкой продукции, среди них: «Г. Ландрин», «М. Конради», «Блигкен и Робинсон», «Жорж Борман», «Братья Елисеевы», «П. И. Плетюхина Сыновья». Они предоставляли

широкий ассортимент кондитерских изделий: шоколад, печенье, бисквит, конфеты, карамель, пастилу, мармелад.

Уже тогда изящно оформленная упаковка и размещенная на ней информация считались залогом успешной торговли. Сладости упаковывали не только в простую бумагу, но и в яркие обертки, коробочки из разного материала и формы. В 80-е годы XIX века, когда был разработан способ нанесения изображения на жести методом хромолитографии (металлохромия)¹, появляется и становится популярной жестяная тара.

Часто упаковку заказывали на предприятиях, специализировавшихся на производстве тары из жести. Самыми известными производителями в то время были: печатная мастерская А. Жако, торговый дом «Жестянка», фабричное торговое товарищество Н. Растеряева, фабрика металлических коробок Генерального общества французской ваксы².

Декор представлял собой сюжетные сценки, орнаменты. Выпускалась серия упаковок на определенную тему или приуроченная к юбилейным датам. Для детей в коробки вкладывали игрушки, картинки.

На кондитерской упаковке также помещали изображения фабричной марки, наград, сообщали о том, что владелец производства является поставщиком императорского двора, указывали производителя тары.

В музее «Разночинный Петербург» упаковка, изготовленная во времена императорской столицы представлена тремя фабриками: «Жорж Борман», «М. Конради», «Карл Бездэка».

Паровая шоколадная, бисквитная и конфетная фабрика «М. Конради» была основана в Петербурге в 1853 году выходцем из Швейцарии Морицом Конради. Фабрика располагалась на Петергофском проспекте. Среди продукции самой большой популярностью пользовался молочный шоколад. В музее есть жестяная коробочка «М. Конради». На лицевой стороне крышки изображены девушки, собирающие пшеницу в поле и надписи: «М. Конради», «С. Петербургъ», на стенках коробочки — типичные среднерусские пейзажи.

Хорошие упаковки люди, как правило, не выбрасывают, а используют в хозяйстве. У фабрики «Жорж Борман» была серия «Смесь для хозяек»³ с

¹ Хромолитография — это способ печати изображений с использованием нескольких цветов. При использовании этого способа краска переносится со специального литографического камня на бумагу или холст.

² *Смирнов Н. Н.* Петербург. История торговли. Том I. — СПб: Третье тысячелетие, 1999. — С. 78.

³ *Березовская Л. Ю.* Сладкая жизнь: жестяная упаковка кондитерских фирм России / Л. Ю. Березовская; Музей хлеба. — СПб.: Арт-Палас, 2006. — С. 8.

названием не самого печенья на жестяных коробках, а сыпучего продукта, который в дальнейшем мог там храниться: мука, сахар, рис. В коллекции музея — коробка для хранения крупы. На передней стенке: сверху — имя производителя тары: «А. Жако и Ко. Москва», ниже — надпись: «Крупа» и фабричная марка «ЖБ». На основании: изображение гербового орла и надписи: «Т-во фабр. «Жоржъ Борманъ» С. Петербургъ, Москва, Харьковъ, Нижегород. Ярмарка»⁴. В археологической коллекции есть сосуд из прозрачного стекла. На тулове — рельефная надпись: «Жоржъ Борманъ». В нем могла продаваться карамель.

История кондитерского производства «Жорж Борман» начинается в 1862 году, когда Григорий Николаевич Борман основал в Петербурге кондитерскую фирму. На Невском проспекте открылся первый магазин, где была установлена ручная машина для выделки шоколада. Вскоре на Английском проспекте построили фабрику. Фабрика «Жорж Борман» открылась и в городе Харькове. «Жорж Борман» производил различные сладости, кофе, какао. Владелец был удостоен звания «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Уже после национализации, в 1922 году, фабрика в Петербурге получила новое имя — «Первая государственная конфетно-шоколадная фабрика имени революционерки Конкордии Самойловой».

В Петербурге на Максимилиановском переулке, 21⁵ (сейчас — переулок Пирогова) австрийский подданный Карл Францевич Бездэка открыл мастерскую по производству вафель. Со временем мастерская была преобразована в шоколадную фабрику. Фабрика меняла адреса: Измайловский проспект, Балтийская улица.

Фабрика «Карл Бездэка» в музее представлена жестяной коробкой. На лицевой стороне крышки — работа художника С. С. Соломко⁶ «Счастливая пора», на внутренней стороне: фабричная марка, медали, полученные за качество на российских и зарубежных выставках, надпись: «Акционерное общество Шоколадной фабрики Карлъ Бездэка С.Петербургъ». На бумажной бандероли на передней стенке сохранилась часть надписи:

⁴ У товарищества «Жорж Борман» были фабрики: в Петербурге и Харькове; оптовые склады: в Москве и Нижнем Новгороде. Ежегодно фабрика представлялась на Нижегородской ярмарке.

⁵ «Весь Петербург» на 1907 год. Адресная и справочная книга: [Электронный ресурс]. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020040/view#page=867> (дата обращения: 22.11.2017).

⁶ Сергей Сергеевич Соломко (1867–1928) — русский художник, акварелист, график.

«Петрог». Данный предмет был изготовлен в период с 1914 по 1917. После национализации производство было переименовано в 4-ю государственную конфектно-шоколадную фабрику Бездэка. В дальнейшем название менялось: «Марти», 4-я Государственная конфетная фабрика «Кондитер», 4-я конфектно-шоколадная фабрика «Красный кондитер». В годы войны на базе фабрики открылся Ленинградский витаминный завод № 2⁷.

В 1918 году кондитерские фабрики были национализированы. Одни закрылись, другие продолжили свою деятельность под другими названиями. Появились новые предприятия.

На кондитерской упаковке появляется советская символика, отражаются значительные события, происходящие в мире: строительство метрополитена, освоение космоса, Олимпиада. Выпускают продукцию к юбилеям Великой Октябрьской Социалистической Революции, победе в Великой Отечественной Войне и другим праздникам. Жестяную упаковку потеснила картонная, но тоже красочно оформленная. В музее — несколько образцов картонной упаковки. Например, от Фабрики им. Самойловой — приемницы «Жорж Борман». На всех коробках стоит фабричная марка. На коробке для конфет «Лоби—Тоби» (кстати, ещё дореволюционное название) указан производитель тары: «2-я КАРТОНАЖНАЯ ФАБРИКА», на коробке для печенья «Алые цветочки»: «2-я Лен. офс.» (2-я Ленинградская фабрика офсетной печати). Красиво украшена коробка для набора зефира, на лицевой стороне изображен фотопортрет «Аленушка» работы Н. Хорунжего⁸. Фабрика им. К. Самойловой работает по сей день и входит в Холдинг «Объединенные кондитеры»⁹.

Монпансье выпускали в жестяной упаковке. Родиной леденцов является Франция. В России очень любили «ландриновское монпансье», которое изобрел Георгий Матвеевич Ландрин (1821—1882). Здание фабрики «Г. Ландрин» находилось на Екатерингофском проспекте, 7—9¹⁰, позже на Большом Сампсониевском проспекте были построены новые цеха. После революции фабрика на Большом Сампсониевском проспекте (в 1918 году — проспект Карла Маркса) была переименована в 3-ю госу-

⁷ CITYWALLS. URL: <http://www.citywalls.ru/house9566.html?s=6kuftoci8nstuota1t-4j4eqno3> (дата обращения: 22.11.2017).

⁸ Николай Константинович Хорунжий (1907—1979) — известный советский фотограф.

⁹ Холдинг «Объединенные кондитеры». URL: <http://www.uniconf.ru/factories/im-samoilovoy/> (дата обращения: 27.02.2018).

¹⁰ «Весь Петербург» на 1912 год. Адресная и справочная книга. — С.1399.

дарственную шоколадную фабрику и вошла в систему Госпищетреста. В музейной коллекции имеются несколько жестяных коробок для монпансье. На крышке — надпись: «ГОСПИЩЕТРЕСТ», на передней стенке, сверху указан производитель тары — московский завод «Мастяжарт», ниже — надписи: «МОНПАСЬЕ», «б. «Г. ЛАНДРИН» (бывшая фабрика «Г. Ландрин»). Наследником «Г. Ландрин» является фабрика «Азарт».

В 1928–1931 годах на Екатерингофском проспекте, 9 (сейчас проспект Римского-Корсакова) работала фабрика Ленинградского союза потребительских обществ¹¹. В музее представлена жестяная упаковка от продукции этой фабрики.

В экспозиции музея «Разночинный Петербург» представлены образцы упаковки разных производств. Некоторые другие — можно увидеть на выставках. Каждая упаковка индивидуальна. Она расскажет, когда, где, кем она была сделана и что в ней хранилось. Упаковка — это память о фабриках, которые были закрыты.

¹¹ Квартальный надзиратель. 2006. № 43: [Электронный ресурс]. URL: <http://kn.sobaka.ru/n43/04.html> (дата обращения: 22.11.2017).

Н. Ф. Золотухина

Новое в исследовании истории создания картины Рембрандта «Возвращение блудного сына» (Государственный Эрмитаж)

Исследователь и хранитель коллекции произведений Рембрандта в Государственном Эрмитаже И. В. Линник в своё время отмечала, что мотивы обращения Рембрандта к притче о блудном сыне до сих пор окутаны тайной. Так, в одной из своих публикаций И. В. Линник пишет: «Невольно возникает вопрос: не был ли Рембрандт инспирирован каким-то внешним фактором и это впечатление совпало с собственными поисками мастера и помогло ему сформулировать свою идею <... > Особенности картины (в том числе её размеры) заставляют задуматься о том, кто же был её заказчиком и не было ли для неё специального предназначения. Ответов на эти вопросы мы пока не знаем»¹.

В 2012 году в рамках международного проекта «Выдающиеся педагогические умы и их влияние на интеграцию Европы: прошлое, настоящее,

¹ *Линник И. В.* Новые данные к истории создания картины Рембрандта «Возвращение блудного сына» // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. — СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. — С.17, 19.

будущее»² я подготовила статью в соавторстве с профессором кафедры ЮНЕСКО РГПУ им И. А. Герцена Л. А. Баясниковой, посвященную вкладу Яна Амоса Коменского в сокровищницу мировой науки и культуры, в просветительскую и миротворческую деятельность³. Готовя эту публикацию, в книге чешского исследователя Милоша Вацлава Кратохвила⁴ я встретила упоминание о встрече Яна Амоса Коменского и Рембрандта в Амстердаме.

Ян Амос Каменский (1592–1670) — гуманист, просветитель, основатель педагогической науки родился в Нивнице (Южная Моравия) в семье, входившей в состав чешской протестантской общины «богемские братья». За участие в борьбе против немецкого дворянства и владычества католической церкви эта община была изгнана из страны. Коменский с детства впитал в себя идеалы свободы и служения родине, неразрывно связанные в его сознании с идеями христианского братства и служения всему человечеству. Стремление к знаниям, педагогический талант, высокие духовно-нравственные качества личности Коменского заслужили уважение у членов общины. Ему была предоставлена возможность получить среднее, а затем высшее образование. Община поручила ему возглавить братскую школу, единодушно избрала его священником, а впоследствии и епископом общины. Направленность просветительской деятельности, которую Коменский вел в различных странах Европы, спасаясь от преследований католической церкви, определялась органичным сочетанием в его мировоззрении научных знаний, педагогического опыта и этики, восходящей к истокам христианства и противостоящей догматизму во всех его проявлениях.

Ряд моих публикации по вопросам педагогики были посвящены идеям Коменского, которые поразили меня своей масштабностью, ка-

² Международный проект «Выдающиеся педагогические умы и их влияние на интеграцию Европы: прошлое, настоящее, будущее» был инициирован польскими партнерами кафедры ЮНЕСКО РГПУ им А. И. Герцена, где я работала в качестве доцента. По итогам проекта была выпущена трехтомная монография, в ней приняли участие ученые и практики в области педагогической науки и образования из 14 стран.

³ *Ludmila Baliashnikova, Natalia Zolotukhina: The Prototype of a New World Order in the Pedagogy and Activities of John Amos Comenius.* W “European ideas in the works of famous educationalists internationalization, globalization and their impact on education editors: Ryszard Kucha and Henryk Cudak. Łódź 2013”, First Book, p. 425–448.

⁴ *Кратохвил М. В. Жизнь Яна Амоса Коменского.* — М.: Просвещение, 1991. — С. 159–161.

ким-то планетарным видением проблем и перспектив развития общества, не утратившим своего значения и в наши дни⁵.

Обоснованию проекта по улучшению человеческих отношений и общественной жизни Коменский посвятил семитомный труд «Всеобщий совет об исправлении человеческих дел». В этом же контексте общественно-просветительской деятельности Я. Коменского, на мой взгляд, следует рассматривать и его идею международного сотрудничества, и его педагогические труды, направленные на развитие у детей мировоззрения и опыта деятельности, на формирование широкого взгляда на окружающий мир и в то же время на укрепление духовной основы личности. Духовно-педагогическая направленность пансофической концепции исправления человеческих дел явилась, по моему убеждению, основой предвидения сценариев человеческой истории и позволила Яну Амосу Коменскому в середине XVII века создать проект социокультурных преобразований, опередившим свою эпоху на несколько столетий. Этот проект в полной мере можно охарактеризовать как концепцию нового мирового порядка. В разгар политических и религиозных междоусобиц Коменский предложил организовать международный центр, который объединил бы усилия всех прогрессивно мыслящих людей по сохранению мира, налаживанию международного сотрудничества в области политики, науки и образования. Спустя века эта идея была воплощена в создании международных организаций ООН и ЮНЕСКО.

Наследие Яна Амоса Коменского включает более 140 трудов, однако только в контексте его основного труда можно понять значение его книги «Великая дидактика». Как это характерно для многих великих творцов, всю жизнь он по существу создавал один единственный труд: грандиозную по своим масштабам философскую картину мира, символом которой являлось Древо познания и совершенствования. И то семя, из которого произрастало это древо — сочинение «Лабиринт света и рай сердца»⁶, написанное Яном Амосом в 1623 году, когда он перешагнул тридцатилетний рубеж своей жизни.

⁵ Золотухина Н. Ф. Идея непрерывного образования в системе просветительской и научно-педагогической деятельности Яна Амоса Коменского // VIII Царскосельские чтения. Том III. — СПб., 2004. — С. 38–41; Золотухина Н. Ф. Миротворческие концепции нового мирового порядка в педагогическом измерении // Реальность этноса: Образование и этническая безопасность. — СПб., 2011. — С. 61–68.

⁶ Коменский Я. А. Лабиринт света и рай сердца // Сочинения. — М.: Наука, 1997. — 476 с.

«Лабиринт света и рай сердца» стал путеводной звездой, осветившей путь странника, измученного, но не сломленного ударами судьбы. После битвы у Белой Горы под Прагой (8.11.1620), когда Чехия утратила независимость, австрийские католические завоеватели, опиравшиеся на испанскую армию и инквизицию, продолжили разрушение чешской культуры. К лету 1622 года это вплотную коснулось и Яна Амоса; на него, одного из виднейших деятелей общины чешских братьев в Моравии, был выписан приказ об аресте. Ему реально угрожает смертельная опасность. В Праге сжигают все рукописи и книги Коменского. Лишившись семьи — жены и двух сыновей, погибших летом 1622 года во время эпидемии чумы, привычной среды, общины, учеников, дела жизни, родины, книг, имущества, не видя просвета в будущем, Коменский, чтобы не пасть окончательно духом, ищет выход своему горю в творчестве. К концу 1623 года он создает три произведения поэтически-исповедального характера: «Средоточие обеспеченности», попытка понять страшный мир как громящее колесо, губительное для всех, кроме утвердившихся в его неподвижном центре; диалог «Скорбящий», беседа разбитого сердца с пытающимся утешить его рассудком и, наконец, «Лабиринт света и рай сердца».

Многие мысли, высказанные Коменским в его философско-педагогических произведениях, особенно в последний амстердамский период его жизни, показались мне созвучными библейской притче о блудном сыне. Вот, что писал Коменский в 1668 году за два года до своей кончины.

«В коротком художественном автобиографически-исповедальном произведении “Единое на потребу”, или Что надо знать в жизни, в смерти и после смерти и что старик Ян Амос Коменский на 77-м году своей жизни, устав от ненужных вещей мира и отдавая себя единому необходимому, предлагает на рассмотрение света, он подытоживает свой жизненный опыт в трех образах земного пути человека: лабиринт, Сизиф, Тантал. Миф о лабиринте, который был построен на Крите для того, чтобы заключить в него Минотавра, сына жены критского царя Миноса, родившей его от быка, изображает отпадение человеческой души от Бога, ее подверженность животным, звериным искушениям эгоизма и похоти и ее греховность, видя которую, Бог для наказания и воспитания души превращает материальный мир, этот “театр божественной премудрости”, в лабиринт. Разрозненные человеческие усилия становятся после этого Сизифовым трудом, который лишь ослепленной душе может казаться осмысленным, но в смертный час обличает себя как напрасная суета. Наше стремление к проходящим благам, даже после их приобретения, не дающим радости,

превращает земную жизнь в муки Тантала, который видел вблизи избыточные яства и питье и не мог до них дотянуться»⁷.

«Лабиринт» — это аллегорический символ существующего миропорядка. Созданные в первой его части метафорические образы тщеты приземленных человеческих желаний, пустоты мира, из которого вынуты любовь и сердечные отношения между людьми, ностальгия по душевной устроенности, рисуют впечатляющую картину бессмысленных блужданий человека в потемках духовного невежества и полуживотного существования, подобную полотнам Босха или Брейгеля. Но вторая его часть — «рай сердца» достойна сравнения с другим величественным творением, символизирующим неизбежное возвращение человека в свой духовный Отчий Дом — картиной «Возвращение блудного сына», принадлежащей кисти великого Рембрандта.

Разве не символично, что подведение жизненных итогов двух гениев оказались так близки по духу именно в контексте библейской притчи о возвращении блудного сына?!

Когда через два года я вернулась к этой теме⁸, то решила более тщательно ознакомиться с обстоятельствами знакомства Коменского и Рембрандта в Амстердаме. И первое, что я обнаружила в Интернете — это портрет Коменского, созданный Рембрандтом в 1660 году, непосредственно перед началом его работы над картиной «Возвращение блудного сына». Позицию по поводу того, когда Рембрандт работал над полотном «Возвращение блудного сына», отличную от общепринятой, высказала в свое время И. В. Линник: «Относительно датировки нет установившегося мнения. Х. Герсон помещает её среди произведений, созданных Рембрандтом в 1661 году, в то время как Б. Хак придерживается традиционной трактовки 1668–1669 годов <...>. Для подобного вывода нет оснований. Представляется правильным датировать полотно началом 1660-х годов»⁹.

Необходимо пояснить, что вопрос об атрибуции этого холста как портрета Яна Амоса Коменского до сих пор является предметом обсуждения. Так, директор музея Я. А. Коменского в Праге Маркета Панкова в своей монографии «Ян Амос Коменский в изобразительном искусстве» по поводу этого портрета пишет следующее:

⁷ *Коменский Я. А.* Сочинения. — М.: Наука, 1997. — С. 408.

⁸ *Золотухина Н. Ф.* Ян Амос Коменский и Рембрандт ван Рейн // «Социальное взаимодействие в различных сферах жизнедеятельности. — СПб.: Экспресс, 2015. — С. 88–92.

⁹ *Линник И. В.* Голландская живопись в музеях Советского Союза. — Л.: Авра, 1984. — С. 147.

«Смелое предположение, что Рембрандт написал портрет Коменского, по-прежнему актуально, несмотря на то, что в 1956 году картина была определена как портрет старого раввина Саула Леви Мортейра. Упомянутое произведение под названием *Ritratto di un vecchio*¹⁰ с датировкой около 1658–1660 г.г. хранится в Галерее Уффици во Флоренции. <...> Впервые оно прозвучало в 2006 году, когда широкая общественность отмечала четырёхсотый юбилей со дня рождения художника и были организованы выставки произведений Рембрандта в Амстердаме и в Берлине. Появился ряд новых статей, в частности в связи с интервью с Эрнестом ван де Ветерингом из Амстердамского Университета, который относится к крупнейшим экспертам произведений этого голландского художника. Существует большая вероятность того, что известный голландский художник писал Коменского, так как Коменский жил недалеко от его мастерской в квартале Вестермаркт на Принсенграхт. Рембрандт писал также портреты членов дворянской семьи де Геер¹¹, покровителей Коменского. Людвиг IV де Геер поддерживал целый ряд известных учёных, среди них и Яна Амоса Коменского. Финансовая поддержка со стороны Людвига дала Коменскому возможность работать, например, над реформой школы в Швеции, или издавать различные документы (среди них крупнейшее дидактическое произведение “*Opera didactica omnia*”, которое вышло в Амстердаме в 1657 году). Коменского поддерживал и сын Людвига, Лаврентий де Геер (1614 – 1666)»¹².

В Амстердам Коменского привели очередные гонения, заставившие его обратиться за помощью к своему другу Петру Фигулу. В ответном письме Коменскому Фигул передаёт ему приглашение от Лаврентия де Геера приехать в Амстердам. Вот, как описывает приезд Яна Амоса Коменского в Амстердам в 1657 году Милош В. Кратохвил:

«Тем приятней он был удивлён оказанным в Амстердаме приёмом не только со стороны сына Людвига де Геера — Лаврентия, но и официальных городских властей. Молодой де Геер немедленно поселил гостя на одной из лучших улиц — Принсенграхт, а городские власти предложили почётную, но хорошо оплачиваемую профессию в Амстердамском университете. Блестящее предложение отражало уважение города к Комен-

¹⁰ Портрет старика.

¹¹ В Национальной галерее (Лондон) находится портрет Маргареты де Геер, жены Якоба Трипа, датированный 1661 годом, т. е. на следующий год после создания портрета Яна Амоса Коменского. URL: <https://gallerix.ru/album/National-Gallery-London-6/pic/glr-x-2057222043> (дата обращения 12.10.2017)

¹² *Marketa Pankova*, Jan Amos Komensky v ceskem a svetovem vyttvarem umeni (1642–2016). Akademie ved Ceske republiky, Praha 2017, s.40–42.

скому-педагогу. Однако Коменский отверг его, опасаясь быть связанным “почётной профессурой” и тем самым ограниченным во времени. Де Геер нашёл другой выход: из городской казны Коменскому будет выплачиваться 800 голландских золотых как вспомоществование для продолжения его трудов. Де Геер взялся оплачивать также издание всех важнейших сочинений Коменского, в первую очередь “Пансофии”»¹³.

Описывая общение Рембрандта и Коменского, Кратохвил очень убедительно, на мой взгляд, воссоздаёт и образ мышления художника, и идеи, отразившиеся в его живописной манере в последний период его творчества. Но у Кратохвила нет упоминаний о том, что Рембрандт писал портрет своего друга Коменского. Ведь впервые исследователи заговорили о том, что такой портрет существует лишь 2006 году, а Кратохвил скончался в 1988.

Именно сопоставление портретов Коменского этого периода с портретом кисти Рембрандта и обсуждаемой картиной позволило мне впервые в исследовании истории создания этой картины выдвинуть гипотезу о том, что в образе отца на картине нашли отражение портретные, психологические, а главное — духовные качества Яна Амоса Коменского, конечно, претерпевшие, согласно замыслу художника, некоторую трансформацию.

Рембрандт создал немало картин на библейские сюжеты, но «Возвращение блудного сына», на мой взгляд, занимает среди них особое место. Это не только его последнее творение, своего рода завещание потомкам, но и какое-то превосходящее сам живописный жанр послание всем людям, каждому человеку. При написании картины «Возвращение блудного сына» художник передает, помимо основных смыслов, свое личное горе.

Раскрытие личностно-исповедального аспекта этого шедевра связано с вопросом — кого изобразил Рембрандт в образе блудного сына? Я полагаю, что самого себя.

Сюжет о блудном сыне, в котором заложен главный вопрос о смысле человеческой жизни, волновал художника на протяжении всего творческого пути. Однако интерпретация этой притчи¹⁴ художником менялась со временем. В 1635 году, в период взлета своей карьеры художника, Рембрандт создает картину «Блудный сын в таверне» («Автопортрет с Саскией на коленях»), где изображает себя в роскоши, с любимой женой Саскией. Разве случайно Рембрандт называет себя здесь блудным сыном? Конеч-

¹³ *Кратохвил М. В.* Указ. соч. С.159–161.

¹⁴ Евангелие от Луки, гл. 15, стихи 11–32.

но, он не раз испытывал муки совести, когда вспоминал, что призвание художника вынудило его оставить семью — отца, братьев, обреченных всю жизнь добывать свой нелегкий хлеб на собственной мельнице, таская мешки с мукой и все же находя возможность помогать материально своему «сбежавшему» сыну и брату на начальном этапе его учения и творчества.

Немного погодя, в 1636 году, он снова обращается к этому сюжету и создает офорт «Блудный сын».

Добившись высокого положения в обществе благодаря своему таланту, заимев роскошный дом в центре Амстердама, женившись по любви, Рембрандт всегда помнил, что семья его в Лейдене продолжает жить тяжким трудом. Горький опыт разочарования жизнь преподнесет ему позже, лишив всего, что он приобрел и, казалось, навек держал в своих руках. Ушла безвременно из жизни красавица Саския, долги привели Рембрандта к банкротству и распродаже всего имущества, в 1663 году умирает вторая жена художника Хендрике Стоффелс, в 1668 — любимый сын его и Саскии — Титус...

К этому времени он достигает вершины живописного мастерства. И ничто уже не может остановить процесс творчества, в котором он никогда не идет на сделки с совестью, чтобы угодить именитым заказчикам. Главное для него передать в портретах неизвестных стариков, нищих — духовный свет, показать божественную природу человека.

Личные трагедии делают художника более замкнутым. Ветхозаветные и евангельские сюжеты становятся поводом, чтобы отобразить переживание тех событий, которые случаются в жизни. В примерах из Библии художник видит отражения всех ситуаций и конфликтов, возникающих не только в его собственной судьбе, но и в судьбах окружающих его людей. Вершиной жанра считаются психологические портреты Рембрандта, дающие точные характеристики персонажей. Но не только драма повседневности интересует Рембрандта. Он видит великое в обыденном. Переключка земного и мифологического свойственна всему творчеству великого мастера.

На мой взгляд, в изучении последнего периода творчества Рембрандта за пределами внимания исследователей остался тот факт, что практически вслед за завершением им монументального полотна «Заговор Клавдия Цивилиса» (1661) по заказу Амстердамского городского Совета, художник начинает работать над картиной «Возвращение блудного сына». По моему мнению, на создание этой картины не могли не повлиять как изменения в творческой манере художника, так и удар, пережитый Рембрандтом из-за того, что полотно «Заговор Цивилиса» не встретило одоб-

рения заказчиков. «Требования буржуазии к искусству всё больше тяготеги к идеализации академического толка. Автору было предложено видоизменить либо убрать картину. Рембрандт разрезал её на части — (фрагмент центральной части попал в настоящее время в Стокгольмский национальный музей)»¹⁵. Ни на какие изменения художник не согласился, ведь работая над «Заговором Цивилиса» Рембрандт достиг новых высот в передаче человеческих эмоций как экспрессии световой стихии, которая в «Заговоре Цивилиса» словно кипящая лава готового к извержению вулкана освещает пламенем лица заговорщиков.

В ряду ударов, постигших Рембрандта в последнее десятилетие его жизни (смерть супруги Хендрике и сына Титуса), — уничтожение его творения для ратуши вполне возможно стало последней каплей в чаше терпения, обратившей его внутренний взор к мудрости Священного писания.

В новозаветной притче говорится о том, как некий юноша, взяв у отца причитающееся ему наследство, уходит из дома «покорять» и узнавать мир. Истратив деньги на пустые развлечения, он испытывает все тяготы нищей и бродяжьей жизни. В отчаянии, раскаявшись, с большой надеждой на прощение, он возвращается. И старый отец радостно встречает и прощает его.

Картина написана в темных тонах. Свет, как его понимал Рембрандт, не был естественным светом, освещающим предметы. В «Заговоре Цивилиса» — это свет пламени человеческих страстей, озаряющий лица заговорщиков подобно лаве рокочущего вулкана. Свет в «Возвращении блудного сына» — как исходящая из глубины Духа Отца лучезарность — стал новой вершиной в творчестве Мастера. Свет струящийся, пробивающийся из неведомых глубин — некий идеальный свет, только мыслимый и воображаемый, дающий ощущение не грусти, а надежды на то, что все можно поправить, раскаявшись. В этом — основной смысл притчи. И особый «рембрандтовский» свет здесь играет роль духовного центра всей композиции, выражая этот смысл.

Фигура вернувшегося юноши — символ бродяги и нищего, где образ указывает не на материальный статус, а на внутреннюю пустоту и обездоленность, до которых человек опустился. Как в иконописи, золотой и красный цвета в одежде отца означают для нас присутствие другого, Высшего мира. И тогда становятся понятными доброта этого необыкновенно мудрого старца, его вселяющая надежду и покой пластика, настоящая

¹⁵ *Доброклонский М. В.* Рембрандт. — Л., 1937. — С. 80–81.

внутренняя сила, обращенная к коленопреклоненному сыну. Это — его прощение вернувшемуся.

В этот трагический период своей жизни Рембрандт пишет ряд автопортретов, словно вглядываясь беспощадным взглядом судьи, выносящим свой суровый приговор «блудному сыну». Но дойдя в этих саморазоблачениях до предела, он решает обратиться к Высшему Судье. И гений художника открывает ему беспредельное милосердие Высшего Отца: если «блудный сын» делает к нему хотя бы один шаг, то Он раскрывает ему свои объятия, врата Рая своего сердца, готового одарить любовью вернувшегo сына.

Именно в эти годы встречается Рембрандт с Коменским и находит родство во взглядах и понимание в отношении к людям и к жизни, может, даже воспринимает этого мудреца как своего духовного учителя (ведь Коменский был старше Рембрандта на 14 лет), что и нашло впоследствии отражение в процессе работы художника над образом Отца в картине «Возвращение блудного сына».

Чтобы совершилось чудо появления этой гипотезы¹⁶, нужно было двигаться от понимания духовного родства этих двух гениев, нашедших в драматических испытаниях единственный путь — путь возвращения к Богу, завещанный всему человечеству.

<https://gallerix.ru/album/Rembrandt>

Рембрандт Хárменс ван Рейн.

Блудный сын в таверне. 1635. Национальная галерея. Дрезден.

Портрет Яна Амоса Коменского. 1660. Галерея Уффици. Флоренция. Италия.

Заговор Батавов (Заговор Клавдия Цивилиса). 1661. Стокгольмская национальная галерея. Швеция.

Возвращение блудного сына. 1660-е гг. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Россия.

¹⁶ Выражаю благодарность за поддержку данной гипотезы своим коллегам: *Евгении Ивановне Бражник* — заведующей кафедры «Воспитания и социализации» РГПУ им. А. И. Герцена, президенту Международной ассоциации преподавателей (ИТА-Копенгаген, Дания) *Марине Ивановне Азаренковой* и сотрудникам музея Я. А. Коменского в Праге *Маркете Панковой* и *Марии Хробаковой*.

Е. А. Мозгалева

Скульптурные и архитектурные памятники на территории Санкт-Петербургского Политехнического государственного университета и их значение для воспитания студенчества

На территории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета в разные времена устанавливали разные памятники. Практически всегда это было связано с желанием тех, кто принимал решение об их установке, оказать влияние на этическое и патриотическое воспитание молодёжи.

Первый скульптурный памятник на Политехнической улице появился в советское время перед зданием Политехнического института. Конечно же, это был памятник В. И. Ленину, который однажды выступал в актовом зале этого учебного заведения перед студентами и преподавателями. Памятник был установлен в 1932 году. Автор проекта — скульптор С. Д. Меркулов. Сергей Дмитриевич Меркулов стал одним из первых скульпторов-монументалистов, регулярно получавших заказы на статуи В. И. Ленина и И. В. Сталина. Вплоть до перестройки он считался непревзойдённым мастером создания образов Владимира Ильича Ленина. В скульптуре у Политехнического института Сергей Дмитриевич изобразил вождя, сидящим с книгой в руке. В. И. Ленин как ученый, наставник и образец для учащейся молодежи — такова главная мысль автора, воплощенная в его работе. Фигура и постамент были выполнены из бетона. Общая высота памятника — 4,5 метра. Позже были установлены много-

численные копии этой скульптуры, как в Ленинграде, так и в других городах СССР¹.

Памятник В. И. Ленину у Политехнического института был демонтирован, и сейчас на его месте другое скульптурное изображение — Петра Великого. Бронзовый бюст Петра создали скульптор, профессор, почетный член Российской академии художеств Борис Петров, заслуженный архитектор РФ Татьяна Милорадович (один из авторов мемориальной доски на доме, где жил Д. С. Лихачёв, на Втором Муринском проспекте) и архитектор Игорь Регинский. Высота скульптуры составляет 1,23 метра, а вместе с постаментом — 4,2 метра.

В 2014 году СПбГПУ вернули имя Петра Великого, которое вуз носил с 1910 по 1916 год, поэтому появление перед главным зданием скульптуры царя-реформатора, который положил начало развитию отечественной системы инженерного образования, вполне логично. Памятник был открыт в мае 2016 года. Церемония началась с исполнения гимна Политехнического университета и гимна города в исполнении молодежного хора СПбПУ «Полигимния». Вице-губернатор Владимир Кириллов, присутствовавший на открытии памятника, выразил уверенность, что политеховцы смогут внести свой существенный вклад в развитие нашего города и государства².

Интересна история памятника политехникам, ушедшим на Великую Отечественную войну и не вернувшимся с неё, в парке Политехнического университета. Он был создан творческой группой, состоявшей из архитектора О. Н. Башинского и скульпторов А. М. Арьева, С. Ф. Корыгина, В. П. Петина, и установлен в 1967 году на средства преподавателей, рабочих, служащих, студентов и выпускников вуза.

Старейшая сотрудница Политехнического университета Людмила Фёдоровна Амосова вспоминала:

«Был 1965 год, юбилей Победы, Война всего 20 лет как закончилась, и все мы, даже молодые люди, очень хорошо её помнили. Из Политеха ушли на фронт три с половиной тысячи человек, и полторы тысячи — не вернулись. Наш завкафедрой потерял на войне глаз, у него была покалечена нога. Он уходил на войну со второго курса, в 19 лет. То есть в 65-м ему не было даже пятидесяти. И вот у фронтовиков возникла идея: увеко-

¹ *Аболина Р. Я.* Ленин в советском изобразительном искусстве: живопись, скульптура, графика. — М.: Изобразительное искусство, 1987. — С. 56.

² Политех обрел Петра. URL:http://www.spbstu.ru/media/news/studencheskaya_zhizn/seremony_monument_peter-great/ (дата обращения 28.04.2018).

вечить память погибших политехников. Решили собирать деньги на памятник. Вы не представляете, какой у нас тогда был подъём!»³

Часто преподаватели отдавали половину своей зарплаты, а некоторые даже зарплату целиком. Студенты отчисляли средства из заработка студенческих строительных отрядов и на субботниках по благоустройству города. Кроме того, студенческие коллективы выполняли все земляные работы при сооружении памятника⁴.

Проект памятника обсуждался в студенческих и научных кругах, советовались с фронтовиками. «Три фигуры, вросшие в гранитную стену, спинами защищают институт. Поэтому и было место выбрано перед входом. Это был символ: фронтовики встали стеной и спинами защитили вход в институт. Аллегория — вход в город, вход в страну», — так объяснила задумку авторов Л. Ф. Амосова. Когда скульпторы лепили лица этих трех солдат-политехников, они пользовались фотографиями, принесенными родственниками погибших, но теперь никто не знает, чьи именно были эти фотографии⁵.

Традиционно у этого памятника проходят встречи ветеранов и митинги, посвящённые памятным датам.

Ещё один памятник на территории Политехнического университета, напоминающий о суровых испытаниях войны и блокады, «Колодец жизни». Автор и архитектор этого памятника профессор Ленинградского политехнического института Е. К. Иорданишвили (1928–2010). Во время осады Ленинграда артезианский колодец, расположенный на этом месте, снабжал водой госпиталь, расположившийся в главном учебном корпусе, а также оставшихся в кольце блокады членов семей сотрудников института и жителей окрестных улиц. Показательно, что автор проекта памятника не профессиональный архитектор, а физик, преподаватель вуза. Евгений Константинович Иорданишвили, когда был подростком, сам пережил в блокадном Ленинграде суровую зиму 1941–1942 года.

С 1987 года и почти до конца жизни Евгений Константинович был профессором физики ЛПИ (ныне Политехнического университета). Он получил звания доктора технических наук, Заслуженного деятеля науки РФ, академика Международной термoeлектрической Академии. Активно

³ Героев войны выдворяют из Политеха. URL: <http://www.fontanka.ru/2016/09/15/141/> (дата обращения 24.04.2018).

⁴ Памятка студентам политехникам / Сост. Климов В.Ю. — Изд. СПбПУ, 2015. — С. 16.

⁵ Героев войны выдворяют из Политеха. URL: <http://www.fontanka.ru/2016/09/15/141/> (дата обращения 24.04.2018).

занимался горным туризмом и альпинизмом. В 1968 году он руководил первым советским восхождением на Килиманджаро, в 1969 году — первым зарубежным арктическим туристским походом (по труднодоступному району центральной части острова Шпицберген — Русской ледяной равнины). Заслуженный учёный и спортсмен (с 1972 года — мастер спорта по горному туризму) был руководителем горных походов высшей категории трудности на Кавказе, Алтае, Тянь-Шане, Памире, Саянах, Камчатке. В 2002 году ему было присвоено звание заслуженного путешественника России. Он являлся действительным членом Русского Географического общества написал несколько очерков и рассказов по альпинистско-туристской тематике⁶.

Огромное воспитательное воздействие должен оказывать этот скромный памятник на студентов Политеха, когда они узнают, что автор этого памятника преподаватель вуза, в котором они учатся, сам переживший блокаду, да ещё такой заслуженный и интересный человек.

В одном из интервью на вопрос — Как вы считаете, повлияли трудности военных и послевоенных лет на ваше поколение? — Евгений Константинович Иорданишвили ответил: «Третий закон Ньютона гласит: всякое действие равно противодействию. Чем труднее была эпоха, тем более она вырабатывала в нас умения что-то делать самостоятельно и выходить из положения. Сейчас эпоха стала проще, соответственно, стали меньше и навыки. Закон — действие равно противодействию — действует не только в природе, но и в обществе. Без трудностей не вырастет человек, который умеет их преодолевать. На одних книжках, читая всякие интересные приключения, не вылезешь. Это надо самому испытать»⁷.

У памятника «Колодец жизни» ежегодно 8 сентября собираются жители блокадного Ленинграда, рассказывают студентам, как люди жили и работали в годы блокады. После таких встреч делегации студентов направляются на Пискаревское мемориальное кладбище к братской могиле № 176. Членам секции жителей блокадного Ленинграда Политехнического университета удалось установить 252 фамилии политехников, захороненных в этой могиле⁸.

⁶ Альпинисты Северной столицы. Иорданишвили Евгений Константинович. URL: <http://www.alpklubspb.ru/persona/iordanochvili.htm> (дата обращения 24.04.2018).

⁷ Там же. URL: <http://www.alpklubspb.ru/ass/a304.htm> (дата обращения 24.04.2018).

⁸ Памятка студентам политехникам / Сост. Климов В. Ю. — Изд. СПбПУ, 2015. — С. 17.

В 2010 году у 1-го корпуса СПбГПУ появился памятник студенту-политехнику. Идея создать образ студента-политехника появилась у декана механико-машиностроительного факультета СПбГПУ Михаила Радкевича. Он изучил в архивах все детали формы того времени, в которой, согласно правилам, ходили на занятия студенты Политехнического института. Над памятником работали будущие дизайнеры студенты университета и скульптор Эвелина Соловьева. Спонсорами этого проекта стали студенты-выпускники, закончившие Политехнический институт в 1975 году.

В сентябре 2016 году у 3-го корпуса СПбПУ был открыт Памятник Петру и Февронии. Взору присутствующих на церемонии открытия предстала бронзовая четырехметровая скульптура муромских чудотворцев, путешествующих в ладье. Памятник освятил епископ Царскосельский Маркелл, который по завершении священного действия обратился к молодым людям: «Пусть эти святые хранят и укрепляют вашу любовь. Хранить верность — значит хранить ценность нашей жизни». Скульптурная композиция «Святые благоверные Петр и Феврония Муромские» изготовлена в рамках Общенациональной программы «В кругу семьи». Можно сказать, что история установки этого памятника началась в 2008 году, когда в трех городах России были заложены первые камни в основание будущих скульптурных композиций. Монумент, который появился в Политехническом университете, стал двадцать седьмым по счету, исполненным в рамках программы. Автор — Константин Родиславович Чернявский⁹. Для данной программы им разработаны несколько скульптурных композиций Святых Петра и Февроньи. И в каждой монументальной композиции, представляющей сюжет из жития православных благоверных супругов, прослеживается интерес К. Р. Чернявского к применению в скульптуре исконных традиций православного искусства.

Будем надеяться, что семья станет для современной молодёжи одним из главных нравственных ориентиров.

⁹ В Политехе состоялось торжественное открытие памятника Святым Петру и Февронии. URL: http://www.spbstu.ru/media/smi/studencheskaya_zhizn/monument-saints-peter-and-fevronia/ (дата обращения 24.04.2018).

Частный музей-квартира Л. Н. Бенуа: новая концепция мемориального музея и его экскурсионной презентации

В северной столице в орбиту интересов туристических компаний в связи с проведением тематических экскурсий для горожан и гостей Петербурга включены многие мемориальные музеи, но далеко не все. Хрестоматийный положительный пример — Мойка 12, а также экспозиции, связанные с именами Ф. М. Достоевского, А. А. Ахматовой, А. А. Блока, то есть литературные. Менее востребованы музыкальные и театральные: Н. А. Римского-Корсакова, Ф. И. Шаляпина. Все они в пространственном оформлении — квартиры. Мемориальный характер свойственен и усадьбам: И. Е. Репина в Пенатах, Н. К. Рериха в Изваре. Политические, исторические, научные деятели представлены в этом ряду именами С. М. Кирова, В. И. Ленина, И. П. Павлова. Харизмы героев, творческое обаяние их личностей дополняются подлинностью материального окружения: мебель, фотографии, картины, личные вещи, стены, наконец. Возникает ретроспективное пространство, в котором должен хорошо ориентироваться экскурсовод, оживляя по выражению Н. П. Анциферова мир жизни и творчества, погружая слушателей в предметное и духовное восприятие носителя биографии. Это погружение ограничивается рамками экспозиции, предусматривающей явную и мысленную веревочку между объектами показа и экскурсантом, которому их предъявляют. Мало кому из посетителей музеев не доводилось слышать окрик служителя: «Руками трогать нельзя, отойдите подальше, это музейный стул». Экскурсовод в

мемориальном музее — посредник в общении с биографией великого человека, его окружением, в том числе семьей героя, на конкретный материал он смотрит со стороны своего знания и видения.

Анастасия Олеговна Мурзина-Бенуа, создатель и директор нового для Петербурга мемориального музея-квартиры Л. Н. Бенуа все это прекрасно знала и решила уйти от традиционной схемы построения экспозиции и ее подачи. Тем более что в Петергофе давно существует музей семьи Бенуа, правда, не всегда работающий, но академичный по своей сути, с огромным фондом, состоящим в основном из даров представителей этого уникального семейного клана, в том числе потомков архитектора Л. Н. Бенуа. Эти потомки до сих пор живут в квартире № 8 на четвертом этаже дома № 20 по 3-й линии Васильевского острова. До революции это был собственный дом Леонтия Николаевича Бенуа, построенный по проекту зодчего в 1898 году, одобренный его отцом, создателем многих петергофских построек — Н. Л. Бенуа. Дом существовал, как доходный, у владельца была огромная квартира на 4-ом этаже из 2-х анфилад комнат, принадлежавших семье, в дворовом корпусе функционировали хозяйственные помещения и комнаты для прислуги, там же на 3-ем этаже флигеля выделялась огромным окном мастерская Л. Н. Бенуа, куда из квартиры вела винтовая лестница (несохранившаяся).

Мастерская, к сожалению, сейчас не часть музея, там — другой собственник, но ее уникальное окно хорошо видно из квартиры, и это необычный объект показа и рассказа, расширяющий границы традиционной музейной территории. Ее составляют — прихожая, буфетная, кабинет архитектора, личные комнаты хозяйки, жены Леонтия Николаевича Марии Александровны, урожденной Сапожниковой, концертный зал, артистическая комната, мастерская художника. Не все интерьеры имеют ярко выраженный мемориальный характер. Но все используются в маршруте экскурсии, составленном А. О. Мурзиной-Бенуа. Личность экскурсовода имеет огромное значение, поскольку это не приглашенный работник, а члены семьи Бенуа — сама Анастасия Олеговна или ее дочери, Марианна и Ксения, музыкант и художник. Потомки Л. Н. Бенуа до сих пор обитают в этой квартире, в том числе наследники традиций, творчески осуществляющие экскурсию. Все они продолжают художественную линию знаменитой семьи, представители которой рождались с карандашом в руке и музыкой в душе. Об этом рассказывают, в частности, многочисленные работы мастеров изобразительного искусства на стенах комнат музея и в шкафах. Но внимание посетителей прежде всего привлекают мемориальные предметы, детали интерьеров, мебель. Сохранилось подлинное венецианское остекление дверей, окон, лепные плафоны, мебельный гарни-

тур из карельской березы, подаренный Л. Н. Бенуа к свадьбе старшей дочери Нине и зятю — коллеге, известному мозаичисту В. А. Фролову.

Особенность знакомства с артефактами заключается в том, что их можно не только увидеть, но и воспользоваться ими: посидеть, потрогать руками, экскурсовод доброжелательно предлагает это сделать. Многочисленные фотографии на стенах, в шкафах и альбомах тоже ждут интимного общения с посетителями. Гости музея, гости семьи Бенуа, именно в такой роли постепенно начинают воспринимать себя экскурсанты. И это принципиальная цель А. О. Мурзиной.

Она как хозяйка, как праправнучка Леонтия Николаевича, как наследница замечательных традиций, предлагает осмотреть каждую комнату и в первую очередь кабинет хозяина. Он не сохранил свой первоначальный облик, но на исторических стенах портрет Леонтия Николаевича кисти художника Харитонов, портрет хранительницы домашнего очага Марии Александровны и здесь же небольшой итальянский пейзаж А. Н. Бенуа, младшего брата, который считал Марью Александровну причиной якобы несложившейся творческой судьбы старшего брата. Развешению этого мифа посвящена отдельная страница экскурсионного рассказа, связанная с историей нижегородских купцов Сапожниковых: меценатов и собирателей, владельцев картинной галереи, откуда в этот дом как свадебный подарок пришла знаменитая ранняя картина Леонардо да Винчи «Мадонна с цветком», давно уже известная в Эрмитаже как «Мадонна Бенуа». Экскурсоводы музея предлагают оценить то обстоятельство, что этот шедевр висел на стене одной из комнат квартиры. Замечательная интрига семейного повествования, связанная с историей мирового искусства, увлекает ассоциативное воображение экскурсантов.

Творчество архитектора Л. Н. Бенуа стало частью петербургской культуры. Его графические работы представлены в кабинете, создатель корпуса Русского музея был виртуозным мастером рисунка, о чем свидетельствует проект храма Александра Невского в Варшаве. Экскурсантам предоставляется возможность не только вспомнить известные сохранившиеся работы архитектора, но и оценить облик и трагическую судьбу утраченных.

На долю семьи Бенуа выпали нелегкие испытания в первые послереволюционные годы. Уплотнили эту квартиру, она стала коммунальной. Леонтий Николаевич полгода просидел в тюрьме на Шпалерной, сгорела дача под Петергофом в Боблыльске, сын Александр участвовал в белом движении и погиб, две дочери, Ольга и Надежда, эмигрировали. Сын последней, Питер Устинов, известный писатель, режиссер и актер, был в этой квартире всего один раз, он был очень похож на деда, и так же, как

он, напевал, осматривая комнаты, итальянские арии. Многие члены семьи были щедро наделены и музыкальными, и художественными способностями. Об этом напоминают работы художника-керамиста Андрея Шретера, праправнука хозяина этого кабинета. А. О. Мурзина предлагает осмотреть его необычные чайники, блюда, кружки и приобрести понравившиеся. Все вещи расставляются на столе, их можно подержать в руках, как и фотографии Леонтия Николаевича, детей, Марии Александровны, многочисленных родственников. Иногда для группы в кабинете устраиваются чаепития, чем подчеркивается домашний характер музея.

Л. Н. Бенуа был профессором и ректором Академии Художеств, он воспитал целое поколение архитекторов XX века, работавших и в советский период. Ученики были его помощниками, единомышленниками, коллегами. Достаточно вспомнить, что зодчий А. И. Гунст, прошедший школу Леонтия Николаевича, надстроил этот дом верхним пятым этажом, нисколько его не испортив. Ученики и коллеги часто собирались в кабинете хозяина, но и у Марии Александровны в квартире были, конечно, свои комнаты: малая гостиная и столовая, где сейчас развернута экспозиция, посвященная истории семьи Бенуа.

Анастасия Олеговна как автор экспозиции и экскурсовод выстроила все очень продуманно. Пунктирно обозначив начало этого художественного клана в России, вспомнив и придворного метрдотеля Луи Жюля, и его сына — архитектора Николая Леонтьевича, автора здания фрейлинских корпусов, где находится музей семьи Бенуа, и многих других построек Петергофа, основатель музея не стала повторяться. Она заострила внимание на судьбе отдельных ветвей достойного многоталантливого рода. Это Кавосы, Шретеры, Фроловы, потомки которых живут в этой квартире и причастны к созданию экспозиции, некоторые из них мало известны широкой публике, а другие — напротив. А. Н. Бенуа, младший брат Леонтия Николаевича, справедливо заметил, что Мариинский театр построил «папа моей мамы» — архитектор Альберт Кавос. Его дочь Камилла вышла замуж за архитектора Николая Леонтьевича Бенуа, их дети — Альберт, Леонтий, Александр — были очень музыкальны, и неслучайно, потому что их прадедушка, первым Кавос в России, был венецианский композитор Катарино Кавос, автор балетов и опер, в частности «Ивана Сусанина», «Днепровской Русалки». У его семьи был дом на Канале Гранде в Венеции, о чем напоминает гобелен с соответствующим пейзажем и музыка барокко, которая часто звучит в этом доме, ведь потомки капельмейстера Большого Каменного театра, юные музыканты играют во взрослом ансамбле «Невская классика», который базируется на территории музея.

Получается, если вспоминать Кавосов, жену Луи Жюля Бенуа — немку Е. Гроппе, что жилах членов этой семьи смешалась французская, немецкая и итальянская кровь. Они являлись петербургскими европейцами, каковым был и Леонтий Николаевич, но его женой стала русская барышня Мария Александровна. В ее комнатах, покоях хозяйки, много мемориальных вещей, фотографий, на стенах — портреты Марии Александровны в разные периоды жизни. Там же стоит уже упоминавшийся мебельный гарнитур карельской березы, подаренный старшей дочери Нине и зятю — Владимиру Александровичу Фролову к свадьбе.

Портрет Фролова, известного художника, главного создателя мозаик Спаса на Крови, украшает экспозицию музея. После революции Владимир Александрович потерял собственный дом и мастерскую на Большом проспекте Васильевского острова и перебрался вместе с семьей в эту квартиру к родственникам жены, всем нашлось место. Талантливый мозаичист, преданный своему делу, Фролов в суровые страшные голодные дни блокады работал над панно для московского метро, которые по дороге жизни были вывезены в столицу, и умер в этой квартире от истощения 3 февраля 1942 года. Его внук и полный тезка, Владимир Александрович Фролов, известный искусствовед, принимал участие в создании этого музея, он занимается исследованием биографии, творчества своего деда и других представителей семьи Бенуа. Сын мозаичиста Андрей Владимирович Фролов был талантливым кинорежиссером, автором известного фильма «Первая перчатка» 1946 года. Так экспозиция музея позволяет вспомнить историю семьи Фроловых, потомков Л. Н. Бенуа.

Еще одна семейная линия, прослеживающаяся в экспонатах музея — это Шретеры. Одна из дочерей Леонтия Николаевича, Екатерина, вышла замуж за ученика отца — Людвиг Шретера, к сожалению, рано ушедшего из жизни. Однако остались дети, наделенные многочисленными талантами, что так характерно для семьи Бенуа. Один из них — известный ленинградский архитектор Логин Людвигович Шретер. Он, как и его великий дед, был не только зодчим, но и градостроителем, автором ансамблей площадей: Светлановской и Мужества, профессором института имени И. Е. Репина. Его ученики с любовью и уважением называли профессора — Лог. Сейчас в залах музея развернута выставка графических работ его и его жены — Ольги Александровны Ивановой.

Михаил Людвигович Шретер, подобно своему деду, увлекался игрой в теннис, был судьей всесоюзной категории по этому виду спорта. Его дочь В. М. Шретер много сделала для создания этого музея, а также экспозиции в Петергофе. А вот дочь Логина Людвиговича — Марианна Логиновна Шретер — стала интересной, яркой художницей, автором са-

мобитных книжных иллюстраций, пейзажей, натюрмортов, портретов. Особенно интересен портрет племянницы — основательницы музея Анастасии Олеговны Мурзиной, где на втором плане, в зеркале можно увидеть саму художницу у мольберта, прием заставляющий вспомнить знаменитую родственницу — З. Е. Серебрякову, чье солнечное искусство проникнуто любовью к окружающему миру и людям. Также оптимистичны работы и Марианны Логиновны, интересные в колористическом решении. Они в музее повсюду, являются его украшением, продолжая женскую творческую линию семьи Бенуа.

О синтезе музыкального и изобразительного искусств более всего рассказывает концертный зал, который в семье Л. Н. Бенуа прежде называли Залой. Именно здесь, в просторном светлом интерьере, где выделено отдельное пространство для инструментов и музыкантов, устраиваются концерты ансамбля «Невской классики», студентов консерватории, ведь там учится дочь А. О. Мурзиной — Марианна, перед музыкальными вечерами она часто выступает в роли экскурсовода, таким образом, создается новая семейная традиция. Марианна играет на флейте, а ее младшая сестра Камилла — на арфе. Экскурсии по залам музея заканчиваются небольшим концертом, во время которого часто звучат сочинения Кавоса. В концерте принимает участие и Анастасия Олеговна. Она демонстрирует уникальную фисгармонию, раскрывает секреты арфы, флейты, гобоя, рассказывает о самом композиторе К. Кавосе и об архивных находках нот его произведений. Этот музыкальный финал экскурсии — ещё одна особенность музея-квартиры, когда концерт ценен не только сам по себе, но и является частью экскурсионного повествования. Нужно заметить, что параллельно музей регулярно устраивает музыкальные концерты, но это особая отдельная часть его деятельности, которая позволяет рассказать о музыкальных пристрастиях Леонтия Николаевича Бенуа. Он был меломаном и любителем итальянской оперы, о которой даже записки написал. Бенуа противопоставлял Моцарта и Россини современной ему композиторской школе, его старший брат Альберт прекрасно играл на фортепьяно и на скрипке, среди потомков Бенуа композиторы Вышнеградский и Черепнины.

В конце XIX — начале XX века в интеллигентных петербургских дворянских семьях устраивали любительские спектакли, так Екатерина Бенуа в этом зале силами родственников и друзей к семейному празднику поставила оперу А. С. Аренского «Рафаэль». А сейчас здесь представлены уникальные фронтовые рисунки ее сына Логина Людвиговича Шретера. Бенуа оставались художниками в любой ситуации и создание нового мемориального музея тому подтверждение.

На стенах артистической комнаты, где музыканты готовятся к выступлению, можно увидеть работы молодых художников, продолжателей традиций семьи. Но особенно подобные произведения уместны в специальном интерьере — мастерской художника, где демонстрируются архитектурные пейзажи, акварели сына Марианны Логиновны Шретер — Петра Фильчакова. Они дают точные представления о сооружениях, созданных по проекту Л. Н. Бенуа в Петербурге. Акварели праправнука позволяют еще раз оценить значение творчества этого выдающегося архитектора и удивительного интересного, достойного человека. Даже Советская власть это признала, присвоив Л. Н. Бенуа к 70-летию в 1926 году редкое тогда звание — «Заслуженного Деятели культуры».

А. Н. Бенуа, младший брат Леонтия Николаевича, известный художник и историк искусства писал: «В Леонтии не было и тени лицемерия, двуличности, коварства. Для него было характерно сочетание душевной мягкости в общении с людьми и твердой принципиальности в определении жизненной и творческой позиции»¹. Такая позиция проявилась в тексте завещания Л. Н. Бенуа, написанном в тревожном 1906 году, он обращается к Марии Александровне: «Завещаю тебе и детям моим всегда служить отечеству честно, отдавая все свои умения и дарования, какое бы правительство законное не учредилось»². Создание нового музея Петербурга в квартире Леонтия Николаевича, может быть, является частью реализации этой жизненной программы главы семьи его потомками, что придает всему начинанию особое личностное начало. Музей интересен не только обращением к прошлому, но и демонстрацией художественных событий в семье Бенуа в наши дни, что делает его уникальным и очень современным по форме и смыслам, в него вложенным.

¹ Бенуа А. Мои воспоминания: Т.1. — М., 1990. — С. 97.

² Леонтий Бенуа и его время. Материалы конференции (16–17 октября 2006 г.) — СПб., 2008. — С. 54.

ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Ю. В. Виноградова

«Дома рассказывают»: загадки дома Мятлевых

У ребят, занимающимися краеведением в Доме творчества «Измайловский» Адмиралтейского района Санкт-Петербурга, есть разные варианты приложения сил. Дети младшего школьного возраста участвуют в районной краеведческой игре-олимпиаде «Чудесный город», темы выбираются каждый год новые. Например, в 2017 году она была посвящена мостам и набережным Петербурга.

Дети среднего и старшего школьного возраста принимают участие в городском краеведческом конкурсе на звание «Лучший юный экскурсовод года», лучшие экскурсии заносятся в специальный каталог.

Дети среднего школьного возраста могут принять участие в краеведческих чтениях и в том случае, если они занимают призовое место, их работа рекомендуется для участия в региональной олимпиаде по краеведению. Чаще всего в этом случае предлагается направление «Дома рассказывают». В рамках этого направления мы как можно подробней знакомимся с историей тех или иных зданий. Предлагаемый вниманию читателей материал является результатом работы по изучению дома Мятлевых (Исаакиевская пл., 9/2). Выбор был сделан не случайно, а

потому, что в истории этого здания имеются разночтения и неясности, можно даже сказать — загадки.

Когда мы приступали к изучению истории особняка Мятлевых, то поставили перед собой задачи выяснить:

- ♦ кто является архитектором здания;
- ♦ какие сюжеты изображены на барельефах;
- ♦ останавливался ли в этом особняке Дени Дидро.

Сначала мы обобщили уже устоявшиеся в краеведении данные об этом особняке, который считается старейшим сохранившимся зданием на Исаакиевской площади. Общеизвестно, что до Мятлевых дом принадлежал Нарышкиным. Есть мнение, что в этом доме останавливался Дени Дидро, о чем свидетельствует мемориальная доска, установленная в 1991 году на фасаде дома по Исаакиевской площади.

В начале 1810 года владельцами дома стали Мятлевы. Первым владельцем был камергер и сенатор Петр Васильевич Мятлев (1756—1833), потом Иван Петрович Мятлев, участник войны с Наполеоном, дальний родственник А. С. Пушкина. В 30-е годы XIX века особняк славился своей роскошью, собранными коллекциями, музыкальными вечерами. Здесь бывали: П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, А. О. Смирнова-Россет¹.

После революции коллекция Мятлевых была взята на учет.

В 1918 году парадные залы занял Музей Старого Петербурга, но в конце года он был включен в состав Музея Города и переехал на наб. Фонтанки, 35.

В 1921 году в бывшем доме Мятлевых по инициативе группы «левых» художников был открыт Музей художественной культуры (МХК), коллекция живописи и графики которого представляла в основном новейшие течения русского искусства (от импрессионизма до беспредметности).

Музей поочередно возглавляли Н. И. Альтман (1921), А. И. Таран (1921—1923), К. С. Малевич (1923—1926); в числе сотрудников были — Н. Н. Пунин, худ. В. Е. Татлин, М. В. Матюшин, А. Е. Карев, Н. А. Тырса.

В 1923 году на базе музея был создан институт Художественной культуры (ГИНХУК).

¹ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / Сост. А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков при участии С. Г. Федорова, Е. В. Филиппова; под. общ. ред. Б. М. Кирикова. — СПб.: Пилигрим, 1996. — 400 с.

В 1926 году МХК был закрыт, а фонды переданы в Государственный Русский музей². Однако К. С. Малевич продолжал жить в этом доме. В 2005 году на фасаде дома со стороны Почтамской ул. была установлена мемориальная доска К. С. Малевичу в виде его «черного квадрата» с текстом: «Художник Казимир Малевич 1878–1935 жил и умер в этом доме».

В какой-то момент здание передали школе, что привело к утрате многих интерьеров, а в девяностые годы в нем разместилась прокуратура Санкт-Петербурга.

Кое-где сохранилась отделка: вестибюль, парадная лестница, аванзал и Белый зал.

А теперь перейдем к загадкам дома Мятлевых.

Загадка первая. Кто же построил особняк: Антонио Ринальди или Жан-Батист Валлен-Деламот?

Долгое время среди искусствоведов бытовало мнение, что автором особняка Мятлевых на Исаакиевской площади является Антонио Ринальди. Даже профили на медальонах между окнами первого и второго этажей считались его скульптурными портретами. Сейчас этот факт оспаривается.

В монографии о творчестве Антонио Ринальди, написанной искусствоведом Джульеттой Артуровной Кючарианц, говорится о том, что А. Ринальди поручается строительство третьей Исаакиевской церкви (собора) и он одновременно оформляет и западную часть площади, где стоит дом Мятлевых³. На этом основании и делался вывод об авторстве.

Однако в книге краеведа Виктора Васильевича Антонова «Петербург неизвестный, забытый, знакомый» излагается другая точка зрения. На основании архивных документов он делает предположение об авторстве Ж.-Б. Валлен-Деламота.

«2 сентября 1761 года княгиня Прасковья Антоновна Черкасская и ее дети продали княгине Анне Александровне Голицыной (в девичестве — баронесса Строганова) каменный дом в конце Малой Морской, “в межах двора прокурора Матвея Даниловича Чихачева, а по другой — площадь”. На участке Чихачева сегодня стоит здание бывшего Германского посольства, на участке Черкасской — здание городской прокуратуры.

Проданный двухэтажный дом Черкасская получила в наследство от покойного мужа — Ивана Ивановича из небогатого рода князей Егупо-

² CITYWALLS. URL: <http://www.citywalls.ru/house1569.html> (дата обращения: 22.04.2018).

³ *Кючарианц Д. А.* Антонио Ринальди. — СПб.: Стройиздат, 1994. — 192 с.

вых-Черкасских, а тот, вероятно, от первого владельца — осташковского купца А. Т. Макарова. Дом построен во второй половине 1740-х годов и обозначен на рисунке из коллекции Ф. В. Берхгольца»⁴.

Эти сведения получены, в частности, из «Дела об одобрении проекта изменения каменного фасада, дома статского советника Мятлева на наб. Мойки. 1874 г.», с которым мы познакомились в РГИА⁵.

Мужем Анны Александровны Голицыной был один из сыновей генерал-адмирала М. М. Голицына (1684—1764) генерал-поручик Михаил Михайлович Голицын (1731—1804). У Анны Александровны и Михаила Михайловича было 10 детей. По-видимому, особняк становится тесен Его перестройка поручается Ж. Б. Валлен-Деламоту. В. В. Антонов пишет, что об этом говорится в двух письмах зодчего от 25 июня и 5 июля 1767 года, которые хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. В письмах сообщается о мраморных колоннах в доме, живописных плафонах в вестибюле и прихожей, а также об украшении главного зала на втором этаже медальонами. В. В. Антонов также упоминает, что еще в 1906 году Александр Николаевич Бенуа, не имея конкретных доказательств, интуитивно, предлагал в авторы особняка Ж.-Б. Валлен-Деламота⁶.

По мнению В. В. Антонова, Деламот завершал перестройку дома Голицыных одновременно с возведением на Исаакиевской площади городского дворца И. Г. Чернышева, названного Мариинским после его позднейшей перестройки А. И. Штакеншнейдером.

К сожалению, на аксонометрическом плане де Сент-Илера за 1768—1777 годы изображения этого дома нет, часть плана утрачена и неизвестно, как он выглядел в те годы.

В сентябре 1768 года М. М. Голицын продает дом богатому ювелиру Л. Н. Лазареву, а с февраля 1772 года хозяином особняка надолго становится вельможа екатерининского времени Лев Александрович Нарышкин⁷.

Загадка вторая. Что изображено на барельефах этого дома?

Оказалось, что ответить на этот вопрос не так-то просто. Мы стали вести поиски сразу в четырех направлениях. Начали с посещения Исторического архива. Сделали запрос.

⁴ В. В. Антонов. Петербург неизвестный, забытый, знакомый. — М: Центрполиграф, 2007. — С.131.

⁵ РГИА. Ф. 1293 Оп. 113. Д. 121. Л. 1—4.

⁶ В. В. Антонов. Указ. соч. С.132.

⁷ Там же. С. 133.

«Опись о залоге имущества П. И. Мятлева»⁸ и «Чертежи дома на участке, принадлежавшему П. И. Мятлеву Почтамтская дом 2 и Исаакиевская дом 9»⁹ никакой информации на эту тему не содержали.

Смотрим опись Савельева, которая содержит перечисление имущества жителей Санкт-Петербурга, относящихся к 1, 2, 3 классу в Табеле о рангах за № 2188 — безрезультатно.

Обращаемся в архив кино-фотодокументов на Таврической улице, дом 39, тоже тщетно.

Обращаемся в Инспекцию по охране памятников старины и культуры на площади Ломоносова. Встречаемся с заведующей отдела Адмиралтейского района Мариной Евгеньевной Сметанниковой, которая советует обратиться к ведущему специалисту Екатерине Львовне Крупниковой-Балашовой. Екатерина Львовна занималась реставрацией этого дома, её изучением в 1990 году. От неё получаем справку, что фасад имеет ряд круглых и прямоугольных барельефов на мифологические сюжеты. И что за период с 1941 по 1944 год были утрачены около 2/3 барельефов.

В 1948 году была предпринята реставрация фасада с демонтажем сохранившихся фрагментов барельефов, восстановлением утраченных прямоугольных барельефов и реставрация сохранившихся (о том, какие из них сохранились, косвенно свидетельствуют фотографии 1948 года — первые два барельефа по Почтамтскому переулку), медальоны с портретными барельефами находились в лучшей сохранности и были реставрированы с восстановлением утраченных.

В 1978 году проходила комплексная реставрация фасадов и барельефов. При сравнении фотоматериалов можно заметить реставрационные дополнения, мастиковки, искажающие пластику сохранившихся барельефов. Екатерина Львовна любезно предоставила нам ксерокопии этих фотографий.

Следующее направление поиска — Российская национальная библиотека. Долго и безрезультатно просматриваем краеведческую и искусствоведческую литературу. Наконец, всё-таки находим упоминание о барельефах дома Мятлева в иллюстрированной энциклопедии «Скульптура и скульптуры Санкт-Петербурга. 1703–2007», изданной в 2007 году. Там говорится, что четыре декоративных панно выполнены по рисункам архитектора А. Ринальди. Рельефы скомпонованы из воинской арматуры, щитов, колчаков, ветвей и лент, по стилистике исполнения они близки

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 515. О. 105. Д. 212.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. О. 102. Д. 224.

рельефам Мраморного дворца, которые созданы в 1770–1780 годах скульптором Федотом Ивановичем Шубиным. А в начале XIX века, когда особняк перестраивался, в оформлении фасада были включены медальоны с мужскими профилями и рельефы с многофигурными композициями «Римское шествие» и «Жертвоприношение», трактованные в стиле классицизма¹⁰.

Ольга Алексеевна Кривдина, один из авторов книги, отмечает, что подобные композиции на рельефах работы Василия Ивановича Демут-Малиновского оформляют Михайловский дворец. Кроме того один из мужских профилей напоминает черты лица статуи «Русский Сцевола», созданной В. И. Демут-Малиновским в 1813 году. О. А. Кривдина, считает, что рельефы выполнены в начале XIX века, но документального подтверждения этому нет.

Мы встретились с Ольгой Алексеевной Кривдиной, профессором, заведующей кафедрой Русского искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, в Русском музее, где она работает консультантом. Эта встреча пролила свет на многие факты.

Мы узнали, что интересующей нас проблемой занималась искусствовед Елена Вениаминовна Карпова. Из её статьи «К изучению скульптурного декора Михайловского дворца» мы узнали, что рельефы, украшающие XII зал Михайловского дворца, по сюжету совпадают с рельефами дома Мятлевых. В искусствоведческой литературе, как правило, подчеркивается античный характер этих рельефов. А. Г. Ромм, автор единственной на сегодняшний день монографии «Русские монументальные рельефы» заострял внимание на том, что повторяются одни и те же мотивы и упрекает скульпторов в однообразии¹¹.

Прототипом рельефа «Жертвоприношение» на ДOME Мятлева является рельеф «Жертвоприношение Юпитеру Капитолийскому» из Дворца Консерваторов в Риме. Он датируется 176–182 годами н.э. и предположительно является фрагментом триумфальной арки, в честь победы Марка Аврелия. В центре изображен Марк Аврелий в тоге, с покрытой головой, справа от него мальчик с ларцом для благословения и музыкант, сопровождающий обряд. Между ними видна голова жертвенного быка, которого ведет полуобнаженный мужчина с топором в руке. В общей сложности на рельефе изображены 9 фигур.

¹⁰ *Кривдина О. А., Тычинин Б. Б.* Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга. 1703–2007: иллюстр. энциклопедия. — СПб.: Logos, 2007. — С. 164.

¹¹ *Карпова Е. В.* К изучению скульптурного декора Михайловского дворца // Дворцы Русского музея: Сб. ст. / Гос. Рус. музей; Науч. ред. Е. Н. Петрова. — СПб.: Palace Editions, 1999. — С. 23–31.

Прототипом рельефа «Римское шествие» является рельеф на Алтаре Мира императора Августа (I век до н.э.). В центре изображен сам император Август, который обращается к членам своей семьи: дочерям и сыновьям. Две дочери прячут лица от императора — это они способствовали разжиганию гражданской войны, третья дочь в интригах участия не принимала, она смотрит на отца с вниманием и почтением. Император призывает всех к примирению, о чем красноречиво свидетельствует его жест. За дочерьми идут сыновья. Старший сын подчеркивает свое превосходство, в его руках императорский жезл и ларец, символ того, что он претендует на власть. Средний сын несет урну, как символ памяти об умерших, его взгляд тоже обращен к императору. Образ младшего сына дан обобщенно, он расположен на втором плане и кажется равнодушным к происходящему. С левой стороны изображены приближенные, кто-то слушает императора, а кто-то отвернулся от него.

Этот же сюжет можно увидеть над входом в XIII зал Михайловского дворца, а также в Овальном зале Елагина дворца. Существует предположение, что для изготовления подобных рельефов часто использовались барельефы, хранящиеся в музее Академии Художеств¹².

Таким образом, мы не только нашли ответ на интересовавший нас вопрос, но и получили дополнительные знания в сфере мировой истории и истории искусства.

Загадка третья. Останавливался ли в этом особняке Дени Дидро? Мы уже упоминали мемориальную доску на фасаде Дома Мятлевых со стороны Исаакивской площади. На ней на двух языках (русском и французском) написано о том, в этом доме с 8 октября 1773 по 5 марта 1774 года жил великий французский просветитель Дени Дидро. До начала 2000-х годов это считалось общепринятым фактом. Хотя раздавались одинокие голоса, высказывавшие другую точку зрения. Так, например, искусствовед Наталья Ивановна Глинка поселила Дидро в доме Семена Кирилловича Нарышкина, но считала, что этот дом находился на Английской набережной¹³. Однако дом Нарышкиных на Английской набережной (современный № 10) принадлежал не С. К. Нарышкину, а Александру Александровичу Нарышкину — брату Льва Александровича. Другой исследователь, Б. Г. Райский¹⁴, автор неоконченного романа о пребывании Дид-

¹² Там же. С.36.

¹³ *Глинка Н. И.* Беседы о русском искусстве. XVIII век. — СПб., 2001. — С. 196

¹⁴ Райский Борис Григорьевич (1909–1981) — журналист, исследователь жизни и творчества Дени Дидро.

ро в России, на основании анализа писем Дидро пришел к выводу, что тот жил у братьев Алексея и Семена Васильевичей Нарышкиных, но сам адрес проживания его не интересовал¹⁵.

В 2005 году появляется статья известного питерского краеведа Елены Ильиничны Красновой «Дидро в Петербурге. История одного поиска»¹⁶. Статья читается как детектив и убедительно свидетельствует о том, как много интересного таит в себе краеведение.

Не будем пересказывать эту аргументированную и логичную публикацию, скажем только, что из нее следует, что Дени Дидро проживал не у Льва Александровича Нарышкина, которому на тот момент принадлежал интересующий нас дом, а в доме, где проживали братья Нарышкины — Алексей и Семен Васильевичи. Алексей Васильевич был холост, а Семен Васильевич — женат и имел двух дочерей. Дом принадлежал их отцу — генерал-поручику Василию Васильевичу Нарышкину и находился неподалеку от Владимирской церкви.

Позднее, в 1826–1828 годах для тогдашних владельцев этого дома Корсаковых архитектор А. А. Михайлов 2-й построил на месте старого дома большой особняк, к которому в 1840 году был пристроен большой зал. Дом этот принадлежит к числу памятников архитектуры, адрес его — Владимирский проспект, 12, и находится в нем «Открытый театр» (бывший театр им. Ленсовета).

Невозможно отказать себе в удовольствии процитировать последние два абзаца статьи Елены Ильиничны.

«И самое главное — теперь мы знаем, у кого и где жил Дидро в Петербурге в течение более пяти месяцев. Никаких сообщений о его приезде, пребывании в Петербурге и об отъезде в газете «Санкт-Петербургские ведомости» не встречено. Не упоминается он и в камер-фурьерском журнале, то есть, что называется, «при дворе» он не бывал. У императрицы бывал часто, почти ежедневно, но днем, от 3 до 5–6, и наедине. Общался с И. И. Бецким, поддерживал дружеские отношения с его внебрачной дочерью фрейлиной Анастасией Ивановной Соколовой, которая позже вышла замуж за де Рибаса.

Перед отъездом Дидро просил императрицу заплатить Нарышкиным за его пребывание у них, беспокоился, напоминал. Просил также оплатить ему обратную дорогу и дать сопровождающего. 5 марта 1774 года он

¹⁵ *Райский Б. Г.* Скажи мне кто твой друг... Братья Нарышкины знакомят Дени Дидро с русской жизнью // *Родина*. — 1993. № 11. — С. 93–95.

¹⁶ *Краснова Е. И.* Дидро в Петербурге. История одного поиска // *История Петербурга*. — 2005. — № 3. — С. 68–71.

выехал из Петербурга, увозя полученный на память от императрицы перстень с ее пальца и подаренную ею же меховую муфту, видимо, на память о холодном Петербурге, о котором он нигде не написал ни слова»¹⁷.

Суммируя ход нашего исследования, можно сказать, что работа в рамках программы «Дома рассказывают» позволяет участникам достичь следующих ценных результатов:

- ♦ получить навыки научно-исследовательской работы в библиотеках и в архивах;
- ♦ научиться сопоставлять известные и неизвестные данные, связывать объекты с судьбами людей, а судьбы людей с судьбами города и страны в целом;
- ♦ ярче понимать события прошлого, проводить параллели с современными событиями;
- ♦ ощущать себя продолжателями традиций прошлого;
- ♦ теплее относиться к памятникам старины и культуры и ощущать гордость за своё отечество.

В заключение хочется выразить благодарность за помощь в подборе материала профессору кафедры Русского искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Ольге Алексеевне Кривдиной; искусствоведу, сотруднику Русского музея Елене Вениаминовне Карповой и кандидату педагогических наук, председателю движения «Юные за возрождение Петербурга», писателю, историку, краеведу Владимиру Ильичу Аксельроду.

¹⁷ Там же. С. 71.

Т. С. Саркисова

Из истории Детскосельской экскурсионной станции

20-е годы XX века — это годы расцвета петербургского краеведения, становление и развитие петербургской школы экскурсоведения.

1 января 1920 года в помещениях Аничкова дворца была организована Центральная станция гуманитарных экскурсий, которая работала до сентября 1924 года. В 1921 году был основан Петроградский экскурсионный институт — детище И. М. Гревса и Н. П. Анциферова.

А еще раньше, уже к маю 1919 года, в ближайших пригородах Петрограда было организовано шесть экскурсионных станций для школьников: Лахтинская, Петергофская, Павловская, Детскосельская, станция при Каменноостровском сельскохозяйственном институте, Сестрорецкая¹.

К организации станций были привлечены крупнейшие ученые столицы: профессор И. И. Полянский, профессор биологии М. П. Римский-Корсаков, профессор П. Ю. Шмидт и другие ученые.

В архивных материалах Центрального Государственного архива литературы и искусства СПб о работе экскурсионных станций читаем: «Школьный отдел организует в Детском Селе в доме Е. В. Шуваловой экскурсионную станцию для учащихся, которая явится новым центром педагогической и научной жизни в Детском Селе. Заведующим станцией состоит профессор Петр Юльевич Шмидт. В виду успешного развития

¹ *Усыскин Г. С.* «Очерки истории российского туризма». — СПб.: Издательский Торговый Дом «Герда», 2000. — 224 с.

этого нового культурного начинания, Комиссариат Народного Просвещения просит Детскосельский Совет рабочих и Крестьянских депутатов оказать профессору Шмидту всяческое содействие, в смысле приобретения для станции всего необходимого из национализированного имущества, получения перевязочных средств, закупок необходимых припасов, на которые требуются ордера и найм рабочих»². Документ датирован 12.05.1919.

В этот же день председатель коллегии Единой трудовой школы Вера Менжинская пишет в Павловский подотдел Детскосельского Совдева: «Уведомляю об организации в Павловске Комиссариатом Народного Просвещения экскурсионной станции для учащихся. Комиссариат Народного Просвещения просит оказать возможное содействие заведующему станцией профессору И. И. Полянскому в транспорте, оборудовании помещений, добыче хозяйственных припасов»³.

Все экскурсионные станции, организованные в 1919 году, работали по естественно-исторической программе. Каждая станция принимала учащихся с конца мая до сентября, на срок до 4 дней в неделю, организовывала по две экскурсии с ночевкой.

Переписка о работе экскурсионных станций за подписью В. Менжинской в ЦГАЛИ Санкт-Петербурга содержит массу интересных сведений. Например, об отпуске на Павловскую экскурсионную станцию шестидесяти комплектов столов, тарелок, кружек и по возможности вилок и ножей, по шестьдесят комплектов одеял, подушек, полотенец, керосина, об усиленном питании в виду напряженной работы при движении на открытом воздухе (документ от 30.05.1919)⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что станции принимали по 60 школьников. Отпуск продуктов производился по нормам детских колоний, на две недели вперед.

Было разрешено заказать для экскурсионных станций круглую печать со словами: «Комиссариат Народного Просвещения» и название станции. «Павловская экскурсионная станция» или, например, «Детскосельская экскурсионная станция».

Уже 5 июля 1919 года Комиссариат Народного Просвещения организует трехнедельные курсы по подготовке руководителей экскурсиями для школьников. Первая инструкторская экскурсионная биологическая станция открылась — с целью научить самих учителей вести экскурсии для

² ЦГАЛИ СПб. Ф.2551. Оп.1. Д. 60. Л. 1-2.

³ Там же.

⁴ Там же.

школьников — на базе Павловской станции, которой заведовал профессор И. И. Полянский, Она находилась на территории бывшей Собственной дачи (Александрова дача) по адресу: Советская (так с 1918 года стали называть Царскославянскую улицу), 9⁵.

Занятиями на курсах руководили: И. И. Полянский, М. П. Римский-Корсаков, П. Н. Столпянский и Б. Е. Райков — известный педагог и методист в области методики школьного экскурсоведения. Преподавателей, в основном природоведения, учили методике и технике проведения экскурсии, проводили показательные экскурсии. Главным в содержании занятий по ботанике было экскурсионное изучение местной флоры. По зоологии в основу занятий было положено изучение местной фауны на экскурсиях в лес или парк, на реки Тызва и Поповка. По геологии богатый материал для занятий давали обнажения по берегам рек Поповки, Славянки и Тызвы.

Учителя жили на станции в летнее время один-два месяца и каждая группа слушателей посещала за месяц около 20 экскурсий, 15 лекций и лабораторные занятия.

Интересно, что уже за 1920-й год, в первый год своего существования, инструкторская экскурсионная биологическая станция обучила 127 преподавателей-естественников Петрограда. Павловск становится центром подготовки экскурсионных руководителей.

На третий год своего существования, летом 1922 года, Инструкторская экскурсионная биологическая станция, во главе которой стоял Б. Е. Райков, была переведена в Детское Село, по адресу Средняя улица, д. 2 (недалеко от Лицейского сада). К этому времени школьная экскурсионная станция, находившаяся там, была уже закрыта.

До 1917 года этот дом принадлежал графине Елизавете Владимировне Шуваловой, урожденной Барятинской. Деревянный на каменном фундаменте дом Шуваловой был возведен в середине XIX века архитектором Ипполитом Монигетти, как богатый аристократический особняк⁶.

До нашего времени дом не сохранился, он сгорел во время фашистской оккупации города Пушкина. Сейчас на этом месте стоит новое здание, напоминающее о более ранней постройке, даче архитектора Д. Кваренги конца XVIII века.

⁵ *Выжевский С. В.* Александрова дача и 220 лет ее истории. — СПб.: ООО «СПб.СРП «Павел» ВОГ», 2013.— 72 с.

⁶ *Мощенникова М. А., Корнилова Н. А.* Дворцовый город Царское Село. — СПб: Genio Loci, Медиа-Практика, 2009. — 208 с.

В журнале «Экскурсионное дело» № 1 за 1921 год есть интересное описание особняка Е. В. Шуваловой. «Детскосельская экскурсионная станция помещается в одном из лучших мест Детского Села (бывшего Царского Села) на углу Дворцовой и Средней улиц. Под станцию предоставлена большая часть особняка бывшей графини Шуваловой, а именно II и III этажи и небольшой флигель. Первый этаж особняка занимали служащие детских колоний.

Помещения и по размеру и по планировке оказались весьма удобными для станции. В нем имеется просторный двухсветный зал, в котором можно принимать более 100 человек и много светлых комнат, приспособленных под кабинеты и лаборатории, аквариумную, музей местной природы и т.д. Во флигеле — просторная кухня и квартиры для служащих»⁷.

Этот небольшой деревянный одноэтажный жилой флигель с мезонином стоял рядом с главным домом усадьбы по красной линии Средней улицы и участком дома лицейского учителя музыки Теппера де Фергюссона. По воспоминаниям Н. П. Анциферова, который жил в 1920-х годах в Детском Селе, и написал там книгу, содержащую теорию «градоведения», это был «маленький домик», «райковский домик»⁸. Этот флигель стал первым детскосельским адресом Н. П. Анциферова и его коллеги, руководителя «семинария экскурсоводов» Б. Е. Райкова.

Огромную роль в организации станции сыграл профессор зоологии Петр Юльевич Шмидт. Хочу чуть подробнее остановиться на этих двух фигурах — Б. Е. Райкове и П. Ю. Шмидте.

Борис Евгеньевич Райков являлся крупнейшим ученым в области методики преподавания естествознания и в области методики школьного экскурсоведения. Уже в 1910 году под его редакцией вышел сборник педагогических статей под заглавием «Школьные экскурсии, их значение и организация». Это был педагогический ежегодник, издаваемый при Санкт-Петербургском Лесном коммерческом училище. Райков написал для этого сборника шесть статей, в том числе, такую важную для истории экскурсионного дела статью, как «Экскурсионный план средней школы».

Выход этого сборника стал событием для педагогической общественности, так как впервые в России школьная экскурсия стала признанным педагогическим методом и рассматривалась как часть учебного курса. Б. Е. Райков считал экскурсию не просто «краеугольным камнем» крае-

⁷ «Экскурсионное дело». — 1921. — № 1.

⁸ Анциферов Н. А. Из дум о былом. — М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. — 512 с.

ведения, но и основой преподавания в школе. Эти положения актуальны и сегодня.

В своей дальнейшей деятельности Райков задался целью реализовать на практике те положения, которые им были выдвинуты в 1910 году в области школьного экскурсионного дела. В 1911 году он выпустил книгу «Геологические экскурсии в окрестностях Петербурга», которая вышла тремя изданиями (последнее в 1923 году). Одним из результатов этого стали многочисленные экскурсии на реку Поповку и Тосно, берега которых с их геологическими обнажениями были описаны автором.

В 1924 году появилась еще одна книга Б. Е. Райкова, написанная им совместно с известным энтомологом профессором М. Н. Римским-Корсаковым (сыном композитора), «Зоологические экскурсии», выдержавшая в дальнейшем множество переизданий.

Не ограничиваясь разработкой специальных экскурсионных тем, Б. Е. Райков напечатал в 1921 году отдельной книгой «Методику и технику ведения экскурсий». Он выделяет простое, но очень важное правило: «На экскурсии рассказывать только о том, что можешь показать»⁹. Это был первый опыт разработки экскурсионной методики на русском языке.

Содержание книги состояло из лекций, прочитанных Б. Е. Райковым преподавателям естественникам на Инструкторской экскурсионной станции для подготовки руководителей экскурсиями. Эта книга и сегодня является одним из основных руководств по вопросам методики экскурсионного дела.

Интересен масштаб личности и Петра Юльевича Шмидта, известного ученого-зоолога. Среднее образование он получил в известной гимназии Карла Мая на Васильевском острове, высшее — в Петербургском университете. Был профессором Ленинградского сельскохозяйственного института с 1906 по 1930 год, старшим зоологом Зоологического музея Академии наук (1914–1931), ученым секретарем Тихоокеанского комитета Академии наук СССР (с 1930).

С 1900 года П. Ю. Шмидт начал заниматься ихтиологией, в частности изучением фауны рыб Тихого океана. Шмидт первым в науке дал очерк фауны рыб наших Дальневосточных морей.

Таким образом, можно сказать, что на «Семинарии экскурсоводов» в Детском Селе читали лекции и проводили занятия крупнейшие ученые.

За время своего существования Детскосельская экскурсионная станция успела подготовить 24 выпуска учащихся. «Семинарии экскурсово-

⁹ Райков Б. Е. Методика и техника ведения экскурсий. — СПб.: Государственное издательство, 1921, — С.11.

дов» в Детском Селе стали настоящей культурной эпохой в истории города. Они воспитали много талантливых экскурсоводов. Экскурсионная работа в те годы достигла в Детском Селе наивысшего расцвета.

До 1925 года инструкторская станция была самостоятельным учреждением, но в 1924 году был закрыт Экскурсионный институт в Петрограде, детище И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, и Б. Е. Райков организовал Центральную педагогическую биостанцию по адресу Демидов пер, (ныне пер. Гривцова) д. 2, где был открыт уникальный музей местной живой природы.

Детскосельская экскурсионная станция превратилась в летнее отделение этой большой биостанции. Однако в 1928 году летнее отделение было закрыто. Так закончилась история Детскосельской экскурсионной станции.

Расцвет школьных биологических станций пришелся на 1920–1922 годы. Станции стали связующим звеном между профессиональными учеными и средней школой, и хотя просуществовали они недолго, но это были уникальные педагогические учреждения, оставившие свой след и в педагогике, и в естественных науках, и в истории Петрограда–Ленинграда.

Г. И. Тимофеев-Козлов

Подвиг бойцов 196-й Гатчинской Краснознамённой стрелковой дивизии в феврале 1944 года

Моя бабушка, Тимофеева (Григорьева) Вера Дмитриевна, родилась в 1937 году в семье сельского учителя Григорьева Дмитрия Ильича в деревне Игоldино Полновского района Ленинградской области (ныне Гдовский район Псковской области). 23 июня 1941 года её отец ушёл добровольцем на фронт.

В конце июля 1941 года Псковщина и Гдовщина полностью были заняты фашистами. Однажды ноябрьской ночью 1941 года жителей деревни Новый Быт, где в то время жила семья бабушки, разбудил тихий стук в окна: «Уходите в лес, вас идут жечь». Глубокой ночью люди бежали от своих домов в исподнем, босиком по мёрзлой земле, а за их спинами уже полыхала родная деревня. Последующие три года были для всех спасшихся в лесу сущим кошмаром, о котором можно написать не одну книгу¹. Бабушка вспоминала, что в конце января 1944 года партизаны сообщили, что Ленинград освобождён и фашисты отступают. От всей деревни остался только старый, но добротный свинарник. Он стоял чуть в сторонке за рощицей, поэтому его не сожгли. В нём и поселились все уцелевшие жители деревни. Загон — семья, ещё загон — ещё семья. Однажды утром люди обнаружили, что повсюду лежат спящие солдаты. Они лежали вповалку друг на друге, в проходах и между ними невозможно было пройти.

¹ *Андреев А. О героях подвигах и славе // Гдовская заря. — 2014. — № 19, 9 мая.*

Бабушка рассказывала, что «солдаты были не то, что грязные, а покрыты какой-то коркой — смесью из запёкшейся крови и грязи, только глаза сверкали на лицах».

Данная публикация — это сокращенный вариант, можно сказать, фрагмент рукописи², которую я писал движимый чувством долга и огромной благодарности, поставив перед собой цель выяснить, из какого подразделения и кто именно были эти бойцы, а также проследить боевой путь подразделения до и после встречи с семьёй моей бабушки.

То, что Гдовский район освобождала 196-я стрелковая Краснознамённая Гатчинская дивизия генерала П. Ф. Ратова знает каждый гдович. Бойцы этой дивизии 108-го Стрелкового Корпуса участвовали в Гатчинско-Ропшинской операции. После снятия блокады они приказом командующего 42-й Армии получили приказ освободить Ленинградскую область и город Псков от немецко-фашистских захватчиков.

При написании исследовательской работы я пользовался материалами из книги «От батальона до дивизии. Боевой путь 196-й Гатчинской Краснознамённой стрелковой дивизии»³. Кроме того, в Гдовском краеведческом музее хранятся не вошедшие в книгу и вообще нигде не опубликованные рукописные воспоминания участников тех событий: бойца 893-го СП 196-й СД Н. И. Новикова и бойца 863 СП 196-й СД С. С. Фролова (одного из авторов книги «От батальона до дивизии»). При написании текстов И. Н. Новиков и С. С. Фролов опирались на документы ЦАМО в г. Подольске. Также для устранения лагун в воспоминаниях фронтовиков мною было взято интервью у командира Гдовского поискового отряда «Неизвестный солдат» А. В. Нудьги. Ценные сведения о судьбе 196-й дивизии приводятся в исследовательской работе его сына М. А. Нудьги «Трагедия 893-го полка», которую он любезно мне предоставил. Уникальные сведения о событиях февраля 1944 года содержат воспоминания моих родных: бабушки Веры Дмитриевны Тимофеевой, которая не только ребёнок войны, но и бывший директор Гдовского краеведческого музея и лично знала Николая Ивановича Новикова; бабушки Алексея Николаевича Тимофеева, который по роду деятельности

² *Тимофеев-Козлов Г. И.* Несколько дней из жизни освободителей Ленинграда 196-й Гатчинской Краснознамённой стрелковой дивизии в феврале 1944 г. (Рукопись). — СПб., 2015.

³ От батальона до дивизии. Боевой путь 196-й Гатчинской Краснознамённой стрелковой дивизии. Т.1 // Авторы и сост.: Куропаткин Е.П., Сухенко И.П., Фролов С.С., Иванов В.П. — М., 2007. URL: http://militera.lib.ru/h/0/pdf/sb_ot-batalionado-armii01.pdf (дата обращения 27.06.2018)

много общался с местными жителями, и мамы, Елены Алексеевны Тимофеевой-Козловой, которая в 90-е годы была членом поискового отряда «Неизвестный солдат». Чтобы обобщить и проанализировать все собранные мною материалы я предпринял экспедицию по местам боевых действий 196-й дивизии в Сороковой бор, что помогло мне по-новому взглянуть на многие факты.

Что же происходило с этой дивизией в январе-феврале 1944 года?

«С завершением важного этапа полного освобождения Ленинграда времени на отдых и пополнение не было дано, всё это делалось в ходе дальнейшего наступления. Уже 26-го января 1944 года перед командованием 196-й дивизией были поставлены новые задачи»⁴. Следует напомнить, что в дивизии к началу январского наступления насчитывалось 6945 человек (в том числе: офицеров — 718, сержантов — 1630, рядовых — 4597). Потери за 2 недели января убитыми и ранеными составили 2894 человека (в том числе: офицеров — 131, сержантов — 551, рядовых — 2216)⁵. Таким образом и после пополнения части и подразделения соединения имели почти на 2 тысячи человек меньше, чем к началу боев.

Согласно воспоминаниям участников боевых действий Н. И. Новикова⁶ и Н. И. Кулаковского⁷ продвижение частей дивизии проходило в очень трудной обстановке. На фронт непрерывным потоком шли войска, бесконечной вереницей двигалась боевая техника. Дороги в условиях глубокого снежного покрова прокладывались заново. Это затрудняло движение. В результате тыловые подразделения отставали, не хватало горючего и продовольствия. 196-я стрелковая Краснознамённая Гатчинская дивизия в составе 108-го стрелкового корпуса продолжала продвижение к переправам через Лугу. Командующий корпуса генерал М. Ф. Тихомиров требовал ускорения темпов марша до 30 километров в сутки. Попутно он поставил дополнительную задачу о выделении из частей дивизии сильно подвижного отряда.

Начальником подвижного отряда был назначен командир 863-го стрелкового полка майор Николай Иванович Кулаковский. Днём 31 января отряд майора Н. И. Кулаковского переправился с техникой вброд

⁴ Там же. С. 377.

⁵ Там же. С. 372.

⁶ *Новиков И. Н.* На древний Псков. Воспоминания полковника медицинской службы в отставке о 196-й дивизии. Рукопись. ГМГВ 16. МБУК «Гдовский музей истории края».

⁷ *Кулаковский Н. И.* Воспоминания. Рукопись. Фрагмент. ГМГВ 16. МБУК «Гдовский музей истории края».

и по льду через Лугу, начал марш в направлении города Гдова и в ночь с 1-го на 2-е февраля занял город Гдов. Вот как вспоминает об этом сам Н. И. Кулаковский: «На подступах к Гдову, примерно в 15.00 встретились с партизанами во главе с командиром И. Н. Гавриловым (партизаны накормили нас), в городе в это время были немцы. Около 22.00 в городе была слышна стрельба, видны пожары. Я приказал командиру 2-го батальона старшему лейтенанту Н. Г. Микрюкову отрезать путь отхода противнику из Гдова. Подойдя вплотную к городу, стало ясно, что противник оставил город. В ночь с 1-го на 2-е февраля в город вошли подразделения передового отряда. Своим вхождением они закрепили победу над врагом, освободили город, сделали невозможным возвращение противника. Всюду были сожжённые и взорванные постройки. Город был превращён в руины»⁸.

Как далее написал Н. И. Кулаковский, он вместе с Гавриловым пошёл к зданию городского совета. Туда подошли и уцелевшие жители. Они узнали Гаврилова, в освобождённом городе начиналась мирная жизнь. Утром 2 февраля отряд Кулаковского овладел д. Брагино, единственной уцелевшей в этом районе деревней.

В первые дни февраля после освобождения Гдова продвижение дивизии в сторону Пскова сопровождалось действиями разведчиков и наблюдателей, сбором информации от партизанских отрядов. Зима 1944 года была очень снежная. Дороги были уничтожены. До станции Ямм войска продвигались по достаточно открытой местности, далее начинался Сороковой бор.

Враг всё очень грамотно спланировал. Наши разведчики повсюду наткнулись на опорные пункты, на замаскированные артиллерийские расчёты, всё это создавало впечатление наличия большой вражеской группировки в сердце бора. В самом деле, в деревне Молоди находилось около 4000 вражеских солдат и 8 танков (дивизия). На станции Ямм — 1000 солдат и 5 танков, также были выявлены опорные пункты у д. Кятицы, у реки Лача, и на берегу Чудского озера. Нигде в официальной литературе мы не встретили упоминаний о тяжёлых боях и больших потерях, но пройдя сорок километров по Сороковому бору по пути следования дивизии, мы насчитали три братских захоронения (в п. Ямм, д. Гвоздно, и д. Елешно), в которых захоронено от 1000 до 2000 человек. Судя по отчётам поисковиков, каждый год они поднимают в тех местах от двух до семи сотен бойцов, в основном — 1944 год⁹. А. В. Нудьга, командир

⁸ Там же.

⁹ *Рамазанова З.* Упокоились с миром // Гдовская заря. — 2015. — № 21, 22 мая.

гдовского поискового отряда «Неизвестный солдат» подтвердил наше предположение о больших количественных потерях в 196-СД в феврале 1944 года под Гдовом, о том, что в ожесточённых боях в районе посёлка Ямм и деревень Молоди и Стража погиб почти весь состав 196-й дивизии¹⁰. Данные по боевым операциям в феврале 1944 года в районе Сорокового бора в архивах до сих пор имеют гриф «Совершенно секретно»¹¹. Вместе с Андреем Владимировичем Нудьгой мы попробовали разобраться и пришли к следующим выводам.

Во-первых, несмотря на активные действия разведки, командованию непросто было составить чёткое представление о силах противника и разгадать их манёвр. Манёвр противника, скорее всего, заключался в том, чтобы дезориентировать наше командование и рассредоточить основные силы наступающих войск, изматывать их в непредсказуемых боях, чтобы дать возможность основным силам укрепиться на подступах ко Пскову (Линия «Пантера»¹²).

Во-вторых, в 1944 году действовала директива Ставки, по которой, столкнувшись с силами противника, требовалось немедленное окружение противника. Видимо, фашисты были знакомы с этой директивой и умело этим пользовались, раскалывая наши и без того немногочисленные части дивизии на более мелкие отряды. К 1944 году фашисты уже научились сражаться в лесу, об этом говорят и их точнейшие карты.

В-третьих, сказывалась несогласованность командования вследствие переподчинения, поскольку с 8 февраля 196-я стрелковая дивизия была введена в состав 123-го стрелкового корпуса и вышла из подчинения 108-го стрелкового корпуса¹³.

В результате имел место тактический просчёт, связанный с недооцениванием сил противника: вместо того, чтобы перерезать шоссе и закрыть пути отхода и возможности подкрепления живой силой и техникой противнику (как планировал П. Ф. Ратов), части дивизии были дезориентированы, раздроблены и втянуты в изматывающие бои в труднопроходимых условиях в сердце бора. Позже мы нашли подтверждение нашим

¹⁰ Нудьга М. А. Трагедия 893-го полка. Рукопись исследовательской работы. — Гдов, 2014.

¹¹ Тимофеев-Козлов Г. И. Указ. соч. С.15.

¹² Линия Пантера или Восточный вал (*нем.* Ostwall) — стратегический оборонительный рубеж немецких войск, оборонительная линия, частично возведённая Вермахтом (немецкими войсками) осенью 1943 года на Восточном фронте во время Второй мировой войны.

¹³ Новиков И. Н. Указ. соч.

предположениям в воспоминаниях С. С. Фролова: «Причины тяжёлого поражения непонятны, но намекают на стратегический расчёт немцев: отвлечь основные силы дивизии на Ямм и Молоди. Противнику удалось сломить сопротивление наших подразделений, рассеять их по лесам и болотам. Противник после соединения своих войск (со стороны Ямм и со стороны Пскова) в спешном порядке посадил свои части на автомашины и ушёл по шоссе на юг в сторону Пскова»¹⁴.

Проанализировав полученную информацию, я попытался реконструировать ход событий. Судя по всему, они развивались следующим образом: 5–6 февраля в районе станции Ямм противник получил подкрепление. Прибыло 9 автомашин с пехотой и 5 танков. На пути продвижения наших частей были и другие сильные опорные пункты противника, в т.ч. Ямок, Ямм, Малая Желча, Чернечки, в которых он закрепился. В условиях сложного построения боевого порядка и трудностях продвижения по бездорожью, болотам с многочисленными речками, трудно было ориентироваться в обстановке на марше. Необходима была квалифицированная разведка. Продвижение развивалось в двух направлениях: 863-й стрелковый полк под командованием майора Н. И. Кулаковского продвигался в сторону Замежничья, а 893-й стрелковый полк в направлении Ямок, Ямм, Чернечко. Была поставлена задача выйти к посёлку Стража (обходом опорных пунктов противника) с востока и юго-востока и перерезать шоссе и железную дороги в этом пункте. 884-му стрелковому полку было приказано выставить заслон на случай нападения противника со стороны опорного пункта Корытно, создав таким образом противотанковый резерв для дивизии со стороны Ямм. Разведка донесла о ещё более крупной группировке в районе д. Молоди и нескольких артиллерийских расчётах, рассредоточенных по лесу. Именно в этот момент происходит переподчинение. 893-й полк вообще остался один без связи, без подкрепления и был полностью уничтожен в районе д. Стража. В живых остались 5 % бойцов от первоначального состава, которые все-таки сумели сохранить знамя полка¹⁵. 863-й стрелковый полк на основании распоряжения командира дивизии форсирующим маршем выступил в направлении д. Замежничье с последующим выходом в п. Гвоздно. Командир 863-го стрелкового полка майор Н. И. Кулаковский направил впереди батальонной колонны полковую разведку под командованием старшего

¹⁴ Фролов С. С. На древний Псков. Воспоминания разведчика-наблюдателя 863 СП 196-й СД. — Рукопись. — Фонд № 16 МБУК «Гдовский музей истории края». — С. 20.

¹⁵ Нудьга М. А. Указ. соч.

лейтенанта Л. А. Никифорова, они и освободили эту деревню. Согласно воспоминаниям Н. И. Новикова, 8 февраля комвзвод Л. А. Никифоров был убит в бою в д. Гвоздно, однако сведений на ОБД «Мемориал» о его гибели не содержится¹⁶. Подробно обстоятельства гибели Леонида Автономьевича Никифорова описаны в полной версии моей работы.

Комдив П. Ф. Ратов приказал командиру 262-й отдельной разведывательной роты старшему лейтенанту В. И. Прокошенко лично возглавить дивизионную разведку, действовать впереди стрелковых частей¹⁷. 863-й стрелковый полк майора Н. И. Кулаковского развивал наступление в обход деревни Молоди. В авангарде выступал 2-й батальон Н. Г. Микрюкова. Единственным зданием на всю округу был хлев в бывшей деревне Новый Быт, в который на ночь из леса приходили уцелевшие жители окрестных деревень, в т. ч. и семья моей бабушки. Поскольку по её воспоминаниям все появившиеся тогда солдаты располагались в одном помещении, можно предположить, что их было 100–200 человек. В донесениях деревня Новый быт не упоминается, поэтому сложно сказать из какого полка были бойцы, освободившие мою семью, но это точно или 2-й батальон Н. Г. Микрюкова 863-го СП, или 262-я ОРР В. И. Прокошенко. Указанный маршрут их следования Чечевино–Корытно–Забельско–Наумовщина находится на одной дороге с деревнями Полна и Новый Быт. Поэтому я предполагаю, что бойцы, оставившие неизгладимое впечатление в памяти моей бабушки — это разведчики либо старшего лейтенанта Николая Григорьевича Микрюкова, либо старшего лейтенанта Владимира Ивановича Прокошенко, а скорее всего и те, и другие, т.к. позже в это место подошли основные части дивизии и оттуда шёл штурм фашистской группировки, засевшей на станции Ямм (деревни Полна и Ямм разделяет одно поле, теперь это мемориал «Поле памяти»).

Мне удалось найти дополнительную информацию о судьбах некоторых бойцов-освободителей: Николая Григорьевича Микрюкова, Николая Ивановича Комаря, Ивана Васильевича Ерёмину, Николая Ивановича Карачёва. Эта информация содержится в полном тексте моей исследовательской работы, а здесь я хочу немного рассказать только об одном из этих героических воинов, о командире разведчиков Владимире Ивановиче Прокошенко. Это был очень уважаемый в дивизии человек. О нём неоднократно упоминается в книге «От батальона до дивизии» и в воспоминаниях И. Н. Новикова и С. С. Фролова.

¹⁶ Новиков И. Н. Указ. соч.

¹⁷ Там же.

Владимир Иванович родился в 1922 году в деревне Карево, Куньинского района, Псковской области. В Красной Армии — с сентября 1941 года. Защищал Сталинград, Ленинград. Войну закончил в Польше в звании капитана. Имеет награды: «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда», орден Отечественной войны II-й степени, орден Красной Звезды и другие. В наградном листе за орден Красной звезды, относящемся к битве за Сталинград, говорится, что ст. лейтенант Прокошенко 12 раз ходил в разведку за «языком»¹⁸.

После окончания Зимней войны в 1940 году, согласно Московскому договору финский город Сортавала был передан СССР и вошёл в состав новообразованной Карело-Финской ССР. Город стал центром созданного Сортавальского района. Туда прибывали переселенцы из Ленинграда и других промышленных центров, рабочие и колхозники с Украины, из Белоруссии, Чувашии, Мордовии, Вологодской и других областей СССР. В 1947 году в Сортавалу прибыл молодой фронтовик, коммунист Владимир Иванович Прокошенко. Приехал он туда вместе с женой. В 1957 году он стал директором школы № 3, первой построенной после войны силами городского ремстройуправления городской средней школы. У моей мамы в классе учился мальчик, чья бабушка, Лариса Александровна Куликова, родом из г. Сортавала. Это выяснилось в случайном разговоре. Мы связались с Ларисой Александровной и спросили, какую школу она заканчивала и знает ли она В. И. Прокошенко. Вот, что она рассказала: «Я заканчивала школу № 3, а директором в ней был высокий, кареглазый В. И. Прокошенко. Он был другом моего отца, они вместе возглавляли город. Он нам очень много дал как директор, мы даже учителей не так помним как его, но он умер лет двадцать пять назад. Помню, что он был очень строгий, но справедливый директор»¹⁹.

В заключение хочу сказать важную для меня вещь. Я не могу поставить «точку» в своей исследовательской деятельности. Я считаю своим долгом продолжать поиски бойцов, чьи имена упоминаются в источниках, которыми я пользовался. Надеюсь, что когда-нибудь будет снят гриф «СЕКРЕТНО» с журналов боевых действий в ЦАМО. Наше поколение, по-прежнему, очень мало знает о войне. Время неумолимо отдаляет от нас те события. Но, несмотря ни на что, надо стремиться сохранить каждую крупницу памяти. Когда я изучал документы, касающиеся повседневной военной жизни на фронте и в тылу,

¹⁸ «Подвиг народа». URL: <http://podvignaroda.mil.ru/?#id=150137849&tab=-navDetailManAward> (дата обращения 26.06.2018).

¹⁹ Тимофеев-Козлов Г. И. Указ.соч. С.29.

я понял, что слова «Я ПОМНЮ, Я ГОРЖУСЬ» для меня не пафос. И Владимир Иванович Прокошенко, который в далёком 1944 году освободил мою бабушку, а в 50-е был личным примером для бабушки Дёмы, мальчика из маминого класса, сам того не зная, объединил нас. Наши семьи никогда и нигде не пересекались раньше, но своей судьбой он перекинул между ними необыкновенный мост. Эта история — песчинка в море, в море спасённых жизней. Свою работу не считаю законченной...

Т. В. Шестухина

Формирование познавательной мотивации школьников средствами интерактивной командной игры-квеста (на примере квеста «Литературные места Лесного»)

Наиболее эффективной в плане актуализации познавательной активности учащихся является интерактивная технология обучения — образовательный командный квест. Применение квеста в учебно-воспитательном процессе целесообразно, потому что делает образовательный процесс более увлекательным. А это наилучшее условие для развития и самореализации членов учебно-воспитательного процесса.

Познавательная игра для школьников «Литературные места Лесного» была создана с целью приобретения обучающимися дополнительных к школьной программе знаний по литературе и краеведению, а также как добавочный импульс в ходе патриотического воспитания. Предполагаемый возраст участников квеста — учащиеся sixth-седьмых классов.

При реализации квеста задействованы следующие площадки: музей «Лесное: из прошлого в будущее» Дома Детского творчества «Союз», достопримечательности исторической местности Лесное города Санкт-Петербурга, библиотека № 1 ЦБС Выборгского района. В ходе игры ребята побывают у следующих памятников: Политехнический институт, памятный знак Карла и Эмилии, Серебряный пруд, особняк Д. Н. Кайгородова, музей на Болотной, 13 (особняк Г. Г. Бертлинга), дом Д. С. Лихачева и узнают о писателях: Б. Житкове, Д. Гранине, Л. Успенском, Л. Чарской,

Д. Кайгородове, Д. Лихачеве, которые связаны с данными объектами Лесного.

Известно, что детский писатель Борис Житков в 1911–1916 годах учился в Политехническом институте на кораблестроительном отделении, а Даниил Гранин окончил этот институт в 1940 году по специальности «гидроэлектрические станции». Лев Успенский учился в Лесном институте в 1922–1924 годах. Он является автором автобиографической книги «Записки старого петербуржца», в которой по-новому была описана легенда о Карле и Эмили. Недавно, на предполагаемом месте их захоронения, у НИИ цитологии был установлен памятный знак Карлу и Эмили.

В Лесном институте преподавал профессор Дмитрий Кайгородов. Он написал и издал большое количество популярных книг о лесе, грибах и перелетных птицах. Лидия Чарская, которая известна скорее как писательница, была актрисой Александринского театра и выступала на сцене Летнего театра у Серебряного пруда. Дмитрий Лихачев с 1974 по 1999 год жил в доме на 2-м Муринском проспекте рядом с особняком на Болотной, 13. Здесь он написал много филологических и культурологических трудов.

Перечисленные выше деятели культуры связаны с историческими объектами местности Лесное. При соприкосновении с культурным наследием исторической местности у ребят развивается чувство гордости за родной край и формируется бережное отношение к нему. Проведение игры на данной территории стимулирует у детей также и развитие познавательных интересов.

Цель игры — развитие у учащихся стремления к познавательной деятельности и приобщение к культурному наследию прошлого через использование интерактивных форм.

Вовлечь в игру можно всех, если будут учтены типы восприятия у учащихся и задействованы такие психические функции как внимание, память, мышление, эмоции. Выбор механизма игры и её наполнение должны проходить с учетом всех этих особенностей.

Важнейшими элементами данной игры были исследование местности и решение головоломок и задач, требующее от игрока умственных усилий. В заданиях для команд использовались различные игровые приемы: разгадывание шифров с использованием символов, определение числовых шифров с использованием нумерации букв алфавита и кроссворда с помощью поиска ответов на вопросы при осмотре историко-культурного объекта, изучение топонимики местности по карте.

Кратко опишем сам ход игры. Для каждой команды ведущие печатают записки разных цветов с заданиями, относящимися к той или иной станции, кладут их в книги, упакованные в файлы, и прячут на маршрутах. Еще ведущий готовит «свитки» с афоризмами Н. А. Некрасова и складывает их в деревянный ларец, который прячет в библиотеке.

Введение в игру происходит в музее «Лесное: из прошлого в будущее» ДДТ «Союз». У каждой команды свой ведущий, который направляет детей по ходу движения и проверяет выполненные ими задания.

Сначала команды смотрят видеоролик: обращение Глеба Успенского к потомкам из прошлого. Это завязка игры, из которой ребята узнают, что им надо разгадать фамилию писателя-лесовца и найти ценность, которую он им завещал.

Ведущие раздают карты местности с маршрутами движения. Каждая команда поэтапно проходит 4 станции. На каждой станции ребята ищут спрятанные книги с записками и выполняют задания. В заданиях в разных формах предлагается ответить на вопросы, поработав с книгой или с историческим объектом. За выполненные задания игроки получают от ведущего кусочек карты или собирают буквы из книг для составления фамилии писателя. В ходе выполнения заданий ребята узнают интересные факты о петербургских писателях-лесовцах и интересных местах, которые с ними связаны.

Маршрут каждой команды индивидуален. Задания для каждой команды отличаются. Каждая команда на своем маршруте собирает только часть букв загаданной фамилии писателя и фрагмент карты для поиска завещанной ценности. В финале квеста все команды прибывают на пятую станцию. Ребята собирают вместе найденные буквы, чтобы разгадать фамилию писателя, и фрагменты карты в единую подсказку, чтобы отыскать ценность.

На 5-й станции все команды собираются в библиотеке. Команды могут приходиться с интервалом 5–10 минут и поэтому сотрудники библиотеки показывают ожидающим небольшую выставку «Писатели Лесного», как бы закрепляя полученные ребятами знания. Как только все команды будут в сборе, ведущие просят их выстроиться в линейку и поочередно вызывают из строя по одному человеку, обладателю найденной в ходе квеста буквы или фрагмента карты. Таким образом, ребята делятся на две группы, одна из которой соединяет буквы и узнает фамилию писателя, а другая складывает карту, чтобы узнать, где спрятан ларец с посланиями от этого литературного деятеля. Как показала практика, фамилию писателя они узнают раньше и поэтому, озвучив ее, начинают все вместе искать ларец.

Найдя ларец, ребята проходят в читальный зал библиотеки. Каждому из них дарится на память свиток с красиво оформленным афоризмом Н. А. Некрасова из ларца. Ребята вслух читают свои свитки и объясняют смысл афоризма. Затем они смотрят видеоролик, в котором Глеб Успенский поздравляет ребят с тем, что они разгадали фамилию писателя Некрасова. Известно, что в 1842–1844 годах он снимал дом на Старо-Парголовском проспекте (пр. Мориса Тореза).

После просмотра видеоролика ведущие предлагают ребятам вспомнить, кто ещё из писателей связан с Лесным, какие произведения были ими написаны, и рекомендуют их прочитать.

В конце квеста ведущие проводят диагностику с использованием разноцветных смайликов. Используя смайлики, ребята отвечают на следующие вопросы: понравился ли тебе квест и узнал ли ты что-то новое? В процессе игры дети узнают и запоминают много нового, учатся самостоятельно работать с информацией и доброжелательно относиться к друг другу.

Игра — это средство повышения познавательной активности учащихся. Она полностью не заменяет традиционные формы и методы обучения; она рационально их дополняет, позволяя более эффективно достичь поставленной цели и задачи всего учебного процесса.

Краткие сведения об авторах

1. *Аксельрод Владимир Ильич*, канд. пед. наук, методист Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных;
2. *Александрова Яна Олеговна*, специалист по учету музейных предметов СПб ГБУК «Музей «Разночинный Петербург»;
3. *Бакалдина Елена Вячеславовна*, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов;
4. *Виноградова Юлия Валерьевна*, педагог дополнительного образования ГБОУ ДО ДТ «Измайловский» Адмиралтейского района Санкт-Петербурга;
5. *Гусенцова Татьяна Матвеевна*, методист ДДЮТ Выборгского района Санкт-Петербурга;
6. *Данилова Татьяна Владимировна*, библиотекарь ЦБС Приморского района, член СПб краеведческого клуба «Приморский ветер»;
7. *Добрынина Ирина Николаевна*, экскурсовод туристической фирмы «Эклектика-гид»;
8. *Дымищ Стелла Израилевна*, преподаватель истории искусств Санкт-Петербургского художественного училища имени Н. К. Рериха;
9. *Журавлёв Владимир Васильевич*, публицист, краевед;
10. *Замешайлова Светлана Григорьевна*, искусствовед, помощница игуменьи Константино-Еленинского монастыря по культурным программам;
11. *Золотухина Наталья Федоровна*, историк-искусствовед, канд. пед. наук, доцент, член Санкт-Петербургского философского общества;
12. *Коренцов Виктор Абрамович*, археолог, исследователь истории города;
13. *Крейцер Александр Викторович*, ведущий редактор Музея РГПУ им. А. И. Герцена;
14. *Малышева Наталья Алексеевна*, координатор отдела молодёжных программ Александринского театра;
15. *Михеева Елена Юрьевна*, ведущий библиограф Библиотеки семейного чтения им. В. А. Гущина СПб ГБУ «Централизованная библиотечная система Петродворцового района»;
16. *Мозгалева Елена Андреевна*, заведующая музеем «Лесное: из прошлого в будущее» ГБОУ ДОД ДДТ «Союз»;
17. *Наумов Валентин Николаевич*, командор регаты «ОМФ-2017» и яхтенных гонок на приз купца Сидорова, председатель Ораниенбаумского общества любителей парусного спорта;
18. *Нестерук Елена Валериевна*, экскурсовод, исследователь;
19. *Пугачева Наталья Александровна*, искусствовед, внештатный экскурсовод фирмы «Мир экскурсий»;

20. *Пузатых Варвара Вадимовна*, студентка 4 курса РГПУ им. А. И. Герцена, руководитель краеведческой студии «Питер Life» ПМК «Ракета» подростково-молодежного центра «Лигово» Красносельского района Санкт-Петербурга;
21. *Сакулина Дарья Владимировна*, научный сотрудник СПб ГБУ «Краеведческий музей г. Ломоносова»;
22. *Сапрыкина Людмила Юрьевна*, РОО Институт Петербурга, исследователь, экскурсовод;
23. *Саркисова Татьяна Сергеевна*, методист и педагог ГБУ ДО Дворца творчества Пушкинского района Санкт-Петербурга;
24. *Сафронова Анастасия Валерьевна*, научный сотрудник СПб ГБУК «Музей «Разночинный Петербург»;
25. *Талеров Павел Иванович*, канд. ист. наук, доцент, директор Учебного центра по РОУГиМЗ ИДПО Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ;
26. *Тимофеева-Козлова Елена Алексеевна*, руководитель Музея истории школы № 138 имени Святого благоверного князя Александра Невского Калининского района Санкт-Петербурга;
27. *Тимофеев-Козлов Григорий Игоревич*, ученик 10 класса ГБОУ Лицей № 126 Калининского района Санкт-Петербурга;
28. *Фурманова Ирина Борисовна*, методист ДДЮТ Выборгского района Санкт-Петербурга;
29. *Халемский Геннадий Александрович*, канд. пед. наук, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, лауреат премии А. Г. Неболсина, ученый секретарь СПб ГБУ «Краеведческий музей г. Ломоносова»;
30. *Черненко Валентин Андреевич*, экскурсовод, член Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга;
31. *Шаталова Наталия Анатольевна*, ведущий библиограф Санкт-Петербургского художественного училища имени Н. К. Рериха;
32. *Шестухина Татьяна Валерьевна*, педагог дополнительного образования ГБУ ДО ДДТ «Союз» Выборгского района Санкт-Петербурга;
33. *Шкаровский Михаил Витальевич*, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга;
34. *Щиканова Елена Игоревна*, младший научный сотрудник музея «Невская застава».